

Международный общественный журнал

Подписной индекс 79255

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Михаил Делягин

В контексте глобальной
трансформации.
Российско-китайское
сотрудничество в XXI веке

Стивен Козн
Украинский кризис.
Новая «холодная война»?

Андрей Фурсов, Кирилл Фурсов
Спецслужбы, исламизм
и семья бен Ладенов

Александр Домрин
США и конституционный переворот
1993 года в России

Елена Ларина
Враг у ворот... Кто?

Александр Неклесса
Сердце тьмы

Алексей Подберезкин
У рубежа. Вероятный сценарий
развития международной обстановки
после 2021 года

*Елена Пономарева,
Георгий Рудов*
Конфронтационное
партнерство

*Дмитрий Давыдов,
Леонид Фишман*
Будущее капитализма:
от ЛИТРПГ к футурологии

Андрей Андреев, Владимир Петухов
Россия и окружающий мир.
Как меняется отношение россиян
к парадигме «Европа – Азия»

Вахтанг Сургуладзе
Борьба за
историческую
идентичность

Ваге Давтян
ЕАЭС и проблемы
энергетической
интеграции Армении

а также рецензии и обзоры
Бориса Романова, Виктора Пернацкого
и *Андрея Майданского*

2015
№ 3 (1651)

Издается с 1924 года

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

2015
№ 3 (1651)

СОДЕРЖАНИЕ

STATUS RERUM

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

Михаил Делягин

В контексте глобальной трансформации

Российско-китайское сотрудничество в XXI веке 5

В силу специфики своих цивилизаций только Россия и Китай вместе могут противостоять деградации и дегуманизации человечества, вызванной загниванием глобальных монополий. Украинская катастрофа превратила ранее соперничавшие российский и китайский интеграционные проекты во взаимодополняющие. Их перспективность повышает актуальность изучения как противников, так и скрытых сторонников российско-китайского стратегического партнерства.

Стивен Коэн

Украинский кризис

Новая «холодная война»? 17

Гражданская война на Украине и новая «холодная война» между США и Россией создали самый опасный международный кризис со времен карибского. Показана несостоятельность попыток Запада взвалить ответственность за собственные авантюры на Россию, убедительно разоблачается лежащая в основе всей современной политики Запада иллюзия его победы над Советским Союзом в «холодной войне».

TERRA INCOGNITA

НЕИЗВЕДАННАЯ ЗЕМЛЯ

Александр Домрин

США и конституционный переворот

1993 года в России 31

Подробный анализ участия властей США в совершении президентом Ельциным и его окружением переворота осенью 1993 года обнажает лицемерие и лживость американского государства и общества в целом, их полное презрение к декларируемым ими высоким принципам демократии и законности при достижении реальной цели — превращения России в зависимое от США и разграбляемое их представителями государство.

**Главный редактор —
МИХАИЛ ДЕЛЯГИН**

Издатель — ООО «Политиздат».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич

(главный редактор)

ГЕНДЕЛЕВ Александр Николаевич

(первый заместитель

главного редактора)

АНТИПОВ Алексей Иванович

АУРОВ Олег Валентинович

БУШУЕВ Валерий Геннадьевич

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна

СИБИРЯКОВ Никита Николаевич

СМИРНОВ Михаил Александрович

СМОЛИН Олег Николаевич

ШЕЯНОВ Вячеслав Владимирович

Журнал издается с апреля 1924 года. Выходил под названиями «Большевик» (1924—1952) и «Коммунист» (1952—1991). С 1991 года журнал является независимым международным общественным изданием и выходит под названием «Свободная Мысль».

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС77-52266 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 28 декабря 2012 года.

Адрес редакции: 105064, Москва, Яковлевопостольский пер., д. 6, стр. 3.

Тел. / Факс: (495) 917-8178.

E-mail: admin@svom.info

Журнал отпечатан в ООО «Типография “Гарт”».

Адрес типографии: 105082 Москва, М. Почтовая ул., д. 12.

Заказ № .

Группа подготовки номера:

Б. А. Азаров, О. В. Ауоров,
В. Г. Бушуев, А. А. Лебедева,
Е. Б. Любова-Пшеницына,
А. Н. Немов, В. Сидорова.

**Издается при содействии
Фонда ИСЭПИ**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

СМОЛИН

Олег Николаевич —
председатель редакционного
совета, д. ф. н., первый
заместитель председателя
Комитета Государственной
Думы по образованию,
член-корреспондент РАН

АГЕЕВ

Александр Иванович —
д. э. н., профессор, академик РАН,
генеральный директор
Института экономических
стратегий Отделения
общественных наук РАН

БОГОМОЛОВ

Олег Тимофеевич —
д. э. н., академик РАН,
заведующий кафедрой мировой
экономики Института новой
экономики, почетный директор
Института международных
экономических и политических
исследований РАН (ИМЭПИ)

БУЗГАЛИН

Александр Владимирович —
д. э. н., профессор МГУ
им. М. В. Ломоносова

ВОРОЖЦОВ

Владимир Петрович —
д. ф. н., первый заместитель
председателя Российского
комитета защиты мира

ГАВРИЛОВ

Сергей Анатольевич —
к. э. н., председатель Комитета
Государственной Думы РФ
по вопросам собственности

ГЛАЗЬЕВ

Сергей Юрьевич —
д. э. н., академик РАН, советник
Президента РФ (в личном качестве)

ДЕЛЯГИН

Михаил Геннадьевич —
д. э. н., академик РАН,
директор Института проблем
глобализации (ИПРОГ)

КОЛГАНОВ

Андрей Иванович —
д. э. н., профессор МГУ
им. М. В. Ломоносова

КОЭН Стивен

— профессор Нью-Йоркского
университета, почетный
профессор Принстонского
университета (США)

КБЕЗА Джульетто

— писатель, общественный деятель
(Италия)

Андрей Фурсов, Кирилл Фурсов

Спецслужбы, ислаимизм и семья бен Ладенов 47

Двадцатилетняя история ислаимизма раскрывает его неразрывную связь со спецслужбами США, Пакистана и Саудовской Аравии и его роль в реализации и столкновении проектов различных политических сил данных государств. Особое внимание уделено восьмидесятилетней истории разветвленной и неоднородной семьи бен Ладенов.

Елена Ларина

Враг у ворот... Кто? 65

Подробная и представляющая самостоятельную ценность библиография по проблематике структуры современного общества и социальной действительности перерастает в изучение характера современной власти, основанной на деятельности глобальных скрытых финансовых структур. Рассмотрены мотивация и внутренний состав современного глобального управляющего класса.

THEATRUM MUNDI

МИРОВАЯ АРЕНА

Алексей Подберезкин

У рубежа

Вероятный сценарий развития

международной обстановки после 2021 года 79

Анализ возможных сценариев глобального развития после 2021 года, когда завершится период политического господства западной цивилизации, позволяет прогнозировать резкое обострение ее противостояния России. Это делает необходимым для нашей страны широкий комплекс превентивных мер, подготовка и реализация которых должны быть начаты уже сейчас.

Елена Пономарева, Георгий Рудов

Конфронтационное партнерство 93

Украинский кризис, способный привести к глобальной катастрофе, был спровоцирован и даже предопределен принципами и механизмами европейской программы «Восточное партнерство». Нацеленная на шесть республик бывшего СССР: Азербайджан, Армению, Белоруссию, Грузию, Молдавию и Украину, — данная инициатива изначально носила конфронтационный по отношению к России характер и была нацелена на формирование антагонистической среды в Европе, что обеспечивало паралич любых инициатив по созданию единого пространства от Лиссабона до Владивостока.

MODUS VIVENDI

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Андрей Андреев, Владимир Петухов

Россия и окружающий мир

Как меняется отношение россиян

к парадигме «Европа — Азия» 107

Анализ российского общественного сознания показывает его перефокусировку с Запада на страны, разделяющие с Россией ее историческое прошлое и готовые к интеграции с ней в рамках различных геополитических и геоэкономических проектов. Происходит постепенная трансформация системы представлений и смыслов, задающих матрицу современной российской идентичности, которая не становится евразийской, но на наших глазах и с нашим участием формирует новый исторический проект «альтернативной Европы».

Александр Неклесса

Сердце тьмы 119

Сложившееся мироустройство находится в глубоком кризисе, внешне проявляющемся в падении значения национальных государств, росте роли трансграничной динамики и насилия, в том числе символического и демонстративного. Симптомом глубоких социальных и ментальных сдвигов являются попытки деконструкции современной цивилизации и новый тип терроризма, сопряженный с феноменом «культуры смерти», базирующейся на нигилистическом мировоззрении, которое имеет глубокие исторические и гносеологические корни.

Дмитрий Давыдов, Леонид Фишман

Будущее капитализма: от литРПГ к футурологии ... 139

Рост эффективности технологий делает необходимой для сохранения власти капитала «утилизацию» значительной части общества в разнообразных «виртуальных мирах» с ее отчуждением от реальности. Большинство населения развитых стран превратится в асоциальных рантье, стремящихся к минимизации усилий ради получения минимума индивидуальных благ, позволяющих пребывать в искусственной реальности и отчужденных от самих себя.

PRO ET CONTRA

ЗА И ПРОТИВ

Вахтанг Сургуладзе

Борьба за историческую идентичность

Феномен «византизма» и его восприятие

в России и на Западе 151

Дискредитация Византии в силу особой культурно-исторической значимости ее образа для России — часть информационной войны Запада против нашего общества. Анализ сильных и слабых сторон культуры, социально-политической системы Византии и практики ее государственного управления создает целостное представление о «цветущей сложности» этой долгое время успешной цивилизации и объясняет ее судьбу в одновременном противостоянии Западу и исламу.

Ваге Давтян

ЕАЭС и проблемы энергетической

интеграции Армении 165

На основе анализа энергосистемы Армении показано преобладание политических и культурно-цивилизационных факторов над экономическими в процессе вступления Армении в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и то, что само это вступление является политическим проектом, нацеленным на обеспечение военной безопасности. Обоснована необходимость выработки специальных условий интеграции Армении в ЕАЭС, в том числе в энергетике.

QUO VADIS?

КАМО ГРЯДЕШИ? КУДА ИДЕШЬ?

Виктор Пернацкий

Феномен социальной реальности 173

Социальность есть наивысший уровень материальной организации человеческой жизни с целым набором уникальных отличительных черт, включая духовную сферу, дающей ему право называться «сверхбытием». В отличие от всех природных существ, человек, как единственный обитатель социального мира и аналог самого общества, чтобы стать таковым, должен родиться не один, а два раза: сначала приходя в природный мир, а затем переходя из него в мир социальный.

НЕКИПЕЛОВ

Александр Дмитриевич —

д. э. н., академик РАН, директор Московской экономической школы МГУ им. М. В. Ломоносова

ОВЧИНСКИЙ

Владимир Семенович —

д. ю. н., заслуженный юрист РФ, вице-президент Союза криминалистов и криминологов

ПОНОМАРЕВА

Елена Георгиевна —

д. п. н., профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД РФ, президент Международного Института развития научного сотрудничества (МИРНАС)

СТЕПАШИН

Сергей Вадимович —

д. ю. н., председатель Императорского Православного Палестинского Общества

СУНДИЕВ

Игорь Юрьевич —

д. ф. н., вице-президент Российской криминологической ассоциации

ТОРКУНОВ

Анатолий Васильевич —

д. п. н., академик РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ

ТУРЧИН

Петр Валентинович —

профессор Университета Коннектикута, вице-президент Института эволюции (США), научный сотрудник Школы социальной антропологии Оксфордского университета (Великобритания)

ФУРСОВ

Андрей Ильич —

к. и. н., член Международной академии наук (Инсбрук)

ФЭН Шаолей —

декан, профессор Школы международных и региональных исследований (SAIAS) Восточно-Китайского педагогического университета; директор Центра российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета (Китай)

ЭСКИНДАРОВ

Михаил Абдурахманович —

д. э. н., ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор, член-корреспондент РАО

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ журнал «Свободная Мысль» относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет. Авторам, направляющим свои статьи в журнал, рекомендуется придерживаться следующих правил оформления:

Формат рукописи

Рукопись представляется в редакцию в электронном виде в формате *Word для Windows*. Шрифт *Times New Roman*, с размером не менее № 12. Межстрочный интервал — полуторный. Объем статьи не должен превышать одного авторского листа (то есть 40 тысяч знаков, включая пробелы). Объем рецензий — до 1/2 авторского листа. Ссылки оформляются в виде суммируемых сносок в конце каждой страницы. *Автор публикации отвечает за точность приведенных цитат и ссылок на использованные источники и литературу.*

Материалы в обязательном порядке должны содержать краткие аннотации и ключевые слова на русском и английском языках. Информация о материалах после их публикации в таком виде регулярно предоставляется по установленной форме в систему Российского индекса научного цитирования.

Формат таблиц и иллюстраций

Таблицы встраиваются в текст статьи. При этом они должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем. Иллюстрации предоставляются *отдельно* в форматах: для растровых объектов — *tif, psd* или *jpg* (без увеличения оригинала) с разрешением не менее 200 dpi; для векторных объектов — *eps, pdf, ai*. Графики и диаграммы, сделанные в *MS Excel*, предоставляются в формате исходной программы. Для каждого рисунка необходима подрисовочная подпись. *Не принимаются для публикации иллюстрации в формате Microsoft Word.* При использовании в статье нескольких таблиц или рисунков обязательна их сквозная нумерация.

К статье обязательно прилагаются сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), место работы, должность, ученая степень и данные для связи (адрес, номер телефона, электронный адрес).

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи подлежат обязательному рецензированию по параметрам теоретической и практической значимости и стилистики.

Точка зрения авторов не обязательно отражает мнение редакции.

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал обязательна.

С авторов плата за опубликование их материалов не взимается.

Приоритетным правом для публикации своих материалов обладают подписчики журнала.

Материалы направлять по адресу: admin@svom.info

AD LITTERAM

БУКВАЛЬНО

Гайдар против собственной политики 189

Егор Гайдар

«Зря денег не дают» (1989) 191

MARGINALIA

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Борис Романов

Пульс времени 205

(*Щитков А.* Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики. СПб.: Алетейя, 2015. 88 с.)

Современный либерализм, обслуживающий интересы глобального бизнеса, имеет глубокую органическую связь с фашизмом, являвшимся диктатурой в интересах крупного капитала. Именно общность выполняемых ими функций обусловила их политический союз — в частности последовательную поддержку неонацистского режима на современной Украине западными демократиями и российскими либералами. Коренное различие объективных политических задач обуславливает принципиальную несовместимость правого и левого традиционализма, несмотря на совпадение их позиций по ряду тактических вопросов.

Андрей Майданский

Консервативная революция

Мих. Лифшиц на уроках Гегеля 209

Штудирова Гегеля, советский философ М. А. Лифшиц стремился понять логику революции и постреволюционного развития культуры. Гегелевское понятие Мирового духа Лифшиц вслед за Белинским преобразовал в понятие «патоса», выражающее объективную силу исторической ситуации, «обстоятельств». Социалистическая революция предвещала ему столкновением двух «патосов»: уравнилельной, анархической страсти к разрушению и силы самосохранения культуры.

VARIA

РАЗНОЕ

Annotations 221

К сведению подписчиков 224

В контексте глобальной трансформации

Российско-китайское сотрудничество в XXI веке

Базовые тенденции глобального развития: конец рынка

Мы живем в восхитительное, прекрасное, невероятно интересное время, когда все привычные нормы и правила рушатся и через некоторое время создаются заново, а возможности исторического творчества становятся безграничными, хотя за них и приходится дорого платить.

Глобальный экономический кризис маскирует переход человечества в качественно новое состояние. Информационные технологии преобразуют сам характер развития человечества: если до них мы меняли окружающий мир, то теперь во все большей степени меняем свое восприятие этого мира (так как наиболее рентабельным из общедоступных видов бизнеса стало формирование сознания). На следующем этапе — этапе массового применения биотехнологий (если он наступит) — мы будем менять уже самих себя.

Изменились мотивы общества: люди в массовом порядке стали осознанно приносить свои интересы в жертву эмоциям. Удовлетворение первичных материальных потребностей сделало главной проблемой общества сенсорное голодание: сегодня мотивом действий и, соответственно, непосредственным двигателем развития является дефицит не столько материальных или духовных благ, сколько прежде всего эмоций.

Активная часть общества во все большей степени структурируется в рамках не привычных нам партий и клубов, но сект, объединяющих людей на основе некритического восприятия религиозной догмы, человека, товара или финансового продукта.

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич — главный редактор журнала «Свободная Мысль», директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук.

Доклад на научно-практической конференции «Китай и Россия в меняющемся мире». Пекин. 4 мая 2015 года.

Ключевые слова: Россия, Китай, экономический пояс нового Шелкового пути, морской Шелковый путь, Шелковый путь, стратегическое сотрудничество, глобальная депрессия, глобальный кризис, Тайвань.

Общественные отношения расширились на два принципиально значимых уровня: с одной стороны, «ячейкой общества» стала уже не семья, а индивид, с другой, государства заняли подчиненную позицию по отношению к глобальному бизнесу и выражающему его интересы глобальному управляющему классу — этому качественно новому всемирно-историческому субъекту, ставшему главным фактором развития человечества.

Высокая производительность информационных технологий делает нужной для производства материальных и духовных благ, потребляемых человечеством, все меньшее число людей. В то же время возвышение глобального бизнеса над государствами уже сделало доминирующей логику эффективности с точки зрения не общества, а отдельной фирмы. Поэтому проблема «лишних людей», высвобождаемых из-за сверхпроизводительных технологий, и их свободного времени перестала учитываться, так как существует как проблема лишь на уровне общества, а не фирмы.

В результате мы видим дегуманизацию (так как человек стал лишним, перестал быть инструментом получения прибыли и нужным наиболее влиятельным силам мира) и социальную утилизацию среднего класса даже развитых стран (у которого максимален разрыв между производимым и потребляемым, и нет влияния, чтобы защитить себя).

Это окончательно уничтожает традиционную демократию (существующую от имени и во имя среднего класса), заменяя ее информационной диктатурой в интересах глобального бизнеса, обеспечивающей требуемое разнообразие эмоций.

Ликвидация среднего класса уничтожает и рыночную экономику (так как именно средний класс предъявляет наиболее значимый спрос, а рынок без спроса — уже не рынок), заменяя ее сочетанием глобальных спекуляций на основе неконтролируемой эмиссии денег со скудеющим нормированным снабжением непродовольственных масс населения в развитых странах и их утилизацией в гражданских конфликтах в странах неразвитых.

Помимо прочего, исчерпанность рыночных отношений проявляется в том, что прибыль перестала служить даже плохим заменителем смысла жизни. Единственная альтернатива заключается в саморазвитии личности, но это сложный и в принципе отрицающий коммерческую мотивацию путь. Поэтому Запад нашел временный выход в утилизации «лишнего» населения через постоянное непроизводительное обновление эмоций при помощи развлечений и пороков. Однако это решение в силу своей принципиальной бесчеловечности может быть лишь временным. Это путь Запада, но не наш путь: не русский и не китайский.

Деньги теряют значение, уступая свое место технологиям не только в качестве символа и инструмента социального успеха, но и в качестве непосредственного носителя и выразителя наиболее важного общественного отношения.

Технологии объемлют и вбирают в себя капитал так же, как когда-то капитал вобрал в себя золото как выражение общественных отношений. При этом на первое по значимости место выходят технологии управления чувствами масс людей, а значение привычных нам производственных технологий неумолимо снижается.

Интересно, что одновременно частная собственность на средства производства практически исчезла на уровне глобального бизнеса, так как акционеры не могут реализовать свое право на управление и, более того, не хотят этого (они хотят быть не собственно акционерами, а пенсионерами своих компаний), — а без управления нет права собственности. Это еще одно выражение исчезновения рынка в его традиционном понимании и изживания капитализма как такового.

Мир в глобальной депрессии: два полюса, три валюты

Экономический кризис вызван формированием глобального рынка, складыванием на нем глобальных монополий и их загниванием. Непосредственное проявление этого загнивания — сжатие коммерческого спроса. Для предотвращения срыва в депрессию крупные экономики (США в период «количественного смягчения», еврозона, Китай, Япония) вынуждены замещать сжимающийся коммерческий спрос растущим государственным (за счет эмиссии денег).

Развитые страны не имеют возможности осуществления массовых производительных инвестиций, поэтому увеличение государственного спроса является не инвестициями, а раздачей денег и проявляется в росте долгов, ставших безнадежными.

Все 2000-е годы США загоняли мировые капиталы в свои ценные, в первую очередь государственные, бумаги стратегией «экспорта хаоса». Но после кризиса 2008—2009 годов она перестала работать (основная часть прироста долга стала финансироваться ФРС). Стратегия США в отношении «Исламского государства» и Украины позволяет предположить переход от стратегии финансирования долга к стратегии его списания при помощи разжигания Третьей мировой войны. Это главная угроза современности. (Разумеется, любая грамотная и масштабная операция разворачивается в нескольких плоскостях и решает несколько разноуровневых задач, но главной является операция, решаемая на верхнем уровне.)

Понятно, что успех этой стратегии разрушит глобальный рынок, разделив его на несколько макрорегионов, — но он и так разрушается. Загнивание глобальных монополий делает главной ценностью спрос, и страны начинают защищать его, усиливая протекционистские барьеры (с начала кризиса в 2008 году до лета 2014-го Россия была единственным членом G20, не усилившим протекционизма). Это и без мировой войны объективно ведет к распаду глобального рынка на макрорегионы.

Данный процесс завершится срывом мира в глобальную депрессию. Но его результаты, своего рода «промежуточное равновесие», уже видны. В политике это восстановление биполярного противостояния в виде конкуренции США и Китая при Евросоюзе, Японии, Индии и, если мы перейдем от разграбления страны к развитию, России, в качестве «держав второго уровня», умеряющих это противостояние и не позволяющих ему стать разрушительным. На глобальном уровне это будет выражаться в противостоянии китайских капиталов, в том числе государственных, западным в рамках глобального управляющего класса.

В экономике очевидно уже обозначившееся разделение глобального финансового рынка на зоны доллара, евро и юаня. Китай будет вынужден отказаться от доллара как резервной валюты; еврозона может избежать этого, но тогда перестанет существовать как относительно самостоятельный участник глобальной конкуренции.

Мир на первом этапе глобальной депрессии можно описать формулой «два полюса — три валюты». Это будет очень напряженный и неустойчивый мир.

Важен технологический аспект распада глобального рынка на макрорегионы. Современные технологии, в том числе жизнеобеспечения (например, обновления антибиотиков), сложны и дороги, что требует для них значительных рынков. Общее обеднение из-за глобальной депрессии в сочетании с уменьшением емкости рынков из-за разделения глобального рынка лишит многие макрорегионы возможности сохранять современные технологии, в том числе жизнеобеспечения.

Это может привести к масштабным катастрофам с большим количеством жертв. Способы избежания этого — нерыночное использование наиболее важных и сложных технологий либо переход на качественно иные, дешевые и сверхпроизводительные технологии, резко повышающие эффективность за счет использования новых технологических принципов. Многие из них созданы в рамках советского военно-промышленного комплекса, дожили до наших дней и сегодня не только сохраняются, но и развиваются «в порах» российской и западной бюрократических высокомонополизированных систем. Выход этих «закрывающихся» технологий (так как их сверхпроизводительность «закроет» целые нынешние отрасли) на широкий рынок пока блокируется глобальными и национальными монополиями, — но их широкое распространение уже началось.

«Сланцевая революция» (хотя сланцевая добыча резко сократилась и служит во многом для прикрытия контрабандной скупки нефти у Ливии и «Исламского государства») удешевила энергию и дала стимул реиндустриализации США. Предстоящая революция 3D-печати перенесет производство относительно простых изделий к местам их потребления и откроет эру реиндустриализации США и деиндустриализации экспортных экономик, в первую очередь Китая.

Важно, что патенты на 3D-печать блокировались глобальными монополиями с конца 1980-х. Прекращение этого блокирования — признак стра-

тегического выбора: глобальные монополии предпочли рискнуть незыблемостью своего положения (так как технологический прогресс развивает конкуренцию и ослабляет их позиции) ради укрепления позиций Запада, в странах которого они базируются, и подрыва Китая как стратегического конкурента. Это действие — признак важного выбора: глобальные монополии действуют именно как западные, стремясь не к своей власти над миром в целом, а к благополучию Запада против и за счет остального мира.

Разумеется, глобальный управляющий класс разнороден, но эта позиция доминирует, так как проявляется в наиболее значимых для мира практических действиях.

Залогом нашего сотрудничества является то, что потенциалы России и Китая в стратегическом отношении взаимно дополняют друг друга. Поэтому необходима выработка совместного глобального видения проблем развития человечества и методов их решения.

Угроза деиндустриализации из-за удешевления и универсализации 3D-технологий — главная угроза Китаю. Но даже если она и не реализуется, Китай все равно будет замедлять свой рост в силу внутренних процессов.

Помимо усугубления его внутренних социально-политических, экономических и психологических проблем, именно такое замедление (по ощущениям, до 5 процентов и меньше в течение трех лет) станет катализатором срыва мира в глобальную депрессию и форсирует его распад на макрорегионы. Это ударит и по самому Китаю, так как даже без 3D-печати ограничит его доступ на рынки Запада.

Данный сценарий требует превентивной проектной реакции на основе в том числе углубления и рационализации комплексного сотрудничества с Россией.

Сотрудничество России и Китая: направления и задачи

Залогом нашего сотрудничества является то, что потенциалы России и Китая в стратегическом отношении взаимно дополняют друг друга. Поэтому необходима выработка совместного глобального видения проблем развития человечества и методов их решения.

Мир погружается в новое средневековье, и наша стратегическая задача — защитить наши народы от трех обуславливающих друг друга базовых процессов, разворачивающихся в нем:

— прекращения качественного технологического прогресса (коммерциализация технических принципов, открытых во время «холодной войны» — оно продолжается и приносит фантастические результаты, пусть и все более узкому кругу людей, но само открытие этих принципов прекратилось);

— архаизации культуры повседневной жизни: деградации образования, здравоохранения, логического мышления, рационального целеполагания и поведения, атомизации общества и оформления его в новые касты с утратой как солидарности, так и конкуренции;

— дегуманизации общества.

Ключевой задачей представляется гармоничное соединение производственной и технологической мощи Китая со способностью русской культуры сочетать гуманизм с техническим прогрессом и находить необычные решения почти в любой ситуации. Наши страны могут войти в симбиоз солидарности и конкуренции, трудно воспринимаемый с позиций формальной западной логики, но органичный в силу своей диалектики для русской (по крайней мере) культуры.

Главной тенденцией современного политического развития человечества представляется национально-освободительная борьба народов против глобального бизнеса и выражающего его интересы глобального управляющего класса. Последние обладают огромной, в тактическом плане определяющей властью и при этом свободны от всякой ответственности перед теми, на кого влияют их действия, и агрессивно враждебны ко всем формам обособленности, в том числе в виде государств.

Власть глобального бизнеса, выражая исчерпанность рыночной экономики, навязывает народам невыносимый для них уровень конкуренции. Она разрушает целые страны и регионы, лишает народы будущего, а в развитых странах обрушивает основную массу населения в бедность (средняя реальная зарплата в США в 2013 году соответствовала уровню 1958 года, а в Великобритании огромная масса недавнего среднего класса неумолимо опускается в бедность, на «уровень хлеба», который стал актуальным и общепризнанным социологическим термином).

Народы восстают против этого, что проявляется в отказе Латинской Америки от политического партнерства с США (именно США находятся в изоляции, что и вынудило Б. Обаму признать Кубу) и росте влияния патриотов (неважно, правых или левых) в Евросоюзе. На повестке дня стоит формирование нового, патриотического Интернационала в противовес глобальному управляющему классу, так как противоречия между отдельными странами и народами ничтожны на фоне их общего противоречия с глобальным бизнесом, отрицающим само их существование.

Китай как ключевой участник глобализации вошел своим бизнесом (в том числе государственным) и иными своими представителями в глобальный управляющий класс. Однако в силу близости китайской элиты

с народом (пугающе меньшей, чем еще полтора десятилетия назад, но неприемлемой по меркам глобального бизнеса) она не предала интересы Китая и осталась его частью, не став, в отличие от элит многих других стран, частью глобального класса, управляющей своей страной и своим народом в его интересах.

Снятие патентной защиты с 3D-печати, приведшее к ее существенному удешевлению и бурному распространению, представляется признаком того, что китайская элита не принята глобальным управляющим классом и приговорена им к уничтожению (по крайней мере, в качестве глобально значимой силы).

В аналогичном положении и по схожим ценностным причинам находится политическое руководство России во главе с В. В. Путиным.

Немаловажно и то, что США сумели подорвать реинтеграцию постсоветского пространства Россией при помощи организации нацистского переворота на Украине и формирования нацистской же государственности. Украина превращена в кровоточащую язву Европы — подобную Косово, но качественно большую по своим размерам.

Руководство России не смогло противодействовать США в этом направлении. Более того: во главе Евразийского экономического союза еще до украинской катастрофы был поставлен либерал Христенко. Будучи либералом, он, насколько можно понять, является принципиальным и последовательным противником реинтеграции постсоветского пространства с участием России.

Украинская катастрофа создала качественно новую реальность, в которой российский интеграционный проект не только не противоречит китайскому и не конкурирует с ним, но и гармонично дополняет его и, более того, объективно является его частью (пусть даже российское руководство пока этого и не поняло).

Изложенное представляется объективной причиной не только необходимости, но и возможности объединения наших усилий в глобальной конкуренции. Основа такого объединения — патриотизм, понимаемый как лояльность своему народу, в противовес либерализму как лояльности глобальному бизнесу.

В плане социально-экономической политики выразителем этой системы ценностей является Пекинский консенсус (в противовес Вашингтонскому), ориентированный на обеспечение государством развития своей страны в интересах народа, а не в интересах глобального бизнеса. Именно на основе индивидуальных устремлений к нему складывается объединение БРИКС. Основные черты Пекинского консенсуса:

— управляемость в интересах общества, приносящая частное в жертву целому, тактические интересы — стратегическим, а сиюминутные — кратковременным (трактуемая в рамках западной традиции как «авторитаризм»);

— постепенность преобразований, обеспечивающая психологическую и культурную адаптацию к ним общества;

- гибкие инновации и эксперименты с постоянной обратной связью, позволяющей оперативно корректировать их;
- научное обеспечение управления обществом;
- развитие рынка под контролем и при необходимости с прямым участием государства в интересах общества (в западной традиции «государственный капитализм в противовес социалистическому централизованному планированию и либеральной рыночной экономике»);
- государство берет на себя необходимые обществу функции, которые общество само не может выполнить; по мере развития общества часть этих функций передается ему;
- максимально возможный в каждый момент учет мнений и интересов общества («демократия традиционного общества», ориентированная не на институты как самоценность, которые начинают преследовать собственные интересы, а на удовлетворение общественной потребности);
- максимально возможное в каждый момент развитие человеческого потенциала.

Превращение Пекинского консенсуса в новую норму государственной политики для все большего круга стран открывает качественно новые перспективы и российско-китайского двустороннего сотрудничества.

Важнейшими направлениями представляются следующие:

1. Возобновление проекта создания сухопутного торгового пути из Китая — экономический пояс нового Шелкового пути — с созданием в Крыму дистрибуционной торговой базы для Греции, Балкан, Восточной и Центральной Европы (с гарантиями сохранения демографического баланса в Крыму). Морской Шелковый путь сам по себе может быть в любой момент перерезан США, но наличие сухопутного дублера сделает такие попытки бессмысленными и, соответственно, маловероятными; кроме того, экономический пояс нового Шелкового пути позволит качественно повысить его мощность и, соответственно, расширить доступ Китая на идеальные для него рынки беднеющей Европы. Наконец, экономический пояс нового Шелкового пути представляется качественно новой интеграционной зоной глобального масштаба.

2. Создание единой незападной финансовой инфраструктуры на всей уровнях (от системы межбанковских расчетов — аналога SWIFT — до собственной системы международно признаваемых рейтинговых агентств).

3. Превращение юаня в международную резервную валюту на основе введения его золотого обеспечения. Это повысит спрос на юань и укрепит его, качественно расширив и углубив влияние Китая, за что придется заплатить снижением конкурентоспособности. Соответственно, для решения этой задачи необходимо качественно снизить зависимость Китая от экспорта. Превращение юаня в международную резервную валюту уничтожит гегемонию США и представляется единственным спо-

собом гарантированно избежать Третьей мировой войны, разжигаемой США для списания заведомо безвозвратных долгов.

4. Создание инфраструктуры постоянных консультаций на уровне экспертов, ученых, корпоративного и государственного управления, обеспечивающей выработку и поддержание взаимопонимания, общей повестки дня и создающей институциональную основу для тесного сотрудничества.

5. Культурный обмен, ослабляющий межцивилизационный барьер и повышающий качество повседневного сотрудничества (в самых разнообразных формах; достаточно вспомнить, как частичное дотирование Японией перевода и издания японских писателей привело к бешеной популярности в России, например, Мураками).

Китаю и России надо остановить целенаправленные и разнообразные усилия глобального бизнеса по спасению США и сохранению их гегемонии за счет разрушения всего остального мира.

Сделать это можно только одним способом — созданием новой, справедливой реальности, созданием нового мира взамен того, который разрушается на наших глазах.

Противники сотрудничества России и Китая

Наиболее очевидным противником нашего сотрудничества является Запад, в первую очередь — США. С того времени, когда единственным реальным содержанием предлагаемой России Америкой «перезагрузки» отношений американцы считали разрыв нашего стратегического партнерства, ничего не изменилось, по крайней мере в лучшую сторону.

Поэтому руководство США будет прилагать все усилия, действуя комплексно, разнообразно и изобретательно, чтобы максимально осложнить наше сотрудничество.

Однако следует помнить, что национальные бюрократии Запада, включая США, в целом являются не более чем марионетками глобального бизнеса. Он неоднороден, но та его часть, которая ориентируется на сохранение глобального рынка и финансовой архитектуры в его нынешнем виде, а также часть, ориентирующаяся на разрушение мира ради сохранения благополучия США, являются непримиримыми противниками как России и Китая, так и нашего партнерства. Для первых мы должны быть подчиненными им и разрозненными элементами глобального рынка, не смеющими осознавать свои интересы и объединяться для их защиты. Для вторых — источниками ресурсов для поддержания завышенного уровня потребления в США.

Разумеется, глобальный бизнес будет подрывать наше сотрудничество не только извне, но и изнутри — в первую очередь через российский либеральный клан, полностью контролирующей социально-экономическую политику России. Его представители заигрывают с Китаем, но именно они являются основной проблемой в развитии наших отношений.

Помимо глобальных противников, сотрудничеству, хотя и в меньшей степени, будут мешать противники локальные.

Прежде всего — это искренние, но близорукие патриоты России и Китая, сосредоточенные на локальных вопросах и не имеющие стратегического видения. Это заставляет их концентрироваться на естественных противоречиях двустороннего развития, которые без их раздувания решаются рутинным образом — в ходе повседневных переговоров. Для России это «опасность китайской экспансии» и «захвата Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока»; для Китая — сетования на плохое освоение Россией этих земель и необходимость передачи их Китаю.

Как представляется, проблема решается путем развития действующей системы взаимных обязательств, нейтрализующей чрезмерные опасения и надежды, и превентивной работы с носителями соответствующих взглядов, не допускающей их распространения и укоренения. Поскольку данные взгляды отражают слабость и низкую эффективность России, нормализация нашего государства и переход его от разграбления советского наследия к модернизации и развитию страны автоматически нейтрализуют их и снимут имеющиеся неудобства.

Другой локальной проблемой представляются региональные соседи наших стран (от Вьетнама до Прибалтики), опасющиеся любого их укрепления просто в силу их масштаба, а также страны вроде Индии, опасющиеся нарушения глобального равновесия как такового. Решением проблемы в отношении добросовестных соседей представляется подробное разъяснение им смысла и последствий каждого нашего шага с постоянными предложениями присоединяться ко всем проектам, представляющим для них интерес. Недобросовестные же соседи заслуживают лишь сдерживания, так как являются представителями глобального бизнеса.

Важной проблемой является Тайвань. Его молодежь настроена антикитайски: в прошлом году ее представители захватили и три месяца удерживали здание парламента. На выборах 2017 года к власти скорее всего придут националисты, которые могут провозгласить независимость, что по законам Китая вынудит его немедленно начать войну. США тем более заинтересованы в таком развитии событий, что в 2018 году ожидается вступление в строй трех китайских авианосцев, что кардинально изменит баланс сил в акватории всего Мирового океана и потому недопустимо для США.

Обострение тайваньского кризиса объективно сблизит Россию и Китай (подобно тому, как это сделала украинская катастрофа), но цена такого сближения представляется совершенно недопустимой.

Наконец, отдельным противником российско-китайского сотрудничества является Япония, однако она лишена возможностей активной политики. Она хотела бы активизировать сотрудничество с Россией для потенциального ослабления Китая, но не может это сделать, поскольку это противоречит глобальным интересам США по подавлению России. Повысить же степень своей самостоятельности по отношению к США

она не может из страха перед Китаем (от которого, по мнению японской элиты, ее защищают США) и страха потерять часть необходимого для нее американского рынка. Поэтому Япония обречена на невнятное выражение своего недовольства и наращивание вооруженных сил без каких бы то ни было активных действий. В случае же возникновения проблемы ее энергию надолго может отвлечь, например, испытание КНДР очередной баллистической ракеты (объединение Кореи повысит эффективность южнокорейских корпораций и потому не нужно никому в регионе и маловероятно).

Союзники России и Китая

Помимо названных выше, важным союзником укрепления сотрудничества наших стран является часть глобального бизнеса, ориентированная на разделение мира на макрорегионы для последующего зарабатывания влияния и денег за счет организации их взаимодействия. Условно они ассоциируются с «группой Ротшильдов», которая несколько лет назад нанесла символическое поражение «группе Рокфеллеров», осуществив широко разрекламированное асимметричное объединение активов (пусть и незначительных для обеих групп).

Эта часть глобального бизнеса, исторически сотрудничавшая с Китаем, заинтересована в его всемерном укреплении. Ее отношение к развитию партнерства между Россией и Китаем неоднозначно, так как, стремясь к организации взаимодействия между регионами, она заинтересована в максимальном их количестве и потому была ориентирована на поддержку создания Россией собственного макрорегиона при помощи проектов реинтеграции постсоветского пространства.

Однако в свое время при зондировании российского руководства она не смогла найти в нем партнеров. Попытка установить коммерческие отношения привели к стратегически неудачному сотрудничеству с ТНК, а затем «Роснефть» переориентировалась на входящую в «группу Рокфеллеров» ExxonMobil. Поэтому сегодня создание российского макрорегиона не является для «группы Ротшильдов» самостоятельной целью; гораздо более важно для нее сохранение жизнеспособности китайского макрорегиона, в том числе и за счет стратегического сотрудничества с Россией.

Важным нашим союзником является и коммерческий интерес стран Запада, все более острый по мере нарастания глобального кризиса и сжатия спроса. Санкции Евросоюза против России показывают, что он не в силах проявиться при отсутствии должной политической поддержки с нашей стороны. Однако поддержка Великобританией, а затем Германией и Францией Азиатского банка инфраструктурных инвестиций показывает, что наличие соответствующих усилий и целевое предложение значительных выгод и перспектив позволяет использовать коммерческие интересы Запада против его же стратегических интересов.

Развитие российско-китайских отношений до сих пор шло во многом стихийно, под воздействием коммерческих интересов. Именно этим вызваны их недостаточность и пассивный по отношению к окружающему миру характер.

Осмысление их в контексте глобального развития, всего спектра стоящих перед миром проблем способно не только качественно интенсифицировать их и придать им по-настоящему комплексный характер, но и превратить их в инструмент глубокого преобразования всего современного человечества в интересах наших народов.

Поэтому объективным союзником российско-китайского сотрудничества является все человечество, все народы, которым мы поверх правительств и глобальных корпораций должны предложить новую модель социально-экономического, да и просто личностного развития.

Но для этого данную модель сначала надо выработать самим.

Нам предстоит вместе построить новый мир, потому что старый уже закончился. ◆

Украинский кризис

Новая «холодная война»?

Предлагаем вниманию читателей лекцию американского историка, крупного специалиста по проблемам Советского Союза и России, профессора Стивена Коэна, прочитанную 5 февраля 2015 года в Фэрфилдском университете (Коннектикут) по случаю 20-й годовщины Программы исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии. Член Редакционного совета журнала «Свободная Мысль», Стивен Коэн любезно предоставил нам право опубликовать текст лекции на страницах нашего журнала.

Меня можно назвать ветераном программ исследований России — участию в них я посвятил 45 из 50 лет моей научной карьеры. Начинал я в университете Индианы, продолжал в Колумбийском университете, а затем в Принстоне, где возглавлял соответствующую программу, сейчас занимаюсь тем же в Нью-Йоркском университете. Все мы в долгу перед Фэрфилдским университетом за поиск и подготовку кадров для программ по исследованию России в 1990-е годы. Другие университеты в то время свернули эти программы, поскольку решили, что они нужны лишь для обеспечения национальной безопасности. По-видимому, они никогда не слышали о Пушкине и Толстом или о вкладе России в научные достижения.

Так что Фэрфилд действительно является пионером в области российских исследований в период после «холодной войны» и, можно сказать, в условиях новой «холодной войны». И это радует меня, поскольку я не только ветеран исследований России, но и их сторонник и защитник. Я борюсь за то, чтобы сохранить их в целостности. Правительство изъядо выделявшиеся на них средства, а сейчас обсуждает вопрос, как бы вернуть деньги обратно в эту сферу. Нынешние события — не лучшая причина для финансирования российских исследований, но мы готовы принять средства там, где сможем их получить.

КОЭН Стивен — почетный профессор истории и русских исследований Нью-Йоркского университета, почетный профессор политологии и русских исследований Принстонского университета.

Ключевые слова: конфликт, Украина, расколота́я страна, Соглашение об ассоциации Украины с ЕС, Янукович, Майдан, восстание, восток Украины, новая «холодная война», угроза миру, США, Обама, Меркель, Россия, политика Пугина, миротворчество.

Как обычно, я буду говорить сегодня о фактах. Это может показаться скучным делом, но это важно, если мы хотим изучать в нашей стране Россию и научить нашу молодежь и самих себя разбираться в ней.

Я мог бы рассказать вам историю моего собственного жизненного пути, который начался в Кентукки, где я вырос, проходил в Индиане, случайно получил продолжение в английском Бирмингеме, а потом, не менее случайно, — в России. Я провел в ней едва ли не четверть жизни, а 90 процентов своего времени, между женитьбами и воспитанием детей и внуков, посвятил мыслям о России.

Сейчас настали зловещие времена. Думаю, наша жизнь и наше будущее находятся под угрозой. Сам я уже дед, так что речь может идти о будущем наших детей, которое действительно может стать роковым.

Украинский кризис набрал силу, и должно быть ясно: мы с имеем дело с самым опасным международным кризисом со времен карибского.

Многие в этой аудитории не только не помнят его, но и не появились еще на свет, когда прекратил существование Советский Союз. Поверьте, в ходе карибского кризиса речь буквально шла о том, суждено ли всем нам погибнуть в ядерной войне. Тот кризис нам удалось преодолеть. И если вы недостаточно осведомлены об этом, сейчас самое подходящее время, чтобы почитать о нем. Люди думали, что ничего подобного не повторится вновь, — но это может случиться. Сегодня наихудший с той поры международный кризис, потому что Соединенные Штаты и Россия, две мировые ядерные державы, оказались лицом к лицу.

Корни украинского кризиса можно легко обнаружить в 1990-х годах. Если кто-нибудь собрался бы написать историю о его истоках, он мог бы начать с краха Советского Союза, а то и с событий 400-летней давности. Но непосредственная история происходящего ныне на Украине начинается все же в 1990-е годы. Даже самые молодые люди в этом зале помнят ее из сообщений в газетах и телепередач. Впрочем, когда моя жена и я несколько месяцев назад брали в Москве интервью у Эдварда Сноудена и я спросил, смотрит ли он телевизор, Сноуден взглянул на меня, как на сумасшедшего, и сказал: «Никто больше не смотрит телевизор». И добавил: «Я все узнаю через компьютер». Тогда я понял, почему у моей 23-летней дочери нет телевизора.

История нынешнего кризиса, который начался в ноябре 2013 года, очевидна, и связанные с ним факты сомнений не вызывают. Вспыхнувшие тогда в Киеве политические споры относительно подготовленного Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом выплеснулись в уличные протесты на знаменитой площади Майдан, которые привели к тому, что, в зависимости от ваших оценок, можно назвать свержением или падением избранного президента Украины Виктора Януковича. Он был коррумпирован и не проявлял решительности, но при этом был законно избран, и все согласны с тем, что выборы на Украине были справедливыми. Его вынудили уйти. Это событие, которое можно толковать по-разному (либо как переворот — что делают русские, либо как славную демократическую революцию — как считают некоторые на Западе и на самой Украине), вызвало протесты на востоке Украины. Дело в том, что Янукович представлял именно их, его электоральная база находи-

лась в основном в Восточной Украине. Это стало причиной, прямой или косвенной, присоединения к России Крыма. И положило начало происходящей ныне гражданской войне между двумя частями Украины — преимущественно пророссийскими восточными областями, граничащими с Россией, и западными провинциями.

Эта гражданская война вызвала новую «холодную войну» между Соединенными Штатами и НАТО — с одной стороны и Россией — с другой. Сейчас она стала, как мы говорим, американо-российской «войной по доверенности». Бесспорно, Россия в военном отношении поощряет боевиков (или сепаратистов, если вы предпочитаете именовать их так) в восточной части Украины. А Соединенные Штаты чуть менее открыто финансируют армию Киева. И, как вы знаете, в настоящее время в Вашингтоне обсуждается предложение о том, чтобы мы финансировали эту армию в более крупных масштабах. Полагаю, что на поставки гораздо более существенных вооружений в ближайшие три года будет выделено 3 миллиарда долларов.

Еще хуже обстоит дело с нынешней новой «холодной войной». Нет сомнений, что она идет, хотя пресса и не решается назвать ее своим именем, именуя по каким-то журналистским соображениям «худшим кризисом со времен “холодной войны”». Как бы то ни было, эта новая «холодная война» может оказаться более опасной, чем минувшая, которую мы с таким трудом пережили.

Нет сомнений, что новая «холодная война» идет, хотя пресса и не решается назвать ее своим именем, именуя по каким-то журналистским соображениям «худшим кризисом со времен “холодной войны”». Как бы то ни было, эта новая «холодная война» может оказаться более опасной, чем минувшая, которую мы с таким трудом пережили.

Почему? Прежде всего, эпицентр предыдущей «холодной войны» находился в Берлине, — а это далеко от Москвы. Эпицентр теперешней «холодной войны» расположен на Украине — как раз на границах России. Больше того — прямо в центре русской славянской цивилизации, в которую входит и большая часть Украины. Конечно, не все, но очень многие украинцы связаны с этой цивилизацией: через браки, историю, культуру, язык, религию. Вот в чем одна из причин того громадного потенциала недоразумений, несчастий, провокаций, катастроф, какой вы только можете себе представить. И вот почему нынешняя ситуация в тысячу раз опаснее, чем тогда, когда эпицентр находился в Берлине.

Во-вторых, теперешняя «холодная война» разворачивается в той же атмосфере, какую в преддверии Первой мировой войны называли «военным

туманом». Это выражение подразумевает дезинформацию. Тогда не существовало электронной почты, цифровой связи. Сегодня все изменилось. Есть информация из Москвы. Есть информация из Киева, извините, дезинформация из Киева, есть дезинформация со стороны Вашингтона, есть дезинформация из Брюсселя. Даже те из нас, кто следит за событиями и, владея языками, может обо всем прочитать в оригинале, кто знает историю вопроса, часто не в состоянии разобраться, кто говорит правду, а кто лжет. Трудно разобраться в реальных фактах, и в итоге получается, что все факты носят скверный и угрожающий характер — и положение только ухудшается.

В-третьих, нынешняя «холодная война» может оказаться более опасной потому, что ощущается нехватка взаимно выработанных норм и опыта разного рода ограничений, который был накоплен в течение десятилетий прежней «холодной войны». Между Москвой и Вашингтоном были достигнуты тогда определенные договоренности. Существовали знаменитый красный телефон, «горячая линия», принцип «давайте проверим это до того, как начнем действовать». Имелось соглашение, что «мы не будем делать то-то, а вы не будете делать того-то». У нас были красные линии и границы, про которые мы знали, что их лучше не пересекать. Ничего из этого теперь не существует — ничего. Еще хуже то, что развивавшиеся десятилетиями отношения сотрудничества с Россией рассыпались в прах. Это касается всех областей: от образования до исследований космоса. Даже музеи не могут обмениваться экспонатами. Все разорвано. Кто в этом виноват? Обе стороны, каждая отвечала на действия другой. Вы разрываете одно, я разрываю другое.

С обеих сторон идут даже разговоры о том, о чем я никогда раньше не слышал и не думал, — о возможности применения тактического ядерного оружия. Все те бесчисленные ограничения, которые были установлены после карибского кризиса, кажется, канули в вечность.

В-четвертых, и это главное, — переговоры. Попытки восстановить сотрудничество между Москвой и Вашингтоном почти полностью заблокированы новым способом. Я бы назвал его демонизацией президента России Владимира Путина. Это делается с помощью личной дискредитации, когда, например, на страницах «Нью-Йорк таймс» обозреватели, считающиеся наиболее информированными и просвещенными, регулярно называют его «бандитом», «убийцей». Я начал работать в области советских исследований в эпоху Хрущева. И за все годы моей работы я не припомню, чтобы американские СМИ, американский истеблишмент так обливали грязью какого-нибудь советского, коммунистического лидера, как они делают это в отношении Путина.

И это становится в Соединенных Штатах нормой. Хиллари Клинтон, которая хочет быть президентом США, называет Путина «Гитлером». Если она действительно станет президентом, будет ли Путин готов встретиться с ней и вести переговоры о сотрудничестве? Ведь нам известно, что, если кто-то является новым Гитлером, его следует уничтожить, а не вести с ним переговоры. И позиция Обамы, занятая в отношении личных нападок на Путина, не способствует решению проблемы. Поэтому демонизация Путина стала еще одной причиной того, что нынешняя ситуация может оказаться гораздо более опасной.

И, наконец, нынешняя «холодная война» таит в себе возрастающую опасность, потому что не существует эффективного американского противодействия ей. Я бы не сказал, что мне довелось находиться на передовой линии, но в годы минувшей «холодной войны» я участвовал в том, что тогда именовалось «движением за разрядку». В нем участвовали люди, которые хотели добиться ослабления напряженности, покончить с «холодной войной» и стремились к сотрудничеству. И это было энергичное движение. Мы были в меньшинстве, но у нас имелись союзники в Белом доме: среди помощников президента, в Государственном департаменте, среди дюжины сенаторов, десятка или двух конгрессменов. У нас всегда был под рукой легкий доступ к «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», к телевидению и радио. Сегодня ничего этого нет. Горстка тех из нас, кто выступает против или критикует американскую долю ответственности за сложившуюся ситуацию, не могут найти союзников в Государственном департаменте, конгрессе. Мы не можем получить места на страницах «Нью-Йорк таймс», «Уолл-стрит джорнэл» или «Нью-Йорк пост». Журнал «Нейшн», для которого я пишу и который редактирует моя жена Катрина ван ден Хойвель, имеет возможность донести до читателей не полную, а лишь частичную информацию. Хотя журнал и стал наиболее важным альтернативным изданием в Соединенных Штатах, он не проникает за стены конгресса и Белого дома. Кажется, все деятели, считающие себя прогрессивными, проголосовали в прошлом месяце за законопроект и резолюции, по сути, провозглашающие войну против России. Что удивительно — проголосовали без обсуждения. Это крах нашей демократии. Вот почему возникает вопрос: «Как это случилось?»

* * *

Почти 25 лет назад, когда Советский Союз прекратил свое существование, администрация Клинтона объявила, что отныне наступила эра американо-русского стратегического партнерства и дружбы. «Холодная война» закончилась навсегда. И что теперь мы стали с Россией союзниками. Так что же произошло четверть века спустя, каким образом мы оказались сейчас в худшем конфликте с Россией со времен кубинского ракетного кризиса?

Официальное объяснение этого вам известно, потому что вы ежедневно слышите его отовсюду: оно стало общепринятой идеей и состоит в том, что в 1990-х годах, при президенте Клинтоне и российском президенте Ельцине, все было в порядке. А потом, в 2000 году, президентом России стал Путин, и он все испортил. Короче говоря, все плохое, что произошло, не имеет ничего общего с американской политикой — это все дело рук России. Виновата Россия и лично Путин.

Прежде чем подробнее остановиться на этом, напомню, что однажды сказал покойный сенатор Дэниел Мойнихэн: «У каждого человека есть право иметь собственное мнение, но не собственные факты». Это хорошо сказано. И это важно.

Здесь присутствуют 200 или более человек. У каждого есть право на собственное мнение. Но не на собственные факты. Будь то журнал, новостное агентство, любое средство массовой информации, — в их мате-

риалах вы сначала проверите факты, и если они окажутся неверными, то не станете принимать их в расчет, а отбросите прочь. Теперь вернемся к изречению Мойнихэна.

Общепринятая, ставшая единодушной оценка того, что случилось у нас с Россией, почему произошел украинский кризис, в значительной степени основывается на исторических заблуждениях и политических мифах. А также на русофобии, которая досталась нам от прежней «холодной войны», и обращенной в прошлое демонизации Путина. Задумайтесь об исходных моментах. Возьмите, например, самый старый исторический миф, являющийся основой всего, о чем сейчас идет речь. Состоит он в том, что с момента краха Советского Союза Вашингтон рассматривал Москву как желанного друга и партнера. Москва же оказалась неспособной или не пожелала принять американские объятия и постепенно, а при Путине — решительно, отвергла их.

Какова же историческая действительность? Администрация Клинтона вбила себе в голову, что с крушением Советского Союза Соединенные Штаты выиграли «холодную войну». При этом администрацию несколько не беспокоил тот факт, что Рейган, Горбачев и Буш-старший объявили об окончании «холодной войны» еще за два года до краха Советского Союза — в 1989 году. Тогда как СССР завершил свое существование лишь в декабре 1991-го. Но для нас это была отличная новость. Советский Союз исчез, и мы победили в «холодной войне» — такой ложной истории обучают наших детей уже почти 25 лет. И наши политики действуют в соответствии с этими представлениями. Поскольку мы победили Советский Союз, то, начиная с Клинтона и его администрации, постсоветская Россия стала для нас чем-то вроде Японии и Германии после окончания Второй мировой войны. Россия для нас в полной мере не обладала больше суверенными правами и не имела собственных интересов внутри страны или за рубежом. А мы могли навязывать России свои правила. Мы хотели помочь ей, но взамен она должна была помнить о наших предпочтениях в своей внутренней и внешней политике. И действовать на их основе.

Результатом стало то, что я именую принципом «победитель забирает все». Такова была американская политика в отношении России. Нет необходимости напоминать вам, кто был инициатором расширения НАТО, которая является не женским клубом, не благотворительным братством, а военной организацией — крупнейшим и наиболее мощным военным союзом в мире. Со времен Клинтона его экспансия была направлена к границам России. Можно спорить о том, хорошо это было или плохо. Я думаю, что это было ужасно; но есть и аргументы в пользу того, что все делалось правильно. Я открыт для обсуждения таких аргументов. Но мы же не можем сказать, что этого не происходило на самом деле? По нашим представлениям, Россия должна была сказать: «Мы не возражаем. Это не наша забота, все нормально». Это все равно, что при появлении русского или, скажем, китайского военного союза на реке Рио-Гранде в Мексике мы бы заявили: «Великолепно, нам давно хотелось иметь побольше соседей на своей границе». На самом деле мы все немедленно отправились бы к Белому дому с требованием к Обаме предпринять что-нибудь против этого.

Во всем этом было много дипломатии, — но это была американская дипломатия. Она сохраняла следы не выполненных нами обещаний и уступок, сделанных русскими, на которые мы не ответили взаимностью. Позвольте мне напомнить молодым людям в этой аудитории один пример, который, быть может, им не известен. После нападения на США 11 сентября 2001 года первым из мировых лидеров президенту Бушу позвонил Путин. Он выразил сочувствие американскому народу и предложил свою помощь в борьбе с общей угрозой — международным терроризмом. И, поскольку Буш собирался отправить в Афганистан сухопутные войска, чтобы выбить талибов, он принял это предложение. Это многого стоило Путину у себя дома. Органам безопасности такой шаг не пришелся по вкусу, но, невзирая ни на что, он пошел на это. Тем самым Путин спас много жизней американцев в той войне. И что он получил взамен? В течение двух лет проводимое Бушем расширение НАТО вывело альянс непосредственно к границам России. Столь же роковым стало решение Буша об одностороннем выходе США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны. А он был самым надежным в мировой истории ядерным договором.

Это привело к новым спорам вокруг создания систем противоракетной обороны на российских границах. Вот что получил Путин за спасение жизней американцев. Поэтому, когда вы слышите, как Путин говорит, что его никто не слушает, попробуйте прочитать его выступления — они все есть на Kremlin.ru на английском языке. В них он рассказывает, как пытался наладить сотрудничество с Соединенными Штатами, но был отвергнут. Помните, что произошло, и не забывайте, чего это стоит Путину политически. Ему по-прежнему напоминают о доверчивости по отношению к американцам. Все это стало важным поворотным пунктом.

Где-то в конце 1990-х «американской победитель» решил поближе заняться Украиной. Расширение на восток вывело НАТО в страны Балтии. Но Бжезинский заверял нас, что именно без Украины Россия никогда не станет вновь великой державой. Мы поверили в это. И пришли к выводу, что необходимо принять Украину в НАТО или, по крайней мере, в ЕС, чтобы потом, на обратном пути, включить ее в состав НАТО. Но сначала предстояло заняться Грузией, поскольку она открывает вход в «мягкое подбрюшье» России на Кавказе. В результате мы получили войну 2008 года в Грузии, которая тоже была «войной по доверенности». Кого-нибудь насторожило, что это было скверной идеей, и что у России также имелись свои красные линии? Нет, мы подталкивали там развитие событий. Подталкивали мы их и на Украине. Может быть, это хорошая политика, но невозможно отрицать факты.

И вот сейчас новый пример умничанья. Мы слышим: «Ой, присоединением Крыма и поддержкой боевиков в Восточной Украине Россия разрушает европейскую систему безопасности». Может быть, это и правда, но после крушения Советского Союза Россия систематически вытеснялась из европейской системы безопасности, она не была принята в НАТО, ее сотрудничество с альянсом носило фиктивный характер, а мы занимались расширением НАТО к российским границам. Другими словами, с помощью НАТО мы создавали систему европейской безопасности.

Поэтому, когда мы заявляем Путину: «Вы разрушаете систему безопасности», он отвечает: «Да, но это ваша система безопасности, а не моя».

Горбачеву и Рейгану удалось достичь согласия по ряду очень важных вопросов. Это сделало Рейгана великим человеком. Но если вы пытаетесь добиться своей безопасности таким образом, что другая сторона начинает ощущать угрозу собственной безопасности, то это вообще нельзя назвать безопасностью. Взамен вы получите только взаимное наращивание военной мощи. Действовать же надо так, чтобы обеим сторонам были обеспечены покой и безопасность. Расширение НАТО к границам России явно находилось в противоречии с этим. Вот, кстати, почему некоторые молодые и не только молодые консерваторы, превозносящие Рейгана, расценили эту политику как отказ от рейгановского наследия. И они правы. Если вспомнить, чего добились Рейган с Горбачевым, то они абсолютно правы. И, конечно, русские видели все это.

* * *

Теперь обратимся к нынешнему кризису и связанным с ним мифам. По общепринятым американским утверждениям, все случилось из-за агрессии Путина. Вот она, ключевая фраза — «агрессия Путина». И здесь мы обнаруживаем мифы, начиная с самого основного. Прошу прощения украинцев или людей украинского происхождения в этой аудитории, но я полагаю, что если они размышляют на эту тему, то согласятся со мной. Все эти разговоры об Украине и украинцах, стремящихся освободиться от влияния России и присоединиться к Западу, мягко говоря, неполны. На протяжении веков Украина была разделенной страной. Это не моя вина и не вина Путина — это Божья вина. Столетиями формируясь из осколков различных империй, Украина оставалась расколотой — на пророссийские восточные области и западные регионы, которые смотрят в сторону Европы. Впрочем, сторонников тех и других легко обнаружить и в Центральной Украине. И даже в Киеве.

Когда в ноябре 2013 года разразился кризис, Украина была единым государством со столицей в Киеве. Но она не была единым народом и сплоченной нацией в том смысле, в каком это подразумевается в заявлениях Запада. В историческом, языковом, этническом, экономическом, политическом, религиозном отношении Украина была разделена на регионы и людей, одни из которых хотели сохранить свои многовековые родственные связи с Россией, а другие стремились к более тесным отношениям с Западом. После крушения Советского Союза этот раскол стал очевиден каждому, но разумная политика украинского руководства позволяла сохранять единое государство. Кем бы ни был тот в Европейском Союзе или в Соединенных Штатах, кто решил разрушить существовавшее хрупкое равновесие, но он явно не знал Украины и ее истории или руководствовался дурными намерениями.

Это подводит нас к ряду следующих мифов. В ноябре 2013 года Европейский Союз при поддержке Вашингтона предложил президенту Януковичу заключить благотворное и выгодное соглашение об ассоциации с ЕС. Но Путин запугиванием и подкупом заставил беднягу Януковича отказаться от него, после чего Янукович был свергнут в результате уличных протестов.

Все это — мифы. Как же обстояло дело в действительности? Предложение Европейского Союза представляло собой безответственную провокацию. Это признал сам Янукович. Путин же предлагал план спасения Украины на основе трехсторонних переговоров Москвы, Киева и Брюсселя. В ответ Евросоюз потребовал от Януковича выбирать между Россией и Западом. Это был ультиматум. Зачем кому-то понадобилось это делать?

Никаких выгодных финансовых условий в предложениях Европейского Союза не содержалось — денег у ЕС на это не было. Предложить он мог лишь меры жесткой экономии — подобные тем, что были отвергнуты на выборах в Греции. К тому же европейское общество на протяжении десятилетия раздирает 25-процентная безработица. Что же могла бы дать ассоциация с ЕС Украине, которая и без того находилась уже в финансовых путах, с пожилым населением, зависимым от выплаты пенсий?

Кроме того, похоже, никто на Украине не читал никаких документов Соглашения. Между тем среди тысячи страниц протокола об ассоциации был запрятан раздел, озаглавленный «Вопросы военной безопасности». И если бы документ был подписан, Украина оказалась бы обязана следовать политике военной безопасности в Европе. НАТО прямо не упоминалась. Но что такое политика военной безопасности в Европе? Это и есть НАТО. Таким образом, совершенно ясно, что была предпринята попытка протащить Украину в НАТО через заднюю дверь. Все это вовсе не было проявлением добросердечия, а в России имеется достаточно юристов, которые читали эти документы и понимали, что происходит. Или думали, что понимают. И это не вызывало у них радости.

Так что не существовало никакой агрессии Путина, которая положила начало кризису, но была своего рода «бархатная» агрессия со стороны Вашингтона и Брюсселя, ставившая целью перетянуть Украину на Запад, вовлечь ее в объятия НАТО. И тут появляется еще один миф: «Гражданская война на Украине была вызвана агрессивной реакцией Путина на мирные демонстрации на Майдане». Реальность, однако, была иной, и вы легко вспомните ее, поскольку видели по телевидению людей на киевских улицах, которые бросали пылающие «коктейли Молотова». Видели, что они были хорошо вооружены, стреляли по другим людям. Видели горящие баррикады, нападения на правительственные здания. Реальность такова, что начавшиеся в феврале прошлого года мирные протесты становились все более агрессивными. И насилие в значительной мере инспирировалось украинскими ультранационалистическими силами. Некоторые из них любой разумный человек, бесспорно, назвал бы неонацистскими.

Что это значит? Это значит, что они хотят избавить Украину от евреев, цыган, русских, гомосексуалистов — от всех, кто этнически не является чистыми украинцами. Как будто не было столетий смешанных браков. Такова их открыто провозглашаемая идеология. Оставим в стороне то, что они носят портреты Гитлера — может быть, это просто украшение. Но почитайте их программы. Как бы то ни было, эти люди, составляющие небольшое, совсем небольшое меньшинство, стали притягательной силой на улицах. И оказали влияние на ход событий.

Что произошло дальше? Насилие нарастало. В Киев прилетели три европейских министра иностранных дел, и при их посредничестве было

заключено соглашение между президентом и лидерами уличных демонстрантов. Министры заявили, что Янукович сформирует коалиционное правительство, введет в его состав лидеров оппозиции, а сам останется на президентском посту до декабря. Затем, через десять месяцев, будут проведены новые выборы. Таким образом, эти министры стали посредниками подписания демократического соглашения. Не знаю, кто был тогда инициатором, но вскоре состоялся телефонный разговор Путина с Обамой. Очевидно, Обама спросил Путина: «Вы поддерживаете это?» Тот ответил: «Поддерживаю». И задал вопрос Обаме: «А Вы поддерживаете?» «Да», — ответил Обама. Однако через несколько часов уличные акции протеста перекинулись на президентский дворец, Янукович был свергнут и бежал в Россию. Было сформировано новое правительство, немедленно признанное Соединенными Штатами и Европой. И никто на Западе больше никогда не вспоминал о соглашении, которое было подписано самими западными дипломатами. В этом истоки всего, что произошло в дальнейшем, — присоединения к России Крыма, восстания на востоке Украины, гражданской войны, новой «холодной войны» и полных отчаяния полетов Меркель в Киев, Москву и Вашингтон в попытках отвлечь фактически уже идущую войну.

Сегодня совершается опасная ошибка. Утверждается, что конфликт закончится только тогда, когда Путин прекратит агрессию. Мы слышим это от Керри, от Маккейна, от пресс-секретаря госдепартамента. Путин должен прекратить агрессию, и тогда все будет в порядке. Это называют предоставлением возможности дипломатично покинуть сцену. Но это клише. Никто не говорит, что это за дипломатия. На самом деле речь идет о капитуляции. Только в этом случае будут отменены санкции, и все пойдет хорошо.

Но в действительности все обстоит иначе. Тем из вас, кто знает Украину, известно, что на Донбассе проживает от 4 до 5 миллионов человек. Это индустриальное сердце Восточной Украины. Я не знаю точное число жителей, потому что многие выехали оттуда. Разве эти 5 миллионов людей не являются народом? Разве они не требуют сочувствия? Американская «Нью-Йорк таймс» называет их «путинскими бандитами». Дети, бабушки, дедушки, механики, школьные учителя, медсестры, горняки, таксисты, торговцы — все они объявлены «путинскими бандитами». Но как быть с их правами? Эти люди подвергаются бомбардировкам Киева. Их обстреливают из минометов и артиллерии. Это продолжается уже целый год. Мы не знаем точных данных о потерях. ООН называет цифру 5300 погибших. Но имеются еще тысячи раненых, тяжело раненных. Беженцев, вынужденных покинуть районы боев, по разным сведениям, насчитывается от 1 до 2 миллионов. Нам не известно, сколько их на самом деле. Точных данных нет ни у ООН, ни у России. Почему они бежали? Потому что их все еще бомбят. Сначала это были женщины, спасавшие своих детей. Потом стали бежать и молодые люди. Некоторые прибывали даже из Киева, потому что их призывали в армию, а они не хотели воевать. Это гуманитарная катастрофа первой категории.

Соединенные Штаты со времен администрации Клинтона провозглашают нашей доктриной «R to P» (Right to Protect) — «Право на защиту». Обычными или военными средствами мы защищаем людей, оказавших-

ся в ситуации гуманитарной катастрофы. Но правительству США нечего сказать о судьбе людей в Восточной Украине. Хотя американский посол в ООН Аманда Пауэр, главный идеолог этой доктрины, на вопрос, что там происходит, ответила: «Я думаю, что Киев продемонстрировал замечательную сдержанность». Как американскому гражданину мне стыдно, что представитель моего правительства не может заставить себя сказать: «Мы переживаем за этих людей и намерены что-нибудь сделать, чтобы помочь им».

А как насчет киевской агрессии, поддерживаемой Соединенными Штатами? Ужасные разрушения на востоке Украины совершены Киевом под прикрытием так называемой антитеррористической операции. Так именуется проводимая Киевом с апреля прошлого года военная операция, одобренная США. Я спрашиваю вас, что это за правительство, которое объявляет террористами 5 миллионов своих граждан? И если вы говорите людям, что они террористы, то как вы собираетесь поступать с ними: вести переговоры или убивать их?

И в чем состоит американская политика? Мы не вступаем в переговоры с террористами. Порой мы идем на это, но официально — нет. Мы их уничтожаем. Здесь что-то неверно. И что-то неверно в позиции Киева, который поддерживается Вашингтоном. Как американского гражданина меня беспокоит убежденность в том, будто решения всех проблем можно добиться, только положив конец «путинской агрессии». Такова сегодняшняя история.

* * *

Сказанное, во-первых, означает, что поведение Путина по сути своей всегда было ответом на происходящие события. Оно представляло собой реакцию на американскую, на западную политику. Сейчас он, быть может, отреагировал неблагоприятно. Но как можно назвать это агрессией? Вину за худший в последние десятилетия международный кризис нельзя возлагать исключительно на Путина. На нас тоже лежит определенная доля ответственности. И нам следует откровенно признать это, осмыслить происходящее и посмотреть, можем ли мы вести переговоры.

Во-вторых, это означает, что, возможно, мы стремительно движемся к войне с Россией на основе неверного изложения фактов. И даже официальной лжи.

В-третьих, это означает, что Америка, провозгласившая себя величайшей демократией в мире — в чем временами у меня нет уверенности, — собирается вести войну без всякого общественного обсуждения вопроса хотя бы в основных политических медиа. Это не демократический способ выработки решения. Нам необходимо сесть и все тщательно продумать, особенно оглядываясь на опыт войны в Ираке. Те из нас, кто выступал против той войны, потерпели поражение в дискуссиях, но нам дали возможность проводить их. Мы выступали на страницах газет и по телевидению. Мы спорили.

Нам надо проявлять беспокойство по этому поводу. И это еще не все. У меня нет ответов на все вопросы. Мы не сказали всей правды о событиях, которые привели нас к настоящему моменту. Хотя я не знаю, в чем состоит полная правда. На каждом этапе этих таинственных событий происходило что-то, затягивавшее и углублявшее украинский кри-

зис и новую «холодную войну». Но и поныне связанные с этим вопросы остаются без четкого ответа.

Почему в ноябре 2013 года Вашингтон и Брюссель навязали уход демократически избранного президента расколотой Украины? Что произошло с предложенными Путиным трехсторонними переговорами, которые давали шанс на достижение согласия? Что в них было плохого? Нам нужно объяснение.

Кто в феврале 2014 года организовал снайперские атаки на Майдане, которые привели к гибели 100 человек, усилению уличных беспорядков и в конечном итоге к бегству Януковича? Кто стоял за этими снайперами? И еще мне хочется спросить, почему тогда, в феврале, европейские министры иностранных дел и Обама не защитили достигнутое при их посредничестве соглашение об урегулировании и не сказали протестующим: «Нет. Подождите и проголосуйте против Януковича в декабре. Вы можете подождать шесть или девять месяцев, в то время как ваши люди будут находиться в составе его правительства». Почему они не сделали этого? Мы не знаем. Но разве это не заслуживает ответа?

В начале мая произошло ужасное, по любым меркам, событие в Одессе. 48 человек были заживо сожжены в запертом здании Дома профсоюзов. Их объявили пророссийски настроенными. Но кто это сделал и зачем? Почему это преступление никто до конца не расследовал? Почему Керри воскликнул только: «Ну и дела, страшная вещь!» — и двинулся дальше, ни разу не попросив о расследовании? Почему мы не требуем, чтобы наш клиент — правительство в Киеве занялось настоящим расследованием? Почему замалчивается это массовое убийство, вызывающее в памяти воспоминания об ужасах, которые творили на Украине в годы Второй мировой войны отряды нацистов? И кто все это организовал и совершил? А сбитый в июле малазийский авиалайнер, на борту которого находились 298 человек? Кто стрелял в него и с какой целью? Было это случайностью или провокацией? Был ли задействован украинский самолет-истребитель? Или кто-то стрелял с земли? И кто постоянно нарушал режим прекращения огня, к которому призвало соглашение, достигнутое на сентябрьских переговорах в Минске? Не этот ли вопрос Меркель хочет поставить перед Порошенко, Путиным и Обамой? Но почему-то каждый раз, когда на переговорах она призывает прекратить стрельбу, кто-то сразу нарушает режим прекращения огня.

У Вашингтона, НАТО и Киева есть свои ответы на каждый из этих вопросов. Все они указывают в сторону Москвы, во всем обвиняют ее. Ни одна американская газета не проявила интереса к каким-либо расследованиям всех перечисленных случаев. У «Нью-Йорк таймс» оказалось достаточно денег, чтобы отправить на нескольких месяцев целую команду в Москву, дабы изучить некий российский справочник по промышленности и выяснить, кто из приближенных Путина какие прибыли получает. Проще было бы позвонить мне по телефону в Нью-Йорке, и я мог бы дать им точную информацию об этом. Но у газеты нет средств, чтобы расследовать, кто сбил самолет, откуда появились снайперы или отправиться на линию размежевания и выяснить, кем нарушается режим прекращения огня.

Между тем во всем мире существуют независимые исследования, которые утверждают, что официальные американские ответы на все перечисленные вопросы не соответствуют действительности. Являются ли эти и другие исследования правдой? Я не знаю. У меня нет достаточных возможностей и ресурса знаний для подобных расследований, но я думаю, что кто-то должен заниматься этим. Иначе мы можем скатиться к войне в густом «военном тумане», основываясь на лжи и неопределенности.

* * *

Я должен закончить вопросом: «И что же дальше?» Вы знаете, вероятно, извечный русский вопрос «Что делать?» И может быть, вам известен ответ на него: «Ничего. Уже слишком поздно!» Когда меня спрашивают: «Что же дальше?» — я отвечаю, что не знаю. Перефразируя слова Мойнихэна, могу сказать, что у меня есть только некоторые факты. А мое мнение не означает, что все обстоит именно так. Оно означает лишь то, что я думаю на этот счет. Выступающие за войну партии одерживают сейчас верх в большинстве столиц, непосредственно вовлеченных в конфликт. Если вам интересно, то в Вашингтоне их лидер — конечно, сенатор Маккейн. Положили на весы свой авторитет госсекретарь Керри и, безусловно, вице-президент Байден. В их числе также Киев, Брюссель, штаб-квартира НАТО. И возможно (хотя я и не уверен в этом), в Москве тоже происходит борьба по этому вопросу. Путин не инициировал этот кризис. В отличие от утвердившейся у нас версии, все это очень скверно для него лично и для национальных интересов России. Путин не собирается капитулировать, но хочет, чтобы все это завершилось.

Покончить с этим и достичь урегулирования можно было бы путем переговоров на основе ряда пунктов, которые были согласованы в апреле 2014 года в Женеве на встрече Керри, Лаврова, представителей Киева, Германии и Франции. Вот некоторые из этих пунктов: полное прекращение огня, отвод всех тяжелых вооружений и военной техники от линии фронта с обеих сторон, какая-то разновидность федерализации или децентрализации украинского государства, которая предоставила бы всем регионам — не только восточным, но и западным областям, — право на альтернативные Киеву пути развития, соблюдение собственных традиций. Вот, кстати, пример: на Украине губернаторы не избираются, а назначаются из Киева. Мы так не делаем. Но это не значит, что наш способ самый правильный, — есть и альтернативные методы. То же самое касается языка и других вопросов.

В военном отношении — неприсоединение Украины. Это означает, позвольте мне быть откровенным, что Украина никогда не должна быть членом НАТО. Мы заявляем, что сейчас вступление в НАТО не стоит в повестке дня. Но мы и на Марс пока не собираемся, хотя попытки полететь и предпринимаем. Русским нужно четкое письменное обязательство на этот счет, даже если они знают, что мы можем порвать его. Для благополучия народа Украины ей жизненно важно свободно торговать и с Россией, и с Западом. Даже после года войны Россия остается важным финансовым, торговым, экономическим партнером Украины. И в дальнейшем Украина не сможет выжить без России, а России нужна Украина в экономическом плане. Это благо для обеих стран. И Украине должна быть предоставлена возможность сотрудничать с Западом так же, как это делала Россия в течение последних 20 лет.

От Украины нельзя требовать: «Либо вы торгуете с нами, либо с Россией, но не с тем и другим одновременно». И нужно гарантировать нынешний территориальный суверенитет Украины, но без Крыма. Этот поезд уже ушел. Но остальная часть Украины должна сохраниться в неизменном виде и получить гарантии со стороны великих держав и, возможно, в виде резолюции Организации Объединенных Наций.

Осталось ли еще время для такого разумного урегулирования? Не имею представления. Оно было достижимо в апреле, мае, возможно, в июне. Но к настоящему времени, может быть, уже пролито слишком много крови.

Люди в Восточной Украине по большей части не были сепаратистами, хотя с самого начала мы всегда именовали их именно так. Сами они называли себя «федералистами». Они стремились получить определенный уровень внутреннего самоуправления. Теперь же, если вы смотрите видео в социальных сетях, можете слышать, как они говорят: «Мы не можем больше жить рядом с этими людьми. Они убили мою бабушку, дедушку и мою дочь. Я не хочу быть вместе с этим Киевом». Вероятно, это когда-нибудь может быть преодолено. Конфедераты в США заявляли то же самое о Севере после Гражданской войны, и мы дорого заплатили за это. Ценой десятилетних усилий нам удалось в конце концов добиться единства страны.

Есть только две возможности для такого рода решения проблемы, и этим должны заняться лидеры. Одна из них — Меркель, ввиду ее особого положения. Германия — это сильнейшая страна в Европе. Политика Меркель состояла в том, чтобы доказать невозможность военного решения; но потом она заняла антироссийские, проамериканские позиции. Может быть, поездки изменят ее взгляды. Я не знаю.

Но единственным человеком, который способен покончить со всем этим на основе переговоров, является Обама. В его руках контроль над НАТО и Международным валютным фондом, который имеет возможность помочь наведению порядка. Похоже, Обама дрейфовал в сторону партии войны. Поскольку я дважды голосовал за него, мне хотелось бы думать, что это произошло потому, что он не увидел никакой оппозиции этой партии. Он не почувствовал, как накалилась ситуация, потому что мы сами не стремились добиться правды. Я хочу сказать молодым людям в этом зале, что мое поколение (а я уже дед) и поколение ваших родителей поставили вас в трудное положение. Мы не оставили вам выбора. Мы не придавали значения тому, что, на ваш взгляд, было хорошо, а что плохо, и что надо делать. Мы подвели вас и не дали возможности вести демократические дискуссии. Так что молодые люди в этой аудитории могут теперь предпринять то, что они сами считают правильным, — или ничего не предпринимать.

Что касается меня, и на этом я закончу, — то ежедневные новости то порождают во мне надежды, то повергают меня в отчаяние. Но я всегда вспоминаю, как русские отличают пессимиста от оптимиста. Они определяют их иначе, чем мы. Это обусловлено их собственной травматической историей. Поэтому они говорят: «Пессимист думает, что дела уже не могут быть хуже. А оптимист знает, что могут». Так что я оставляю вас сегодня оптимистами. ◆

Перевод с английского В. Бушуева.

США и конституционный переворот 1993 года в России

«Коммунистические фашисты,
маскирующиеся под парламентариев»
(«Бостон глоб» о Верховном Совете РФ. 06.10.1993)

Наивные души поразились предвзятости западной прессы в освещении грузино-осетинского конфликта 2008 года. А когда она была более объективной?

Да, как подсчитали исследователи, в течение двух лет, предшествовавших американской агрессии против Ирака, Джордж Буш и члены его администрации по крайней мере 935 раз публично заверяли соотечественников в наличии у Ирака оружия массового поражения (ОМП), говорили о связях Саддама Хуссейна с «Аль-Каидой» и т. п.¹ Да, лгали и Буш, и Чейни, и Колин Пауэлл... Но только благодаря эффективному «промыванию мозгов» ангажированными корпоративными СМИ к сентябрю 2003 года 69 процентов американцев уверились в том, что Саддам Хуссейн нес персональную ответственность за события 11 сентября 2001-го; 82 процента стали считать, что Саддам оказывал поддержку Усаме бен Ладену и «сети его террористических организаций»².

Не отличались американские СМИ своей объективностью и при освещении конституционного переворота в России 1993 года. Уже первая статья в «Нью-Йорк таймс» задала тон в освещении отношения США к законодательной ветви власти в России. Верховный Совет и Съезд народных депутатов именовались не иначе как «парламент советского

ДОМРИН Александр Николаевич — профессор факультета права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук.

Окончание. Начало см. Свободная Мысль. 2015. № 2.

Ключевые слова: современная история России, конституционный переворот 1993 года, президент Ельцин, Верховный Совет РСФСР, «демократические реформы» в России, российско-американские отношения, администрация США, Б. Клинтон, С. Тэлботт, распад СССР.

¹ См. **Lewis Ch., Reading-Smith M.** False Pretenses. — www.publicintegrity.org/2008/01/23/5641/false-pretenses. См. также: Study: Bush led U.S. to war on «false pretenses». Hundreds of false statements on WMDs, al-Qaida used to justify Iraq war. — www.msnbc.msn.com/id/22794451/

² См. Washington Post Poll: Saddam Hussein and the Sept. 11 Attacks // The Washington Post. 06.09.2003. — www.washingtonpost.com/wp-srv/politics/polls/vault/stories/data082303.htm

периода» (читай: «коммунистического» периода; для американцев это слова-синонимы. — А. Д.), «избранный по избирательным правилам Коммунистической партии и в целом враждебный реформам г-на Ельцина». Во второй статье (Сержа Шмеманна в том же номере газеты) российский парламент уже именовался «консервативной, в основном состоящей из коммунистов легислатурой, перешедшей от политической борьбы к тотальной битве за судьбу России».

Еще более однозначные характеристики были даны в тот же день в самой первой редакционной («установочной») статье в «Нью-Йорк Таймс» с характерным заголовком «Переворот, осуществленный демократом»³. Да, у Ельцина не было «конституционных полномочий» распустить парламент, говорится в первом абзаце статьи. Но это не страшно! Ведь этот «откровенный переворот», по мнению редакции газеты, «может содействовать консолидации демократии в России, экономическим реформам» и (почему-то) «более уважительным отношениям с бывшими советскими республиками». А потому «президент Клинтон был прав, быстро предоставив (Ельцину. — А. Д.) американскую поддержку».

Повторив становящийся традиционным набор обвинений и полуправды (Ельцин — «первый демократически избранный президент», а парламент был избран в период «перестройки», к тому же с «обструкционистским руководством» и «враждебным [Ельцину] большинством»; конституция еще «советской эры»), редакционная статья добавляет новой лжи.

По утверждению газеты, президентская избирательная кампания 1991 года «представляла собой более полный демократический выбор, чем парламентские выборы 1990 года, на которых многие поддержанные Кремлем кандидаты баллотировались без оппонентов». В принципе само сравнение президентских и парламентских выборов (не только в России, но и где бы то ни было) с точки зрения их «демократичности» весьма спорно. А утверждение о безальтернативных выборах для «поддержанных Кремлем», то есть горбачевским руководством СССР, кандидатов просто не соответствовало действительности.

В целом в освещении событий в России американские СМИ то ли сознательно, то ли от общего невежества допускали немало фактических ошибок. Так, все тот же Серж Шмеманн во второй статье в «Нью-Йорк Таймс» от 22 сентября отнес избрание Ельцина первым «демократически избранным» президентом РФ к 1990 году (вместо 1991-го), а выборы российского парламента — к 1989-му, или «эре Михаила С. Горбачева, когда Коммунистическая партия все еще была верховным правителем». По словам Шмеманна, избирательные «правила, установленные партией, гарантировали избрание многих коммунистов и крайних националистов, которые при каждом удобном случае блокировали законодательство г-на Ельцина». То есть в 1990 году, когда якобы состоялись выборы президента Ельцина, по утверждению Шме-

³ См. Russia: A Democrat's Coup // The New York Times. 22.09.1993. — www.nytimes.com/1993/09/22/opinion/russia-a-democrat-s-coup.html

манна, в России уже можно было провести «демократические» выборы? Действительно, можно было! Так ведь именно тогда и состоялись выборы народных депутатов России — в марте 1990-го! А за год до них избирались депутаты Союза... Как гласит американская поговорка, Шмеманн сам себе «выстрелил в ногу».

«Парламент был избран до крушения СССР», обличительно вторит Шмеманну корреспондент «Уолл-стрит джорнэл». Да, до крушения. А президент — в июне 1991-го. — Нет?

И с «крайними националистами» г-н Шмеманн погорячился. Патриотическая оппозиция как розово-коммунистическому режиму Горбачева, так и радикальным либералам-западникам сахаровского разлива, в 1990 году потерпела поражение. В депутаты России не были избраны ни Вадим Кожин, ни Илья Глазунов, ни многие другие представители «русской партии».

В некоторых региональных выпусках газеты от 22 сентября численность Верховного Совета РФ была дана как 25 (!) депутатов⁴. Опечатка или еще одна попытка создать у наивных читателей впечатление, что стоит этих 25 злодеев отстранить от власти и «прогрессивные» ельцинские реформы и дальше пойдут своим чередом?

А 11 октября 1993 года редакционная статья в газете «Бостон геральд» назвала Верховный Совет России «антидемократическим бастионом старого режима», созданным Горбачевым и «избранным в результате сфальсифицированных (или “подтасованных” (rigged). — А. Д.) выборов»⁵.

С учетом сказанного выше, есть смысл напомнить, чем выборы на Съезд народных депутатов РСФСР в марте 1990 года отличались от прошедших за год до этого выборов депутатов СССР. Во-первых, к моменту проведения российских выборов как Конституция СССР 1977 года, так и Конституция РСФСР 1978 года лишились знаменитой статьи 6, закреплявшей за компартией положение «руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы, государственных и общественных организаций». Роль КПСС стремительно сокращалась, и компартия ни в коей мере уже не могла «контролировать» выборы так, как она делала это раньше.

Во-вторых, если во время парламентских выборов на союзном уровне 1989 года часть депутатских мандатов была «зарезервирована» за так называемыми «всесоюзными общественными организациями», то избирательное законодательство РСФСР не знало такой нормы.

Таким образом, ничто не может быть более далеким от истины, чем статья в «Бостон геральд» или «экспертное» заключение профессора русской истории Университета Беркли Мартина Малии, называвшего Ельцина реинкарнацией Петра I и утверждавшего, что «сопротивление переменам» («перемены» — еще один знаковый термин в амери-

⁴ См. **Schmemann S.** Showdown in Moscow; Yeltsin and Legislature Act to Oust Each Other; Clinton Backs President // The New York Times. 22.09.1993. — <http://articles.nytimes.com/1993/09/22/world/showdown-moscow-yeltsin-legislature-act-oust-each-other-clinton-backs-president.html>

⁵ The Court Yeltsin Closed // Boston Herald. 11.10.1993.

канском пропагандистском «новоязе»; в данном случае имеется в виду «шоковая терапия». — А. Д.) сконцентрировалось в парламенте, «технически избранном в 1990 году всеобщим голосованием, но в котором *примерно треть мест были безальтернативными (uncontested)* (курсив мой. — А. Д.)»⁶

Во-первых, общенародным голосованием избирался не Верховный Совет, а Съезд народных депутатов. Во-вторых, согласно официальным данным, в выборах 4 марта 1990 года на 1068 депутатских мест (900 депутатов избирались в обычных территориальных округах и 168 — в национально-территориальных) баллотировались 6705 кандидатов, что в среднем составляло свыше шести кандидатов на место. Но это — в «среднем». Конкретные цифры были еще более красноречивыми. Безальтернативные выборы прошли лишь в 33 округах. В 300 округах на одно место баллотировались более десяти человек, в 24-х — более двадцати!

Никакой тайны в этих данных не было. Они были оглашены на Первом Съезде народных депутатов РСФСР в речи председателя ЦИК 18 мая 1990 года, полный текст которой был в тот же день предоставлен англоязычным наблюдателям Международной службой Би-би-си⁷. Даже такие авторитетные зарубежные организации, как Федеральная избирательная комиссия США и Нью-Йоркский комитет юристов за права человека, наблюдатели которых пристально отслеживали ход первых демократических выборов в марте 1990 года, единогласно признали их «самыми свободными за [всю] историю России»⁸. Увы, к сентябрю 1993-го те же самые «наблюдатели» уже предпочитали не вспоминать о собственных оценках: конъюнктура сменилась...

Странно, что Мартин Малия — автор серьезного труда 45-летней давности «Александр Герцен и рождение русского социализма, 1812—1855» и поверхностной 600-страничной работы «Советская трагедия: история социализма в России, 1917—1991»⁹ — не видит разницы между выборами народных депутатов СССР 1989 года и России 1990-го. Но даже если профессор из Беркли допустил ошибку, то как редакторы-страноведы, вычитывающие каждую букву в столь влиятельной американской газете, как «Нью-Йорк таймс», пропустили этот «ляп»? Что-то здесь не так...

Стоит сказать об еще одной странности в работах американских исследователей избирательного права и избирательного процесса в СССР и России того времени. Фрэнсис Фостер-Симонс, Джон Хазард, Том Ре-

⁶ Malia M. Reinventing Peter the Great // The New York Times. 12.12.1993.

⁷ См. RSFSR Congress Electoral Commission Chairman's Speech // BBC Summary of World Broadcasts. 18.05.1990.

⁸ См. Human Rights and Legal Reform in the Russian Federation. N. Y.: Lawyers Committee for Human Rights, March 1993. P. 45.

⁹ См.: Malia M. Alexander Herzen & the Birth of Russian Socialism, 1812—1855. Cambridge: Harvard University Press, 1961; Idem. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917—1991. N. Y.; Oxford; Singapore; Sydney: The Free Press : Macmillan, Inc., 1994.

мингтон были правы, когда указывали на присутствие в законе «О выборах народных депутатов СССР» от 1 декабря 1988 года внутренних антидемократических «фильтров»¹⁰. Одним из них была уже упоминавшаяся норма о выборах от «общественных» организаций, другим — система «окружных предвыборных собраний». Согласно статье 38 закона собрание созывалось окружной избирательной комиссией в случае выдвижения более двух кандидатов в депутаты, предоставляло возможность кандидату выступить с изложением программы своей будущей деятельности, после чего (большинством голосов) могло отказать ему в регистрации.

Правильно критиковали западные эксперты эту норму как недемократическую и как потенциальный инструмент в руках партийной власти в стране. Парадокс заключается в том, что, когда эта норма не нашла места в российском законе «О выборах народных депутатов РСФСР» от 27 октября 1989 года, американские эксперты (подчас одни и те же люди) поменяли свои аргументы на прямо противоположные. Российская избирательная система, как стали теперь утверждать советологи, оставалась «недемократической», поскольку ликвидация окружных комиссий привела к появлению многочисленных кандидатов, и «избиратели вводились в заблуждение (confused) большим количеством имен в избирательных бюллетенях»¹¹.

Где тут логика? О каком «заблуждении» вели речь заокеанские менторы? Уровень политико-правовой культуры россиян, как свидетельствуют исследования самих американцев¹², ничем не ниже, чем, скажем, в Литве, Венгрии или США; а уровень образования значительно выше, чем в тех же Соединенных Штатах, «половина взрослого населения» которых, согласно докладу федерального Департамента образования 1993 года, «не могла читать или выполнять простые математические действия»¹³. Почти через десять лет статистика стала не намного лучше. В 2002 году 23 процента взрослых американцев (44 миллиона человек) были «функционально неграмотны», то есть не могли использовать «навыки чтения, письма или счета в повседневной жизни: для заполнения трудовой анке-

¹⁰ См., например: **Foster-Simons F.** The Soviet Legislature: Gorbachev's «School of Democracy», Toward the «Rule of Law» in Russia?: Political and Legal Reform in the Transition Period / ed. by D. D. Barry. Armonk (N. Y.); L.: M. E. Sharpe, 1992. P. 121, 125; **Hazard J. N.** Evolution of the Constitution // *Ibid.* P. 104; **Remington T. F.** Introduction: Parliamentary Elections and the Transition from Communism // *Parliaments in Transition. The New Legislative Politics in the Former USSR and Eastern Europe* / ed. by T. F. Remington. Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press, 1994. P. 1—28.

¹¹ **Miller D. R.** Unconstitutional Democracy: Ends vs. Means in Boris Yeltsin's Russia // *Transnational Law & Contemporary Problems*. 1994. Vol. 4. № 2. P. 873—905, 881. Пришедшая к этому странному выводу Донна Миллер ссылается на доклад все того же Тома Ремингтона «Выборы в РСФСР в марте 1990 г.» (см. **Remington T. F.** Introduction: Parliamentary Elections and the Transition from Communism. P. 8), предоставленный ей автором.

¹² См., например: **Reisinger W. M., Miller A. H., Hesli V. L.** Russians and the Legal System: Mass Views & Behavior in the 1990s // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 1997. Vol. 13. № 3. P. 24—55.

¹³ Illiterate Americans // *The New York Times*. 14.09. 1993. — www.nytimes.com/1993/09/14/opinion/illiterate-americans.html

ты, распознавания знаков дорожного движения, заполнения бюллетеня для голосования, чтения газеты, графика движения автобуса или надписи на упаковке». Для сравнения, среди населения Вьетнама «функционально неграмотные» составляют не более 6,7 процента, Хорватии — 1,7 процента¹⁴.

Столь же неверно утверждение, будто «буквально каждый опрос общественного мнения в период после апреля» 1993 года свидетельствовал о «почти полной утрате» парламентом и антиельцинской оппозиции «народной поддержки»¹⁵. Если еще 1 января 1993 года, по результатам опроса, проведенного Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ) Юрия Левады, 67 процентов (из 1600 опрошенных респондентов) заявляли о доверии и 32 процента — о недоверии Ельцину¹⁶, то к 15 сентября того же года показатели кардинально изменились: лишь 28 процентов «предложили бы избрать Ельцина президентом», а 72 процента были бы против. Недоверие Ельцину как президенту страны буквально накануне роспуска парламента демонстрировалось практически всеми возрастными, социальными, этническими и образовательными группами: от старших возрастных групп (60 лет и старше — 71 процент) до младших (от 18 до 24 лет — 75 процентов), от лиц с высшим образованием (66 процентов) до имеющих начальное или неполное среднее (73), от русских (71) до евреев (91), от предпринимателей (54) до военнослужащих (78 процентов)¹⁷.

Для сравнения: в аналогичном опросе, проведенном 30 апреля 1993 года, вопрос был поставлен о доверии вице-президенту А. Руцкому. Его деятельность была оценена как «очень хорошая», «хорошая» и «удовлетворительная» 43 процентами респондентов (2, 12 и 29 процентов соот-

¹⁴ См. **Tharoor Sh.** Illiterate America. 44 million American men and women are functionally illiterate // Newsweek International. 30.09.2002. Уровень образования еще 50 миллионов американцев остановился на планке 8-го класса общеобразовательной американской школы, который американцы заканчивают по достижении ими 13-летнего возраста. Много это или мало? К примеру, для того, чтобы понять надпись по применению медицинского препарата, требуется уровень 9-го класса.

¹⁵ См. Russia: A Democrat's Coup.

¹⁶ См. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=477&q_id=35919&date=01.01.1993

¹⁷ См. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=482&q_id=36107&date=15.09.1993. По какой-то причине лишь среди башкир доверие и недоверие по отношению к Ельцину разделилось ровно пополам — по 50 процентов. Отвечая на другой вопрос, против Явлинского как нового гипотетического президента России высказался 91 процент опрошенных (см. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=482&q_id=36110&date=15.09.1993), против Гайдара — 97 (см. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=482&q_id=36106&date=15.09.1993), против Черномырдина и Шахрая — по 98 (см. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=482&q_id=36108&date=15.09.1993; http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=482&q_id=36109&date=15.09.1993), против Вольского — 99 процентов (см. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=482&q_id=36105&date=15.09.1993). Затрудились с ответом на вопрос «кого бы вы предложили избрать президентом России» 76 процентов опрошенных (см. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=482&q_id=36113&date=15.09.1993). Ответы на вопрос об объеме полномочий нового Федерального Собрания разделились следующим образом: 48 процентов опрошенных считали, что их должно быть «больше» или «столько же», как у Верховного Совета РФ (25 и 23 процента соответственно), 19 процентов — меньше; 33 процента затруднились с ответом (см. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=482&q_id=36094&date=15.09.1993).

ветственно) при 33 процентах, считавших ее «неудовлетворительной», и 24 процентах, затруднившихся с ответом¹⁸.

Приведенные ответы ненамного отличались от результатов предыдущих опросов общественного мнения. Так, более чем за год до исследования Центра Левады эксперты Партии экономической свободы К. Борового задумались над тем, что может произойти в стране в случае внезапной смерти действующего президента, и провели свой опрос. Согласно опубликованному ими 20 августа 1992 года докладу вице-президент Александр Руцкой был более популярен, чем Борис Ельцин, и обладал «позитивным балансом» среди «всех ключевых территориальных и социальных групп» населения¹⁹.

Каковы выводы американских СМИ? «У г-на Ельцина было мало выбора. Альтернативой было позволить парламенту похоронить всякую надежду на реформы». Поддержавшее Ельцина руководство Министерства обороны «будет прислушиваться к реакции из-за рубежа, особенно из Вашингтона». А потому реакция Вашингтона должна быть однозначной. Ведь «легислатура утратила свое право на легитимность». «Адвокаты свободы могут пожелать Ельцину удачи»

Таким образом, утверждение «Нью-Йорк таймс» полностью искажает реальную картину. Наоборот, по мнению американского политолога Арчи Брауна, одной из причин, «подтолкнувших» Ельцина к «принуждению» в борьбе с парламентом, явилась именно недостаточная поддержка со стороны населения, о чем убедительно свидетельствовали результаты опросов²⁰.

Но каковы же выводы американских СМИ? «У г-на Ельцина было мало выбора. Альтернативой (перевороту. — А. Д.) было позволить парламенту похоронить всякую надежду на реформы». Поддержавшее Ельцина руководство Министерства обороны, прогнозирует редакция газеты, «будет прислушиваться к реакции из-за рубежа, особенно из Вашингтона». А потому реакция Вашингтона должна быть однозначной. Ведь

¹⁸ См. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=479&q_id=35941&date=30.04.1993

¹⁹ Гульбинский Н., Шакина М. Афганистан, Кремль, Лефоргово?.. Эпизоды политической биографии Александра Руцкого. М.: Лада-М, 1994. С. 228.

²⁰ См. Brown A. The October Crisis of 1993: Context and Implications // Post-Soviet Affairs. 1993. Vol. 9. № 3. P. 188.

«легислатура утратила свое право на легитимность». «Адвокаты свободы могут пожелать ему (Ельцину. — А. Д.) удачи»²¹.

Очевиден общий «пережим» американских печатных СМИ в освящении событий в России, недостойный серьезных изданий. Депутаты внеочередного Съезда народных депутатов не просто аплодировали избранию А. Руцкого и. о. президента России, а «дико» аплодировали. Как еще можно было охарактеризовать Руцкого (и напугать американских читателей) кроме того, что он «герой афганской войны» и «открытый сторонник восстановления Советского Союза»? Кто еще мог прийти к зданию Верховного Совета на Краснопресненской набережной сразу после телевыступления Ельцина, кроме «нескольких сотен яростных твердолобых коммунистов»? «Несколько тысяч» — поправляет Шмеманна не только «Уолл-стрит джорнал» (22.09.1993), но и коллега Эрлангер, хотя тут же утверждает, что «несколько тысяч протестующих» состояли «в основном из коммунистов». Он что, партбилеты у них проверял? Общеизвестно, что среди защитников Верховного Совета были представители всех социальных групп и слоев населения. Среди тех, кто пришел к «Белому дому» уже вечером 21 сентября, были социал-демократы и экологи. Среди защитников Горбатого моста были панки. У стен «Белого дома» стоял Егор Летов.

Какого еще решения можно было ожидать от Конституционного суда РФ, если его председатель «давно был откровенно враждебен г-ну Ельцину»? Спикер парламента и лидер антиельцинской оппозиции Руслан Хасбулатов — лукавый, хитрый, скользкий, не заслуживающий доверия тип (Шмеманн). Действия Ельцина по разгону законодательной ветви власти «с правовой точки зрения сомнительные»? Да — говорит Шмеманн. Но... ничего страшного! Ведь «российская конституция основывается на советской коммунистической конституции брежневской эры»²². Конгрессмен Соломон пошел еще дальше и назвал Конституцию РФ 1978 года «изначально разработанной Иосифом Сталиным»²³. О том, что российским парламентом в 1990—1993 годах было принято порядка 340 конституционных поправок, изменивших текст Основного закона почти до неузнаваемости, читателям газеты и коллегам-конгрессменам сообщать было излишне.

По словам «Уолл-стрит джорнэл», «г-н Хасбулатов часто чинил препятствия рыночным реформам администрации (Ельцина. — А. Д.) и недавно призвал к восстановлению Советского Союза. Парламент был избран до крушения СССР и переполнен консерваторами, враждебно относящимися к реформам, разрушающими коммунистическую систему». Одна полуправда нанизана на другую. Это кто «часто чинил препятствия рыночным реформам»? Доктор наук, экономист Хасбулатов, статью которого о необходимости активизации рыночных реформ в 1988 году

²¹ Russia: A Democrat's Coup.

²² Schmemann S. Showdown in Moscow; Yeltsin and Legislature Act to Oust Each Other; Clinton Backs President.

²³ 139 Congressional Record E2238-02 (1993).

испугался печатать в журнале «Коммунист» Егор Гайдар, и которого даже гайдаровский пособник Андерс Ослунд в 1991 году характеризовал как «радикального экономиста»²⁴?

В своих воспоминаниях бывший технический помощник по исследованиям Збигнева Бжезинского в Колумбийском университете Джордж Стефанопулос вообще не упоминает указ № 1400 и говорит лишь, что «старорежимные коммунистические противники Бориса Ельцина забаррикадировались в российском парламенте»²⁵. Американскому читателю, редко обремененному долгой памятью, остается только гадать по поводу столь странного поведения антиельцинской оппозиции...

Лукавством отличаются и мемуары самого Билла Клинтона. Говоря об августовском путче, когда Горбачев был взят «под домашний арест на летней даче на Черном море заговорщиками», он пишет о Ельцине, который «забрался на танк» и «призвал русский народ защитить с трудом завоеванную демократию». Вроде бы, все правильно. Сделал это Ельцин «перед российским Белым домом, зданием парламента, осажденным заговорщиками». Для нас и здесь все памятно и понятно. Но поскольку уже в следующем абзаце Клинтон пишет о «реакционных элементах» в «Думе», выступающих против Ельцина и «стремящихся к восстановлению старого порядка или в равной степени подавляющем новом (порядке), основывающемся на ультранационализме», у неискушенного американского читателя возникает полное представление о Верховном Совете РФ как о бастионе тех самых «заговорщиков» августа 1991-го²⁶.

Впрочем, не будем уподобляться американцам и демонизировать оппонентов, ведь народных депутатов страны называли «защитниками Конституции — той, сталинско-брежневского покроя» не только заокеанские русофобы, но и отечественный пропагандист Отто Лацис²⁷. Согласованная позиция американских СМИ и подавляющего большинства советологов в тот период выполняла роль идеологического обеспечения конституционного переворота и последующего расстрела представительной власти в России.

Первый демократически избранный российский парламент назывался не иначе, как «антидемократической, антизападной, антирыночной, антисемитской» «красно-коричневой коалицией»²⁸, «националистически-коммунистическим блоком»²⁹, «националистической, крипто-советской оппозицией»³⁰, «бандой коммунистических аппаратчиков»³¹,

²⁴ См. **Aslund A.** The Making of Economic Policy in 1989 & 1990 // Milestones in Glasnost & Perestroika. The Economy / ed. by E. A. Hewett, V. H. Winston. Wash.: The Brookings Institution, 1991. P. 346.

²⁵ Цит. по: *ibid.* P. 210.

²⁶ См. **Clinton B.** My Life. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2004. P. 503—504.

²⁷ См. **Лацис О.** Наше прошлое все темнее // Русский курьер. 19.09.2003. С. 13.

²⁸ См. CRS Report for Congress, 93-884 F, 06.10.1993.

²⁹ См. The Boston Globe. 23.09.1993.

³⁰ См. The New York Times. 24.10.1993.

³¹ См. The New York Times. 30.09.1993.

«бандой коммунистов и фашистов»³² и даже «коммунистическими фашистами (именно так: “коммунистическими фашистами”. — А. Д.), маскирующимися под парламентариев»³³.

Прежняя Конституция России характеризовалась как «фарсовый документ»³⁴ и как «фундаментальная проблема России до декабря 1993 года»³⁵. Защитники Конституции соответственно объявлялись «странным альянсом старых коммунистов, националистов, монархистов и антисемитов»³⁶. Само же противостояние между режимом Ельцина и его оппонентами подавалось не иначе, как конфликт между «демократией» и «демонами», как гласил заголовок редакционной статьи, вышедшей в «Бостон глоб» в день парламентских выборов в России 12 декабря 1993 года.

Даже такое авторитетное учреждение, как Исследовательская служба Конгресса США (CRS), декларирующая непредвзятость и беспристрастность как основу своей деятельности, в своем докладе «Ельцин и Съезд народных депутатов России: последствия и значение для интересов США» сводило суть разногласий между ветвями власти до примитивного клише: «Депутаты..., 87 процентов которых во время их избрания в марте 1990 года являлись членами Коммунистической партии, были озабочены сохранением своих законодательных постов... и блокированием реформ, угрожающих их карьере и статусу»³⁷. Два термина являются знаковыми в приведенной цитате, действующими на американцев по принципу «узнавания»: «коммунистический» и «реформа». И ни слова о том, что Ельцин и его правительство в такой же (если не в большей) степени имели «коммунистическое» происхождение, что и Съезд народных депутатов, или о том, какие именно «реформы» блокировались депутатами Верховного Совета. Трудно характеризовать содержащиеся в докладе выводы иначе, как провокационную попытку еще за несколько месяцев до ельцинского указа № 1400 (в декабре 1992-го) «подсказать» членам конгресса, какую именно позицию им следует занять по отношению к представительной власти России.

«Это был позорный эпизод в истории академического россиеведения» в США (Стивен Коэн)

«Окаянные дни» осени 1993 года застали меня в Америке. В осеннем семестре 1993-го я был Фулбрайтским стипендиатом и занимался ис-

³² См. The Boston Globe. 30.09.1993.

³³ См. The Boston Globe. 06.10.1993.

³⁴ См. Portland Press Herald. 06.12.1993.

³⁵ См. Foreign Affairs. 1994. № 5.

³⁶ См. The Spectator. 09.10.1993. № 8622.

³⁷ Nichol J. Yeltsin and The Russian Congress of People's Deputies: Outcome and Implications for U.S. Interests // CRS Report for Congress, 92-988 F. 30.12.1992. P. 1.

следованиями в Гарвардской школе права, выступал с лекциями в нескольких других университетах, готовился к преподаванию в Корнелльском университете весной 1994-го. Тогда же я избавился от последних иллюзий в отношении независимости и объективности средств массовой информации США, адекватности и непредвзятости большинства американских советологов, русистов.

Что до газетчиков, то даже бывший пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков, которого меньше всего можно было бы заподозрить в антиамериканизме, свидетельствует: «В течение долгого времени у меня были хорошие отношения с посольством США в Москве... Отличные отношения были с американскими журналистами, аккредитованными в Москве. Но, как только я заявил о своей более чем прохладной позиции в отношении расширения НАТО на Восток, все изменилось. Меня перестали замечать, а в американской прессе тотчас же появились негативные оценки моей работы и даже личные выпады. Вот вам и знаменитая независимость американской прессы, — заключает Костиков. — Кто-то в Госдепартаменте дернул за ниточку, и начались другие танцы»³⁸.

С советологами дело обстоит сложнее. Судя по публикациям в американской печати того периода, число экспертов, выступивших с критикой антиконституционных действий исполнительной власти России и поддержки (если не поощрения) Ельцина со стороны правительства США, было минимально. Среди них в первую очередь следует назвать Джерри Хафа из Дюкского университета и Брукингского института; Стивена Коэна из Принстонского (теперь — Нью-Йоркского) университета и группу авторов, объединяющихся вместе с Коэном вокруг журнала «Нэйшн» (Nation), редактируемого женой Коэна Катриной ван ден Хьювел; Роберта Дэниелса из Вермонтского университета; Питера Реддауэя (см., например, его статью «Дрейф в диктатуру» (Dictatorial Drift) в «Нью-Йорк таймс» от 10 октября 1993 года).

Дэниел Сингер, например, совершенно справедливо писал в статье «Путч в Москве»: «Причина, по которой все западные правительства оказали абсолютную (буквально, “по самую рукоятку (to the hilt)”. — А. Д.) поддержку Ельцину», заключается в том, что «он — лучший человек..., который будет выполнять приказы международного финансового истеблишмента (курсив мой. — А. Д.)». «Одним росчерком пера, — заключал профессор Union College Роберт Шарлет, — Ельцин уничтожил эмбриональное и непростое разделение властей. Мао превзошел Монтескле». А Роберт Дэниелс в самом заголовке своей статьи в «Нью-Йорк таймс» заявлял за день до бойни в Останкино, что «Ельцин — не Джефферсон. Скорее Пиночет»³⁹.

«Это был позорный эпизод в истории академического россиеведения» в США, пишет С. Коэн в книге «Провал крестового похода. США и

³⁸ Костиков В. Роман с президентом: Записки пресс-секретаря. М.: Вагриус, 1997. С. 28—29.

³⁹ Singer D. Putsch in Moscow // The Nation. 25.10.1993. P. 448—449; Sharlet R. Russian Constitutional Crisis: Law and Politics Under Yeltsin // Post-Soviet Politics. 1993. Vol. 9. № 4. P. 327; Daniels R. V. Yeltsin's No Jefferson. More Like Pinochet // The New York Times. 02.10.1993.

трагедия посткоммунистической России». Американские «ученые сумели подвести историческую и юридическую базу под главную лже-идею американского крестового похода — о переходе России от коммунизма к капитализму и демократии американского типа. Эта идея “перехода” не только придала осмысленность американской политике, но и обеспечила прессу материалом для публикаций, а ученых — новой парадигмой для исследований, грантов и в конечном счете для своей карьеры»⁴⁰.

В ответ на мои недоуменные вопросы о гробовом молчании честных (ведь есть и такие) американских ученых, юристов, политологов в сентябре—октябре 1993 года директор Кеннановского института перспективных российских исследований — одного из ведущих центров советологии в США — оправдывался в своем письме: «Некоторые из нас кричали, но никто не слушал. После определенного момента, когда становится ясно, что напряжение голосовых связок не производит никакого эффекта, какой смысл в крике? Это не только позорный период в истории твоей страны, это позорный период в истории нашей страны. Мы в той же степени заражены идеологией, как и старая советская система. Более того, мы такие же мастера сознательного отрицания действительности, как и старая советская система. Я не могу тебе сказать, сколько раз меня отказывались слушать как человека, отстаивающего уникальность России, мол неужели я не понимаю, что “Россия — это как Аргентина”. Я был в Аргентине и думаю, что я мог заметить разницу...»

При всех упреках в адрес американских «экспертов» и комментаторов, отправной точкой суждений которых является «презумпция виновности» России, заложенная в самом «генетическом коде» России или «по крайней мере» в ее «истории»⁴¹, справедливости ради следует признать, что некоторые российские политики и газетчики ни в 1993-м, ни в последующие годы ничем не уступали западным русофобам. Особенно уродливыми видятся заявления ряда отечественных обозревателей в американских публикациях тех дней.

Так, вскоре после памятных декабрьских выборов 1993 года, в ходе которых, согласно истеричному восклицанию Юрия Карякина на праздновании незабываемого «нового политического года», неблагоприятная Россия «одурела», и 85 процентов принявших участие в голосовании отвергли «партию власти» гайдаровско-бурбулисовского типа, Юрий Афанасьев опубликовал статью в журнале «Форин афферс», в которой заявил, что «поддержка коммунистических и фашистских блоков» объясняется «самой природой (или “сокровенной сутью” (the essential nature). — А. Д.) русского народа»⁴².

Где же логика? Отчего «коммуно-фашистская природа» русского народа не помешала Афанасьеву быть дважды избранным в народные депутаты СССР и России? Но когда те же самые избиратели узнали истинную

⁴⁰ Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001. С. 35.

⁴¹ Тэлботт С. Какая Россия нужна Америке // Независимая газета. 11.12.1997. С. 6.

⁴² Afanasyev Y. N. Russian Reform Is Dead // Foreign Affairs. 1994. № 2. P. 22.

цену и ему, и его обещаниям — говорю это как голосовавший за Афанасьева в 1989-м — и утратили доверие как к нему лично, так и к большинству его соратников, докатившихся до политического беспредела или откровенной уголовщины, Афанасьев начал называть нас «прирожденными фашистами»!

Группа авторитетных американских ученых (Джерри Хаф и др.) в своей книге «Президентские выборы в России 1996 года» признала очевидный факт: американцы «всегда» видели Россию «глазами радикальных московских интеллектуалов»⁴³. Это правда. Америка и Запад в целом видят нас и нашу страну глазами людей, отношение которых к России строится на причудливом сочетании невежества, непонимания, безразличия, презрения, ненависти, стыда и страха (с примесью — хотя и реже — чувства вины). Классический диагноз, поставленный этому типу советской интеллигенции Солженицыным еще в 1974 году в сборнике «Из-под глыб» («образованщина»), нисколько не утратил своей актуальности⁴⁴.

Осенью 1993-го Госдепартамент рассматривал возможность отправки военного контингента США для поддержки Ельцина (Из книги помощника экс-президента Никсона «Никсон зимой»)

В книге «Никсон зимой» помощник экс-президента Ричарда Никсона в последние годы его жизни Моника Кроули раскрывает не известную не только российскому читателю, но и большинству западных наблюдателей деталь. В дни противостояния между президентом и Верховным Советом РФ Никсон был приглашен в Государственный департамент США для участия в обсуждении вариантов официальной реакции Вашингтона и вернулся с этого обсуждения абсолютно подавленным, поскольку один из вариантов предполагал... направление в Москву военного контингента США для поддержки Ельцина.

⁴³ См. Hough J. F., Davidheiser E., Lehmann S. G. The 1996 Russian Presidential Election. Wash. : The Brookings Institution Press, 1996. P. 14.

⁴⁴ Следует оговориться, что сам А. И. Солженицын поддержал расстрел Верховного Совета в своем интервью парижской «Русской мысли» и немецкому журналу «Фокус». В частности, расстрел «Белого дома» писатель расценил так: «В Москве, к счастью, сделан шаг к освобождению от коммунизма» (Focus. 18.10.1993. Цит. по: Платонов О. История русского народа в XX веке. — <http://lib.ru/PLATONOWO/russ4.txt>). Но еще до октябрьского расстрела — а именно, во время выступления 14 сентября 1993 года при вручении ему почетной докторской степени в Международной академии философии в Вадузе, Лихтенштейн — Солженицын заявил, что федеральная законодательная власть в России «не столько парламент в западном понимании, сколько банда партийных чинуш, более назначенная, чем избранная в 1989 году, когда еще существовал Советский Союз и господствовала Коммунистическая партия», и что «Конституционный суд выставил себя посмешищем, легализовав Коммунистическую партию» (Цит. по: Erlanger S. Showdown in Moscow; Yeltsin's Gamble: Force the Issue Now // The New York Times. 22.09.1993). Неужели за написанием своего «Красного колеса» Солженицын не заметил выборов в России 1990 года? Полный текст своей вадузской речи Солженицын предусмотрительно никогда не публиковал.

Сама по себе идея о направлении американского военного контингента за пределы США (в данном случае — в Россию) не была столь неожиданной. Как свидетельствуют мемуары бывшего госсекретаря Джеймса А. Бейкера, в марте 1991-го он предлагал премьер-министру Израиля Ицхаку Шамиру разместить войска США на Голанских высотах. Однако осенью 1993-го Никсон выступил категорически против подобной идеи применительно к России. «О чем думают эти засранцы (assholes) из госдепа? — вспоминает Кроули эмоциональные слова Никсона. — Нельзя направлять войска в Россию... Когда мы это сделали для борьбы с большевиками (имеется в виду участие США в интервенции “союзников” 1918 года и высадка американских войск во Владивостоке и Архангельске. — А. Д.), это обернулось катастрофой. Кроме того, мы просто не можем вмешиваться в их внутренние дела, тем более военными средствами. О, Господи!»⁴⁵.

Никсон не впервые столь нелюбезно высказывался в адрес американской дипломатии на российском направлении периода президентства Клинтона. «Эти ребята просто шизанутые (nuts). Они не понимают, что, поощряя авторитарные наклонности Ельцина, они играют с огнем»⁴⁶, — вспоминает Д. Саймс реакцию Никсона на выступление Тэлботта в Комитете по ассигнованиям палаты представителей 19 апреля 1993 года в поддержку финансовой помощи «реформаторам» в России. Триумфально поддержав «президента Ельцина, бросившего перчатку парламенту», якобы «контролировавшемуся реакционерами», Тэлботт готовил почву как для роспуска Ельциным законодательной власти в России, так и для поддержки такого роспуска в Вашингтоне.

Эпизод из книги Кроули, во-первых, лишний раз подчеркивает, сколь высоки были ставки Вашингтона в дни кризиса, и во-вторых, заставляет по-новому взглянуть на многочисленные свидетельства очевидцев об участии в московской бойне снайперов третьей стороны. Может быть, «засранцы из госдепа» хотя бы частично все же реализовали свой план? И о том, чем обернется для России победа «новой элиты... вестернизированных экономистов» и тех, кто «получает выгоду от новых форм собственности» «Нью-Йорк таймс» догадывалась уже тогда: «Даже при наилучших обстоятельствах этот переход будет означать нарушение жизни многих миллионов трудящихся, закрытие и реорганизацию многих неэффективных фабрик и быстрое обнищание людей, чья жизнь поддерживалась значительными государственными субсидиями на все: от жилья до электричества, телефонной связи, хлеба». Именно так. И все во имя насаждаемой Америкой в России новой утопии о «рынке по западному образцу».

Трудно поверить в искренность или наивность американских аналитиков, продолжающих утверждать, что социально-экономический кол-

⁴⁵ **Crowley M.** Nixon in Winter. His Final Revelations About Diplomacy, Watergate, and Life Out of the Arena. N. Y.: Random House, 1998. P. 132. См. также: **Idem.** Nixon Off the Record. His Candid Commentary on People and Politics. N. Y.: Random House, 1996.

⁴⁶ **Simes D.** After the Collapse: Russia Seeks Its Place as a Great Power. N. Y.: Simon & Schuster, 1999. P. 103.

лапс России в 1990-е годы был «в значительной мере неожидан», и что деиндустриализация российской экономики является «непредусмотренным последствием либеральных реформ»⁴⁷. Предупреждения о неизбежности катастрофы и о самоубийственном характере монетаристских экспериментов с российской экономикой неоднократно звучали в стенах Верховного Совета России и, по сути, стали одной из причин кровавого переворота 1993 года, осуществленного не просто при безоговорочной поддержке, а с санкции западного «международного сообщества» в целом и обеих ветвей американского правительства в частности.

Американцы этого особенно и не скрывали уже тогда. 4 октября 1993 года «Нью-Йорк таймс» удовлетворенно констатировала: «Официальные лица администрации Клинтона *благословили* (blessed) (курсив мой. — А. Д.) г-на Ельцина на роспуск парламента, и до сих пор они рассматривают действия президента России (по расстрелу парламента. — А. Д.) как лучшую гарантию демократии». При этом газета анонимно цитировала крупного представителя американского правительства: «Мы хотим, чтобы все это закончилось как можно скорее и как можно более мирными средствами, но мы хотим, чтобы победил Борис Ельцин»⁴⁸.

Позднее одним из американских исследователей со всем цинизмом было заявлено буквально следующее: если «западное сообщество» высказывается в поддержку «традиционно недемократического акта» — как это случилось при роспуске российского парламента в сентябре 1993 года, самым фактом своей поддержки оно придает такому акту необходимую легитимацию, делает его «демократическим», хотя и «неконституционно демократическим»⁴⁹. Как мы видим, по мнению американских глобалистов, в эпоху утверждения монополярного мира в 1990-е годы классическая формула Клинтона Росситера, согласно которой «государство может быть конституционным, не будучи демократическим, но оно не может быть демократическим, не являясь конституционным»⁵⁰, стала просто неактуальной.

Список выступлений в поддержку конституционного переворота в России, прозвучавших в те поистине «окаянные дни» сентября—октября 1993 года в стенах конгресса и Белого дома, можно было бы продолжить. Но для нас в данном случае важен сам факт откровенных признаний руководства США не просто допустимости, но *целесообразности* использования американской «помощи» как инструмента вмешательства во внутренние дела России. Той самой «помощи», которая с отстранением от власти в 2000-е годы значительной части ельцинских реформаторов была перенесена на спонсирование «шакалящей у иностранных

⁴⁷ См. **Graham T.** Putin's Russia. Why Economic Reform Requires Political Support. Reflections on U.S. Policy Toward Russia // East European Constitutional Review. 2000. Vol. 9. № 1—2.

⁴⁸ **Jehl D.** Showdown in Moscow: Washington; Clinton, Reaffirming Support for Yeltsin, Blames Rutskoi's Faction for the Violence // The New York Times. 04.10.1993.

⁴⁹ См. **Miller D. R.** Unconstitutional Democracy: Ends vs. Means in Boris Yeltsin's Russia. P. 876.

⁵⁰ **Rossiter C. L.** Constitutional Dictatorship: Crisis Government in the Modern Democracies. Princeton: Princeton University Press, 1948. P. VIII.

посольств» оппозиции и «агентов перемен» — как откровенно называют часть российских «неправительственных организаций» в Вашингтоне.

Американская поддержка таких антидемократических и антиконституционных действий российского президента, как расстрел федерального парламента, роспуск законодательных органов власти в регионах и на местах, приостановление (на полтора года) работы Конституционного суда РФ (что, по мнению сенатора Пелла, видимо, и являлось «консолидацией демократических реформ в России»), со всей очевидностью продемонстрировала, что, несмотря на официальные заверения администрации США в ее заинтересованности видеть Россию своим процветающим, уважаемым и демократическим «партнером», «вашингтонский обком» был вполне удовлетворен превращением России в государство-клиента, контролируемое коррумпированным авторитарным лидером. ◆

Спецслужбы, исламизм и семья бен Ладенов

В своей рецензии мы представляем две известные работы американского аналитика, дважды лауреата Пулитцеровской премии по журналистике Стива Колла (S. Coll), посвященные двадцатилетней истории исламизма и его тесным отношениям со спецслужбами США, Пакистана и Саудовской Аравии. На фоне поверхностных, псевдосенсационных писаний о современном исламизме книги С. Колла «Войны призраков: тайная история ЦРУ, Афганистана и бен Ладена с советского вторжения до 10 сентября 2001 года» (далее — I) и «Бен Ладены: история семьи и ее состояния» (далее — II) отличаются глубиной, точностью анализа и обилием фактического материала.

Начнем с экскурса в новейшую историю исламизма. 21 ноября 1979 года толпа в Исламабаде напала на посольство США и частично сожгла здание; погибли четыре сотрудника посольства. Беспорядки были спланированы исламистами. Благодаря связям с неформальными исламскими организациями в странах Персидского залива и других местах в 1970-е годы консервативная пакистанская партия «Джамаат-и ислами» вступила в период подъема на волне «ислама нефтедоллара» (Ж. Кепель). Речь идет об обильном вливании средств в прозелитскую деятельность со стороны Саудовской Аравии с момента объявленного ОПЕК в 1973 году нефтяного бойкота. К концу 1970-х годов исламские партии стали набирать силу по всему мусульманскому миру — по мере разочарования молодежи в коррумпированных режимах левых националистов.

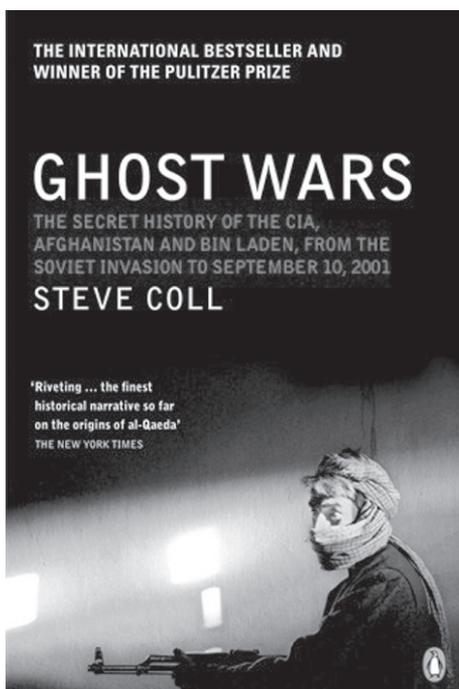
Незадолго до штурма американского посольства Зия-уль-Хак приступил к политике исламизации с целью обрести политический фундамент. Поэтому его реакция на беспорядки была сдержанной: генерал не мог позволить себе выступить против политического союзника. Американцы также не стали заострять внимание на инциденте: «В такой охваченной кризисом и бедной исламской стране, как Пакистан, к тому же находящейся на грани приобретения ядерного оружия, для США всегда,

ФУРСОВ Андрей Ильич — директор Института системно-стратегического анализа, директор Центра русских исследований МосГУ, академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия), кандидат исторических наук.

ФУРСОВ Кирилл Андреевич — старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник Института экономики РАН, кандидат исторических наук.

Ключевые слова: исламизм, терроризм, ЦРУ, МБР, «Талибан», Аль-Каида, бен Ладены.

(I) Coll S. *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001*. N. Y.: Penguin Books, 2004. XX, 712 p.

казалось, существовали более значительные стратегические вопросы, чем смутные и, как считалось, разрешимые угрозы со стороны политической религии» (I. P. 36).

В декабре 1979 года началось советское вторжение в Афганистан. В марте в стране вспыхнуло первое антикоммунистическое восстание (в Герате) — после того, как пришедшие к власти в Кабуле марксисты объявили об обязательном обучении чтению девочек. События развивались по спирали, марксистские лидеры принялись пожирать друг друга, и в Москве сочли за лучшее вмешаться. Однако, как и американцы, русские недооценили иранскую революцию, проглядели распространение вируса исламистской воинственности посредством неформальных подпольных сетей. У Кремля было мало экспертов по исламу, а его союзниками на Ближнем Востоке были светские режимы — такие, как в Сирии и Ираке.

Первые предложения тайно помогать антикоммунистическим повстанцам в Афганистане ЦРУ направило президенту Дж. Картеру еще в марте 1979 года. «Потрясения в Иране сделали США более уязвимыми на Ближнем Востоке. Этим хаосом мог воспользоваться КГБ. Здесь намечалась возможность отвести часть пламенной критики, исходящей от Хомейни, от США, направив ее на Советский Союз. Длительное восстание в Афганистане могло бы сдерживать способность Советов двигаться к нефтяным месторождениям Ближнего Востока. Также оно могло бы досаждать и связать руки афганским и, возможно, советским силам, если те попытаются подавить это восстание» (I. P. 42—43).

Поколебавшись, Белый дом вступил в игру. Это предполагало сотрудничество с Пакистаном и его Межведомственной разведкой (МВР). Правда, в Вашингтоне не считали, что афганские повстанцы способны нанести СССР военное поражение. В секретном приказе, подписанном Картером в декабре 1979 года, целью ЦРУ в Афганистане были названы лишь «беспокоящие действия» (harassment). Тайные операции должны были максимально увеличить цену советской интервенции в Афганистане и отбить у СССР охоту предпринимать вторжения в другие страны «третьего мира».

МВР распределяла американскую помощь среди афганских лидеров неравномерно. Многие из тех, кто пользовался ее расположением, были исламистами, связанными с египетской организацией «Братья-мусульмане», — такими, как Гульб-уд-дин Хекматияр. После 1983 года директор

МВР генерал Ахтар Абд-ур-Рахман стал замораживать помощь традиционным афганским лидерам, связанным со свергнутым Захир-шахом и верхушкой племен. К этому времени тайная программа помощи ЦРУ начала окупаться: на выделяемые конгрессом деньги приобреталось оружие, с помощью которого моджахеда уничтожали советское вооружение и личный состав, содержание которых обходилось в 8—10 раз больше (см. *I. P.* 68).

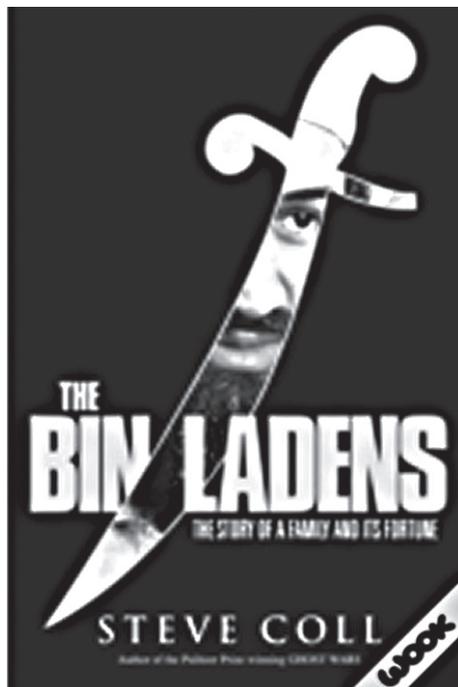
«Как и в случае с Лэнгли, советское вторжение в Афганистан заставило действовать штаб-квартиру саудовского Департамента общей разведки (ДОР) — главной службы внешней разведки пустынного королевства. Глубоко религиозная бедуинская королевская семья Саудовской Аравии смотрела на советский коммунизм как на ересь. Натиск СССР в сторону Персидского залива угрожал нефтяному богатству саудовской элиты. Ведущие саудовские принцы приняли американскую точку зрения на Пакистан как на государство на передовой линии мировой борьбы с целью сдержать советские амбиции» (*I. C.* 72). С середины 1970-х годов ДОР возглавлял сын *малика* (короля) Фейсала интеллигент и интриган принц Турки.

«Турки заключил, что оккупация Афганистана — не самостоятельная цель СССР, а шаг к увеличению его мощи в регионе руками подставных коммунистических партий и левых движений. Пакистан, по мысли Турки, в географическом плане представлял собой лучший плацдарм, на котором можно было противостоять советским амбициям. Помощь афганским повстанцам по каналам пакистанской армии и разведки также помогла бы укрепить Пакистан в качестве союзника в регионе после его разорительной войны с Индией в 1971 году» (*I. P.* 81).

В июле 1980-го ДОР заключил соглашение с ЦРУ, согласно которому Саудовская Аравия на каждый американский доллар давала свой. В Пешавар зачастил с деньгами помощник Турки — Ахмад Бадиб. Ранее он преподавал в Университете им. малика Абд-уль-Азиза в Джидде, а одним из его студентов был Усама бен Ладен. История семьи бен Ладенов изложена ниже, но стоит сразу отметить, что отцы Турки и Усамы были друзьями, деловыми партнерами и политическими союзниками.

Для финансирования афганского джихада саудовская разведка использовала религиозные благотворительные организации. Те строили вдоль афганской границы сотни медресе. «Выражаясь шпионским языком, каждая из основных разведок, работавших в пользу афганского джихада, —

(II) Coll S. *The Bin Ladens: The Story of a Family and Its Fortune*. L. etc.: Allen Lane, 2008. XVI, 671 p.

ДОР, МВР и ЦРУ — начала “компаратментализацию” своей деятельности, хотя все три сотрудничали друг с другом по официальным каналам. Работая вместе, они закупали и переправляли афганским повстанцам десятки тысяч тонн оружия и боеприпасов. Действуя отдельно, они шпионили друг за другом и преследовали собственные политические цели... Саудовцы настаивали, чтобы в Пакистане не было взаимодействия между ЦРУ и ДОР. Все такие контакты должны были иметь место в Эр-Рияде или Лэнгли. ДОР старался держать втайне субсидии, которые он платил МВР за рамки программы по закупке вооружений. Сотрудники ЦРУ, в свою очередь, старались не раскрывать своих прямых контактов с афганскими командирами — такими, как Абд-уль-Хак» (I. P. 86—87).

Бен Ладен действовал внутри сферы саудовской разведки, вне поля зрения ЦРУ. Во всяком случае в архивах ЦРУ нет данных о прямых контактах с бен Ладеном. Годы спустя Турки и другие сотрудники саудовской разведки отрицали, что Усама был их профессиональным агентом. Тем не менее очевидно, что он поддерживал тесные связи с саудовской разведкой. По мнению некоторых сотрудников ЦРУ, бен Ладен осуществлял полуофициальную связь между ДОР, международными исламистскими сетями и афганскими командирами, пользующимися саудовской поддержкой. Он перевозил в Пакистан деньги и проводил встречи исламистов.

В январе 1984 года директор ЦРУ Уильям Кейси доложил Р. Рейгану об успехах в Афганистане. К этому времени моджахеды убили или ранили около 17 тысяч советских солдат, контролировали 62 процента сельской местности и вынудили СССР учетверить афганский контингент. Война принесла советскому правительству прямых расходов на 12 миллиардов долларов. Американским налогоплательщикам это обошлось всего в 200 миллионов долларов (плюс столько же от ДОР) (см. I. P. 89).

Победа Рейгана на выборах привела к власти в Вашингтоне команду консерваторов, которые были полны решимости бросить вызов советскому влиянию по всему миру (программа «Звездные войны», развертывание ракет «Першинг» в Европе). Эти люди говорили об СССР с применением религиозной лексики добра и зла. Они были готовы вести тайные действия повсюду, где это могло навредить Советскому Союзу (поддержка движения «Солидарность» в Польше, помощь оружием повстанцам в Центральной Америке и Африке).

Видя, что подрывная деятельность в Афганистане налаживается, конгресс потребовал более активной роли Пентагона. В 1985 году он выделил на афганскую программу 250 миллионов долларов — примерно столько же, сколько за все предыдущие годы вместе взятые (см. I. P. 102). В ЦРУ поняли, что им по силам выдавить СССР из Афганистана. Кейси даже хотел перенести афганский джихад в Среднюю Азию. Правда, в Лэнгли и госдепартаменте решили, что партизанские вылазки на советскую территорию слишком рискованны.

Принятая в 1985 году политика США предполагала поставки в Афганистан военных технологий, обучение партизан взрывному делу и убийства советских офицеров для деморализации командования. «Одним из следствий было то, что эти изменения подтолкнули ЦРУ вместе

с его клиентами в афганском сопротивлении и пакистанской разведке ближе к серым зонам политических убийств и терроризма» (*I. P. 126*).

Тем временем с 1985 года начался подъем антиамериканского терроризма на Ближнем Востоке. Террористам удалось добиться желаемого: американцы отменяли планы поездок и требовали от правительства действий. Ответом США стало учреждение Контртеррористического центра ЦРУ. В 1985—1986 годах наиболее заметные теракты в мире были осуществлены светскими левыми группами, многие из которых выступали с националистических позиций (палестинские террористы, Ирландская республиканская армия, баски). На них Контртеррористический центр и сосредоточился, тем более что Кейси считал их тесно связанными с СССР.

Между тем директор Афганского бюро МВР генерал М. Юсуф создал в Пакистане вдоль афганской границы инфраструктуру обучения партизан. Ежегодно через его лагеря проходило 16—18 тысяч добровольцев (*см. I. P. 144*). Обучение он наладил и в самом Афганистане. Эта сеть, которую спустя десять лет в США будут клеймить как «террористическую инфраструктуру», все теснее переплеталась с международными сетями исламистов, у которых была амбициозная цель — свержение коррумпированных и антирелигиозных правительств по всему исламскому миру.

Наиболее известным арабским исламистом в Пешаваре был активист «Братьев-мусульман» палестинец Абдулла Азам. В 1970-е годы он стал доктором исламского права в Каирском университете аль-Азхар. Азам оказывал сильное влияние на бен Ладена и помогал ему набирать добровольцев. В 1986 году эти двое открыли офис в Таксоне (штат Аризона). Азам увлек Усаму концепцией международного джихада. Он призывал рассматривать конфликт Палестины с Израилем как часть более широкой войны, которую ведут неверные против мусульман.

В апреле 1987 года советские войска перешли в наступление на востоке Афганистана, и бен Ладен даже участвовал в бою. Он позволил египетскому режиссеру Исаму Диразу снять материал о создаваемом им движении. Тот содействовал формированию легенды Усамы: богат, живущий жизнью бедняка, социально привилегированный человек, готовый пожертвовать всем ради религии. К концу 1987-го сеть сбора средств и вербовки включала офисы в США, Египте, Саудовской Аравии и других странах. «Усама одаривал своими деньгами и расположением частично Азама, а частично соперничавшую с ним группу египтян (во главе с Айманом аз-Завахири. — *A. Ф., К. Ф.*) в Пешаваре. Благодаря этому характерному методу услужливого бедуинского лидерства он постепенно навязал некрепкой многонациональной коалиции арабских добровольцев свое необъявленное руководство» (*II. P. 305*).

В условиях окончания Холодной войны будущее Центральной Азии не было в списке американских приоритетов. ЦРУ было готово дать пакистанской разведке полную свободу рук, даже если бы это означало утверждение в Кабуле ее клиента Хекматияра. 14 апреля 1988 года были подписаны Женевские соглашения об условиях советского ухода из Афганистана. Дипломаты Рейгана разработали формулу «положительной

симметрии»: она позволяла ЦРУ продолжать поставлять оружие и средства моджахедам, пока Москва помогает правительству Наджибуллы.

17 августа того же года Зия-уль-Хак разбился на самолете. «Погиб и архитектор современной пакистанской разведки генерал Ахтар. Однако Зия и Ахтар оставили обширное и живучее наследство. В 1971 году во всем Пакистане насчитывалось только 900 медресе. К лету 1988 года официальных религиозных школ было около 8 тысяч, а незарегистрированных — 25 тысяч; многие из них гнездились вдоль пакистано-афганской границы и спонсировались богатыми покровителями из Саудовской Аравии и других государств Персидского залива. Когда Ахтар принял МВР почти за 10 лет до этого, то была небольшая и деморализованная структура пакистанской армии... менее через 10 лет после советского вторжения в Афганистан МВР благодаря субсидиям ЦРУ и Саудовской Аравии превратилась в самый могущественный институт Пакистана» (I. P. 80).

Светски настроенные афганцы из числа племенных вождей в изгнании и торговых слоев предупреждали американцев и саудовцев, что, поддерживая исламистов, те финансируют собственных убийц. В октябре 1988 года о том же в секретном отчете заявил сотрудник ЦРУ Э. Макуильямс, предостерегая против дальнейшей помощи Хекматияру. Однако официальные круги не хотели его слушать. Между тем в лагерях боевиков и кругах джихадистов в Пешаваре нарастало брожение. Наиболее радикальные арабы стояли за расширение понятия «неверный» и зоны джихада. Азам пытался противодействовать этой тенденции, придерживаясь эволюционного подхода «Братьев-мусульман», но 24 ноября 1989 года погиб при взрыве автомобиля.

С выводом советских войск Афганистан стал для американцев трехстепенным вопросом внешней политики. Все «детализированные разведданные о международном исламском радикализме и его убежище в Афганистане пылились на средних уровнях бюрократии. Война в Заливе, воссоединение Германии, агония Советского Союза — эти масштабные, всеобъемлющие кризисы продолжали притягивать основное внимание администрации Буша» (I. P. 228).

Прибытие сотен тысяч американских солдат в Саудовскую Аравию во время войны в Заливе разрушило миф о независимости страны и породило споры о саудовской идентичности. В мае 1991 года подпольная сеть проповедников подала малику Фахду петицию, в которой призывы к квазидемократическим реформам сочетались с исламистскими идеями. Эти события заставили ЦРУ и госдепартамент начать переговоры с Саудами относительно опасности исламского радикализма. ЦРУ впервые увидело, что прошедшие подготовку в Афганистане арабские джихадисты представляют угрозу в самой Саудовской Аравии. В 1991 году бен Ладен покинул родину (об этом — ниже).

К 1992 году режим Наджибуллы лишился советской помощи, и Масуд в союзе с узбекским лидером А. Дустумом вошел в Кабул, выбив Хекматияра из пригородов. Однако гражданская война продолжалась. К 1992 году на руках афганского населения было больше оружия, чем в Индии и Пакистане вместе взятых. На тот момент полмиллиона жителей Кабу-

ла пользовались продовольственными карточками (см. *I. P.* 238). В том же году президентом США стал У. Клинтон. Он был озабочен государствами—спонсорами терроризма (Ирак, Иран) и шиитскими группировками, которые убили десятки американцев в 1980-е годы. В первые годы своего президентства Клинтон вообще не знал о бен Ладене, а его отношения с ЦРУ отличались дистанцированностью, взаимной плохой информированностью и странной беззаботностью.

Между тем вызревавшие в Афганистане исламистские ячейки расплозились по миру. В 1993 году два молодых выходца из Пакистана Мир Каси и Рамзи Юсуф совершили теракты в США — стрельбу на автостоянке перед входом в здание ЦРУ и взрыв во Всемирном торговом центре. Выяснилось, что за терактами не стоит никакое правительство, а террористы связаны с международными сетями джихада в Пешаваре и на Ближнем Востоке, хотя масштабы и значение этих связей оставались непонятны. Однако даже после идентификации нового врага ЦРУ перестраивалось медленно. Отчасти причина крылась в том, что новые исламисты получали средства и оружие не от Ирана, а от Саудовской Аравии. У ЦРУ и Белого дома не было охоты поднимать вопрос о роли саудовских проповедников, финансистов и ведомств. Саудовская Аравия оставалась для США ключевым партнером по безопасности и поставщиком нефти.

Американцы заключили, что терроризм спонсирует правительство Судана, и наложили на него экономические санкции. В 1989 году власть в стране взяла партия «Национальный исламский фронт». Именно в Судане нашел приют бен Ладен. И все же он еще был более финансистом, чем главой террористической сети (на чем мы специально остановимся ниже). Что касается ЦРУ, то оно по-прежнему сосредоточивало внимание на угрозах со стороны Ирана и шиитов. Американские арабисты десятилетиями изучали Ближний Восток через «очки Холодной войны»; их взгляды определялись тесным контактом со светскими элитами арабских стран. Тем не менее к середине 1995 года впервые стала вырисовываться мировая террористическая сеть.

В Афганистане же в 1994 году появилась новая исламистская сила — движение «Талибан». Его подъему способствовала премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто, которая собиралась наладить через Афганистан торговлю с бывшей советской Средней Азией. В Туркменистане, Казахстане, Узбекистане и Азербайджане находится 50—100 миллиардов баррелей нефти и 250 триллионов кубических футов газа (см. *I. P.* 304—305). Для налаживания торговли требовалось объединить Афганистан под властью одной силы. Пакистан разрекламировал талибов саудовцам. В эти годы американских экономических санкций финансовая помощь и поставки нефти по сниженным ценам из Саудовской Аравии материально поддерживали армию и разведку Пакистана. Эта помощь в иные годы достигала нескольких сот миллионов долларов (см. *I. P.* 296). Она способствовала не только росту «Талибана», но и укреплению самой МВР как «теневого» правительства Пакистана. Бхутто рекламировала «Талибан» и американцам как силу, способную стабилизировать Афганистан. К концу 1995 года регионом заинтересовались энергетические

компании США, прежде всего Unocal, которая тоже стала лоббировать интересы талибов в Белом доме.

В 1996 году бен Ладен был вынужден переехать из Судана в Афганистан. В сентябре того же года талибы наконец взяли Кабул, причем содействовал этому, возможно, бен Ладен, передав им 3 миллиона долларов на подкуп командиров, закрывавших путь на столицу (см. *I. P. 332*). Масуд окопался в родной долине Панджшер и открыл переговоры с Россией и Ираном о поставках оружия. Важным источником средств для него стала Индия, видевшая в нем противовес пропакистанской силе в Афганистане. В мае 1997-го министерство иностранных дел Пакистана по указке МВР официально признало «Талибан» правительством Афганистана (премьер-министр Наваз Шариф узнал об этом из теленовостей). За Пакистаном последовали Саудовская Аравия и ОАЭ.

Саудовские власти тревожило то, что Усама продолжает использовать средства и мировые каналы цифровых технологий для связи с исламистскими диссидентами. Спецслужба принца Турки арестовала людей Усамы, которые контрабандой ввезли в страну ракеты «земля — воздух». Тот продолжал давать телеинтервью с угрозами династии. В июне 1998-го Турки прилетел в Кандагар. Принц надеялся убедить лидера «Талибана» муллу Умара, что движение выиграет, если порвет с бен Ладеном. Однако в Контртеррористическом центре ЦРУ сомневались, что визит был искренней попыткой нейтрализовать бен Ладена. По информации из Пакистана, Турки обсуждал с талибами и военную стратегию против Северного альянса.

7 августа 1998 года раздались взрывы у посольств США в Найроби и Дар-эс-Саламе. Клинтон назвал сведения ЦРУ первым убедительным свидетельством того, что бен Ладен лично ответственен за гибель американцев. 20 августа американцы выпустили 75 ракет «Томагавк» по лагерному комплексу «Заухар Кили» в афганской провинции Хост. Погиб по крайней мере 21 джихадист-доброволец из Пакистана (см. *I. P. 411*). Бывший директор МВР Хамид Гул позднее признался, что предупредил талибов об американской атаке. Ракетные удары лишь повысили репутацию бен Ладена в исламском мире: сверхдержава целилась в него и промахнулась.

На военные действия Клинтон не решался.

«Став директором в Лэнгли, Тэнет предостерегал против использования программ тайных действий ЦРУ как инструмента—заменителя провалившейся явной политики. Однако он также отметил, что американские президенты вновь и вновь обращались к ЦРУ с просьбой тайно решать проблемы внешней политики. Как Кеннеди за несколько десятилетий до этого хотел, чтобы ЦРУ решило для него проблему Фиделя Кастро с помощью серебряной пули, так Клинтон теперь нуждался в ЦРУ в борьбе с бен Ладеном. Однако США не были готовы ответить на серьезный внешнеполитический вызов ценой участия в масштабной региональной войне Афганистана, где ключевой фигурой теперь выступал бен Ладен. Помимо многих других осложнений, эта война потребовала бы принять сторону антиталибских сил и вступить в конфронтацию со сторонниками “Талибана” в пакистанской разведке» (*I. P. 413—414*).

Между тем в Кандагар прибыли четыре молодых араба-моджахеда — выходцы из среднего класса. Путь их радикализации повторял тот, по которому в начале 1990-х шли Юсуф и Каси: это были хорошо образованные люди из амбициозных и состоятельных семей, учившиеся в Европе. Местом их идейного перерождения стала мечеть аль-Кудс в Гамбурге. Бен Ладен и его окружение уже подумывали использовать для атаки на США самолеты. План составил дядя Юсуфа Халид Шейх Мухаммад, знавший бен Ладена по антисоветскому джихаду в Афганистане. Усама дал двух пилотов-саудовцев — ветеранов джихада в Боснии и двух добровольцев из Йемена. Мухаммад обучил членов группы, как жить и передвигаться в США, пользоваться Интернетом, заказывать авиабилеты. Военный руководитель «Аль-Каиды» Мухаммад Атаф отправил троих приехавших из Гамбурга обратно — учиться на пилотов.

Американцам было по-прежнему неясно, следует ли идти с «Талибаном» на конфронтацию или на сотрудничество. «Во многих отношениях это была та же политическая близорукость, которая сформировала американскую политику в Афганистане в 1988—1992 годах, при двух администрациях республиканцев.

Начиная с сентября 1999 года ЦРУ получало много сведений о том, что в конце года Усама планирует до 15 терактов. В декабре полиция Иордании изъяла 71 контейнер с азотной и серной кислотой. Арестованные исламисты сознались, что выбрали мишенью гостиницу «Рэдиссон», в которой на Новый год должно было остановиться много американских и израильских туристов. В Канаде задержали алжирца Ахмада Рисама, пытавшегося провезти взрывчатку для теракта в аэропорту Лос-Анджелеса.

После переворота генерала П. Мушаррафа в Пакистане директором МВР стал его сторонник Махмуд Ахмад. Он вызвался выдать ЦРУ двух арабских боевиков, а Мушарраф объявил, что подумывает о поездке в Кандагар, чтобы убедить Умара выдать бен Ладена. Однако «это не было отходом от пакистанской стратегии джихада. Пакистанская армия давно усвоила, что может легко набирать очки у американцев, особенно у ЦРУ и ФБР, обрушиваясь на относительно немногочисленные группы террористов «Аль-Каиды», которые не имели значения в политике Пакистана в Кашмире или Афганистане» (I. P. 511).

Американцам было по-прежнему неясно, следует ли идти с «Талибаном» на конфронтацию или на сотрудничество. «Во многих отношениях это была та же политическая близорукость, которая сформировала американскую политику в Афганистане в 1988—1992 годах... Тогда, как

и в 2000 году, США отказались присоединиться к возникшему хрупкому союзу между Масудом и пуштунами-центристами. Результатом этого отказа в обоих случаях была уступка территории экстремистским клиентам Пакистана — сначала Хекматияру, позднее “Талибану”» (I. P. 521).

В президентской гонке 2000 года терроризм почти не фигурировал. Правда, приходясь сыном бывшему директору ЦРУ, Джордж Буш-мл., в отличие от Клинтона, придавал этому ведомству немалое значение. И все же в первые сто дней в Белом доме К. Райс, Р. Чейни, Д. Рамсфелд и П. Вулфовиц сосредоточили внимание на противоракетной обороне, военной реформе, Китае и Ираке.

В начале 2001 года Тэнет впервые объявил террористическую угрозу со стороны бен Ладена первым приоритетом в списке угроз национальной безопасности США. В апреле Масуд встретился в Париже с сотрудником ЦРУ Г. Шроэном и предупредил о скорых ударах террористов по США и Европе в случае отсутствия помощи врагам талибов. В мае — июле Агентство национальной безопасности США зафиксировало не менее 33 перехватов информации о возможной атаке «Аль-Каиды» (см. I. P. 566). Тем не менее все 19 участников терактов 11 сентября к середине июля спокойно въехали в США. Халид Шейх Мухаммад координировал их действия из Пакистана, поторапливаемый бен Ладеном. Деньги террористы получили от контактов «Аль-Каиды» в ОАЭ.

«После 1979 года Афганистан был лабораторией осуществления политических и военных сценариев, разработанных за рубежом и навязанных силой. Язык и идеи, описывавшие афганские партии, армии и ополчения, был рожден теоретиками в университетах и семинариях Европы, США, Каира и Деобанда. Афганцы воевали как “коммунисты” или “борцы за свободу”. Они вступали в армии джихадистов, сражаясь за воображаемую мировую исламскую *умму*. Будучи молодой, слабой нацией, Афганистан дал мало убедительных националистов, которые могли предложить альтернативу, определить будущее Афганистана изнутри. Ахмад Шах Масуд был исключением» (I. P. 576). Вместо того чтобы сотрудничать с ним, США потакали своим союзникам — Пакистану и Саудовской Аравии. В конце этой дороги лежал сентябрь 2001 года.

«В 1990-е годы американскую внешнюю политику в Афганистане и Южной Азии слишком часто определяли безразличие, апатия, слепота, паралич и торговая алчность. Кроме Масуда наиболее естественным американским союзником против “Аль-Каиды” в регионе была Индия, демократии и гражданскому населению которой тоже угрожало насилие со стороны радикальных исламистов. Однако, в то время как американское правительство постепенно пыталось углубить связи с Нью-Дели, ему не хватало креативности, знания местных условий, терпения и настойчивости, чтобы успешно справиться с индийским колючим национализмом и сложной демократической политикой...

Не было у США и стратегии сотрудничества, демократизации, светского образования и экономического развития, которую они могли бы осуществлять в отношении мирного, но деморализованного большинства населения исламского мира. Вместо этого Вашингтон привычно нянчился

с недемократическими и коррумпированными правительствами мусульманских стран, даже когда средние слои этих стран с их несбывшимися надеждами все больше обращались за социальными ценностями и политическими идеями к консервативным толкованиям ислама. Так Америка... сама облегчила работу вербовщикам «Аль-Каиды»» (I. P. 577—578).

В начале сентября 2001 года два якобы марокканских журналиста с бельгийскими паспортами приехали взять интервью у Масуда. На деле это были агенты «Аль-Каиды»; и 9 сентября они убили Масуда. 10 сентября Буш и его кабинет решили отправить к Умару посланника с ультиматумом: выдать бен Ладена или готовиться к серьезным последствиям. Лишь в случае провала ограниченной тайной войны администрация США собиралась оказать афганской оппозиции серьезную помощь. Предполагалось, что осуществление проекта займет около трех лет.

«Необычная история подъема семьи бен Ладенов в XX веке захватывающая даже там, где не касается Усамы вовсе. Для многих бен Ладенов его поколения семейные связи оказались изменчивыми и прежде всего сложными. История их семьи — это история модернизации и власти в Саудовской Аравии, молодой и небезопасной стране, где семья — намного более важная единица в политической жизни, чем что-либо другое» (II. P. 13). В среде предпринимателей Саудовской Аравии бен Ладены не были самой значительной семьей, но десятилетиями ковали уникальные партнерские отношения с правящей династией в качестве официальных подрядчиков по ремонту священных исламских городов Мекки и Медины.

* * *

На рубеже XIX—XX веков дед Усамы Авад бен Ладен из племени кенда в области Хадрамаут в Йемене, спасаясь от кредитора, переехал из родной деревни в ущелье Ракийя в соседнее ущелье Дуан. Он умер молодым, оставив двоих сыновей — Мухаммада (род. ок. 1908 года) и Абдуллу. Многие *хадрами* уезжали на длительные заработки за границу; так поступили и братья бен Ладены. Мухаммад нашел работу в Эфиопии, потерял там глаз, вернулся и вместе с Абдуллой уехал (еще подростком) в Джидду. Он работал носильщиком, затем открыл закусную, стал присматриваться к строительной отрасли и в 1931 году основал небольшую компанию. Вскоре Аравийский полуостров начали затрагивать глубокие политические и экономические изменения, в центре которых стояли нефть и малик Абдуль-Азиз ибн Сауд, который в 1932 году завершил объединение Аравии.

Американская компания Standard Oil Company of California стала платить малику субсидию в обмен на разрешение разрабатывать месторождения. Консорциум «Арамко» начал нефтедобычу в Дахране. Туда и приехал Мухаммад, найдя работу строителя, а скоро — и бригадира строителей. Съездив в Эр-Рияд, он предложил свои услуги подрядчика Абдуль-Азизу. Дела Мухаммада пошли в гору. После Второй мировой войны нефтяной экспорт Саудовской Аравии взлетел с 30 тысяч баррелей в день до 476 тысяч в 1949 году (см. II. P. 42). Позднее Мухаммад с братом вернулись в Джидду по призыву финансового советника малика Абдуллы — Сулеймана, который пригласил его строить новый монарший дворец.

Число и масштабы инфраструктурных контрактов Мухаммада росли. Он обзаводился женами и детьми, заключая выгодные для бизнеса браки и укрепляя связи с правящей династией. «С помощью этих связей бен Ладен приспособился к системе подрядов, которые американские и британские дипломаты в королевстве называли взяточничеством, но которые саудовцы, получавшие от них выгоду, рассматривали как совершенно нормальный вид предпринимательства в стране, где вся земля, все природные богатства и вся власть распоряжаться ими принадлежали королевской семье» (II. P. 47). В 1950 году малик, желавший иметь собственного подрядчика (которого предпочитал иностранцам), назначил Мухаммада генеральным директором работ по ремонту священных городов ислама.

Мухаммад сохранил позиции и при преемниках Абд-уль-Азиза — маликах Сауде (1953—1964) и Фейсале (1964—1975). «Бен Ладен и Фейсал нуждались друг в друге. В королевстве были и другие купеческие семьи, которые накапливали опыт в строительстве и легкой промышленности, но, если наследник престола хотел дать убедительный старт программе национального развития, он нуждался в накопленном бен Ладеном большом количестве строительного оборудования, его армии полуквалифицированных и неквалифицированных работников и неукротимой привычке говорить: “Да, Ваше Величество, это можно сделать”» (II. P. 78).

В 1958 году сирийская жена Алия родила Мухаммаду сына Усаму. Она (как многие другие жены) быстро получила развод, но Усама вместе со сводными братьями считался полноправным наследником отца. Всем им Мухаммад дал хорошее образование. К середине 1960-х годов у него было более 20 сыновей, которые жили вместе с матерями на пространстве от Каира до Джидды.

В 1967 году Мухаммад разбился на личном самолете. Его гибель вызвала опасения, что бизнес-империя бен Ладенов рухнет, но этого не случилось. Наследники согласно исламскому праву получили фиксированный процент акций в семейной компании. По разным оценкам, состояние Мухаммада равнялось 100—150 миллионам долларов (см. II. P. 127). Старший сын Салим, получивший образование в Лондоне, вместе с шестью родными братьями учредил фирму «Братья бен Ладены» и доказал, что способен управлять масштабными проектами. В 1970-е годы он утвердился как новый глава семьи: раздавал денежные пособия, принимал решения о месте обучения младших братьев, организовывал семейные встречи. Жизнь семьи проходила в Джидде, Ливане и Европе. Многие сыновья Мухаммада учились в элитной средней школе «Брумманна» под Бейрутом и вели вестернизированную жизнь.

Жизнь Усамы уже к началу 1970-х годов пошла по другому пути. Дав его матери развод, Мухаммад организовал ее брак с администратором среднего уровня из своей компании. Родственники в Латакии помнят Усаму как спокойного и тихого мальчика, который мало общался с двоюродными братьями, хотя любил плавать, охотиться и ездить верхом. Отец для него, как для многих других сыновей, был далекой, но вдохновлявшей фигурой. Усама усвоил идею, что отец не сидит за столом, лишь

отдавая распоряжения, а сам работает в пустыне рядом со своими этнически разнородными работниками. Это станет стилем лидерства Усама. В 1968 году он поступил в элитную частную школу «ат-Тагр» в Джидде, где нашел наставника-исламиста из Сирии.

После гибели Фейсала от рук племянника Салим быстро наладил отношения с принцем Фахдом, который стал реальным правителем при не интересовавшемся государственными делами малике Халиде (1975—1982). «Подобно менеджеру по продажам, Салим поручил каждого старшего саудовского принца одному из своих родных или сводных братьев; задачей каждого бен Ладена было культивировать личные отношения со “своим” принцем и добиваться контрактов» (II. P. 167).

Во время нефтяного бума 1970-х годов бен Ладенам уже понадобился выразитель интересов в Европе и США. Салим выполнял эту роль превосходно: бегло говорил по-английски, был энергичен, мобилен и чувствовал себя как дома и в Джидде, и в Лондоне. Младшие родные и сводные братья безоговорочно признавали его авторитет. В 1979 году у «Братьев бен Ладенов» было более дюжины партнерств или компаний, организованных совместно с иностранными фирмами, включая крупные строительные компании. К концу 1970-х Салим стал председателем основанной отцом компании и забрал власть у совета опекунов. «Организация Мухаммада бен Ладена» по-прежнему получала значительную часть дохода от инфраструктурных и оборонных проектов. После окончания братьями и сестрами средних школ в Ливане, Египте и Джидде Салим поощрял многих поступать в американские колледжи.

Усама не поехал на чреватый искушениями Запад, а поступил в 1976 году в Университет им. малика Абд-уль-Азиза в Джидде, где учился менеджменту. Одновременно он продолжал изучать ислам. «Усама представлял собой для многочисленной семьи бен Ладенов такой пробный камень религиозности. Его семья — некоторые со скептической терпимостью, иные с явным восхищением — смотрела на него как на выдающегося своими убеждениями молодого проповедника и предстоятеля на молитве. Как европейские знатные семьи прошлого считали естественным, чтобы один или два их сына становились священниками, в то время как другие делались армейскими офицерами или придворными советниками, так бен Ладены не считали чем-то из ряда вон выходящим, чтобы некоторые из их сыновей и дочерей ответили на призыв ислама» (II. P. 202).

Ранние контакты Усама с «Братьями-мусульманами» означали, что с самого начала его понимание ислама было искажено идеями политического протеста. И все же нет свидетельств того, что до 1979 года он был особо политизирован. В 17 лет Усама женился на 14-летней двоюродной сестре Наджве, от которой родился сын Абдулла. По окончании университета он был назначен менеджером своей компании в Мекке. Когда в 1979-м исламские террористы захватили Большую мечеть в Мекке, Усама еще не был готов поддержать их. Он еще пытался иметь все сразу: деньги, жен, детей, престижную работу и религиозность.

Вторжение СССР в Афганистан Сауды и администрация Картера ошибочно восприняли как начало его продвижения к нефтяным месторож-

дениям Персидского залива. Однако сотрудничество США и Саудовской Аравии в Афганистане не должно было быть слишком явным, так как Фахд рисковал прогневить своих исламистов. Здесь и понадобились бен Ладены. У Салима были свои связи с афганской границей, и уже в ноябре 1980 года он полетел в Карачи. Тогда же совершил первую поездку в Пакистан и Усама.

В 1984-м Усама впервые посетил Афганистан. В том же году компания бен Ладенов предоставила инженерный персонал для ведения афганской войны. Одному сирийскому журналисту Усама признался в чувстве вины за то, что так долго избегал бывать на передовой. Многие годы он будет повторять эту идею и в то же время ухитряться избегать мученичества. Его добровольческая деятельность в Пешаваре оставалась неразрывно связанной с его семьей и ее бизнес-стратегией.

Сводный брат Салима — Яслам, окончив Университет Южной Калифорнии, вернулся в Джидду, куда привез компьютеры и где открыл первую в Саудовской Аравии акционерную биржу. В начале 1980-х он стал лидером семьи в торговле акциями, инвестициях в недвижимость и использовании оффшорных компаний на Карибах, в Центральной Америке и Европе. К концу 1983 года SICO держала акций более чем на 10 миллионов долларов, а ее годовой оборот достигал почти 200 миллионов (см. II. P. 269). Развивал Яслам и контакты с инвестиционными банками Уолл-стрит.

«К середине 1980-х годов 24 брата бен Ладена, которые владели акциями в главной семейной компании, напоминали блок законодателей из одной политической партии: их объединяли профессиональные интересы, и они часто действовали с одной целью, но принадлежали к двум четко очерченным крыльям — либеральному и консервативному. Слева находились бесспорный лидер семьи Салим, а также Яслам и несколько других братьев, которые предпочитали ездить в Европу и Бейрут. Усама и Махруз были представителями ревностного, активного религиозного крыла семьи. Между ними, ведя более традиционную, умеренную арабскую жизнь, стояли четыре делающих карьеру брата с образованием гражданских инженеров — Бакр, Галиб, Умар и Яхья» (II. P. 275).

В 1986 году Усама окончательно сделал выбор в пользу исламистской деятельности и переехал с семьей в Пешавар. Салим по его просьбе устроил покупку в Южной Америке базук и боеприпасов для АК-47 китайского производства. Усама соорудил в Афганистане тренировочный лагерь, где к концу года обучались около 50 боевиков (см. II. P. 291). Члены семьи отправляли Усаме строительное оборудование. Офис бен Ладенов в Каире при поддержке саудовского МВД добивался виз для египетских исламистов, ехавших в Афганистан. Компании бен Ладенов заключили контракты на строительство в Пешаваре больниц и других объектов для исламских благотворительных организаций.

Лишь однажды Усама написал о роли США в афганской войне положительно; большинство его комментариев акцентировали двуличие американцев. Тем не менее тыловая работа Усамы вдоль пакистанской границы пересекалась с программами и потоками средств ЦРУ.

Семья продолжала бизнес в стране и за рубежом, в частности в Техасе. Связи партнера Салима — Дж. Бата с семьей Бушей и другими ведущими фигурами Республиканской партии в этом штате рождают вопросы о масштабе отношений Салима с этими политиками. Салим — через Бата, саудовского банкира Халида бен Махфуза и саудовское правительство — мог считать себя *ex officio* членом нефтяного и политического истеблишмента Хьюстона.

В 1988 году Салим разбился на небольшом самолете в США. Новым главой семьи стал его родной брат Бакр, чему способствовали его центральная роль в подрядах в Мекке и Медине и профессиональная квалификация.

Женевские соглашения о выводе советского контингента из Афганистана отчасти лишили Усаму смысла существования — война превращалась из праведного восстания в трясину гражданского конфликта. В августе 1988 года в Пешаваре на встречах исламистов родилась «Аль-Каида» (*араб.* «база»). «Неопределенность, присутствовавшая при рождении “Аль-Каиды”, — ощущение того, что она является организацией, но что ее границы размыты и переходят в более широкое движение, — будет сохраняться годами, поскольку она была основополагающей для мировоззрения самого Усама. По его замыслу, “Аль-Каида” была всего лишь побочным средством подстрекать и организовывать умму — сообщество исламских верующих... В последующие годы Усама сделал три незаменимых вклада в “Аль-Каиду”. Все они вытекали из его опыта как члена семьи бен Ладенов: акцент на разнообразии и включении всех, уверенность в денежных и административных делах и тяга к технологиям глобальной интеграции. Возможно, эти сильные стороны Усама, позаимствованные у семьи, стали для потенциала “Аль-Каиды” важнее, чем лежавшая в ее основе исламская идеология, которую разделяли все воинствующие группировки.

Амбиции, энергичность, природный талант и дар управлять людьми сделали Мухаммада бен Ладена богатым. Будучи перетолкованы Салимом, эти черты стали характерными для светской жизни с ее исключительной креативностью и финансовым успехом. Будучи вновь перетолкованы Усамой сквозь призму исламского радикализма, они вскоре вновь доказали свою способность к воздействию» (*II. P. 338*).

В 1989 году, незадолго до гибели Азама, Усама с семьей вернулся на родину. Он продолжал медиа-проекты, воображал себя автором сценария и продюсером джихада. После прихода Бакра Усама забрал 8 миллионов долларов наличными и стал акционером новых партнерств, в том числе «Компании Мухаммада бен Ладена» и Saudi Bin Laden Group (SBG). Расследование комиссии 11 сентября показало, что между 1970 и 1994 годами Усама всего в виде зарплаты и дивидендов получил около 24 миллионов долларов (*см. II. P. 351*).

Когда американцы в 1990 году высадились в Саудовской Аравии, чтобы воевать с Ираком, Усама был среди тех, кто возмущился прибытием немусульманских войск на землю ислама. Он еще был лоялен Саудам и предложил им услуги своих боевиков. Однако его настойчивые призывы не пола-

гаться на США и продолжение им подрывной исламистской деятельности в Йемене привели к охлаждению отношений с династией. 1 мая 1991 года Усама покинул родину как человек, не находящий себе применения.

Демонстрируя упорство, но не имея четкого плана действий, он переехал в Хартум. Влияние исламистов в правительстве Судана и бедность страны позволяли ему развернуться здесь как спонсору международной партизанской войны и предпринимателю (как сделали другие полунезависимые братья за рубежом — Яслам в Швейцарии и Халид в Египте). Семья просила Усаму вернуться, но тщетно. В Судане он купил подержанный американский самолет и оплачивал содержание нескольких сот арабских моджахедов и работников на ферме, специализировавшейся на выращивании подсолнечника.

В 1993 году, после взрыва у Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, журналисты стали писать о предполагаемой финансовой помощи Усамы международным боевикам. Для саудовской правящей семьи это внимание впервые превратило Усаму из внутренней проблемы во внешнеполитическую. В мае того же года исламисты образовали в Эр-Рияде группу с целью добиваться реформ политической системы. Правительство ответило репрессиями, и мишенью стал в том числе Усама. Бакр, вероятно, под давлением правительства инициировал лишение брата акций семейных компаний. В феврале 1994-го семья впервые публично осудила Усаму в СМИ, а в апреле министерство внутренних дел лишило его подданства. Усама присоединился к оппозиции саудовскому режиму, ведя себя как человек, которому нечего терять.

К 1994 году Усама тайно разослал группы боевиков, контрабандистов оружия и организаторов джихада в Сомали, Кению, Йемен, Боснию, Египет, Ливию и Таджикистан. Его главным помощником в борьбе с саудовским режимом был уроженец Кувейта Халид аль-Фавваз, торговавший автомобилями в Найроби. В июле 1994-го по инициативе Усамы в Лондоне был учрежден Комитет за совет и реформу, который стоял за искоренение всех видов неисламского правления. Усама писал в Хартуме длинные эссе, которые аль-Фавваз распространял из Лондона по факсу.

Суданский опыт Усамы как бизнесмена был схож с опытом его сводного брата Халила в Лос-Анджелесе: грандиозные схемы не удались. Наставники использовали его в своих целях, а работники растратили десятки тысяч долларов. За четыре-пять лет Усама потерял не менее 15 миллионов долларов (см. *Ш. Р. 413*). Одна из его жен, Ум Али, не вынесла тягот жизни и просила развода. Старший сын, подросток Абдулла, настоял на возвращении в Саудовскую Аравию и получил работу в семейном предприятии. Мать Усамы по-прежнему навещала его, но для старших братьев в Джидде он стал отверженным. Ничто не пугало семью больше, чем перспектива потерять богатство.

Она продолжала развивать бизнес. В середине 1990-х Бакр подписал ряд выгодных контрактов с «Дженерал электрик» для строительства в Саудовской Аравии электростанций. Эти и подобные контакты дали бен Ладенам возможность отмежеваться от Усамы и укрепить связи с американскими и британскими элитами. Фирмы семьи продавали одежду в Ковент-гардене, Каире и Бейруте, производили телепередачи и рек-

ламу в фотолаборатории в Джидде, лицензировали интеллектуальную собственность в Дубаи и т. д. В 1995 году бен Ладены вложили не менее 2 миллионов долларов в американскую «Группу Карлайл» (см. II. P. 425).

В мае 1996-го Усама пришлось покинуть Судан. Правительство искало международной легитимности, а США дали понять, что этого не будет, пока там действует Усама. Тот перелетел в афганский Джалалабад. Высылка из Судана убедила бен Ладена, что его враги Сауды — лишь марионетки Вашингтона. Вскоре он завязал хорошие отношения с муллой Умаром и вместе со своей большой семьей перебрался в Кандагар. Потеря личного состояния, семейных дивидендов и имущества в Судане означала, что для привлечения спонсоров и добровольцев ему требуется сильный медиа-профиль. В 1997—1998 годах Усама дал в Афганистане ряд интервью и воссоединился с египетской группировкой во главе с аз-Завахири. 23 февраля 1998 года они объявили о создании «Международного исламского фронта джихада против евреев и крестоносцев».

Когда в августе 1998-го произошли взрывы у посольств США в Кении и Танзании, «Усама использовал свой спутниковый телефон для звонков через Индийский океан и ударов по американским мишеням с помощью дистанционного управления. Это было нововведением в глобальном терроризме, вытекавшим из его инстинктов и опыта как члена семьи бен Ладенов: как сводные братья Усамы инвестировали в спутниковую телефонию в Вашингтоне, так он использовал ту же технологию для нападения на посольства Вашингтона за рубежом... Ответная ракетная атака тотчас подняла мировой престиж Усамы. Его признали достойным военного внимания самого могущественного политического лидера на планете. В том августе телевизионные пресс-конференции в Вашингтоне, проведенные ответственными за ракетный удар чиновниками и генералами администрации Клинтона познакомили с именем бен Ладена массовую аудиторию, которая никогда о нем не слышала» (см. II. P. 469—470).

ЦРУ и ФБР собирали сведения об Усаме и его родственниках. Состоялись встречи их агентов с Бакром и другими братьями. Те заверили, что давно порвали с Усамой. Особенно трудным для американских следователей было выяснить связи между саудовскими благотворительными организациями, исламистскими сетями и членами семьи бен Ладенов. Расследование казначейства США показало, что Усама не так богат, как считалось, и тратит не собственные деньги, а средства благотворительных организаций, спонсоров и прозелитических сетей. Живя в Афганистане, он расходовал 20 миллионов долларов в год на содержание лагерей боевиков, закупку оружия, жалованье и субсидии семьям добровольцев; операции вне Афганистана обходились еще в 10 миллионов долларов (см. II. P. 495).

К концу 1990-х годов Бакр добился немалых успехов, возглавляя диверсифицированную бизнес-империю. SBG и «Организация Мухаммада бен Ладена» выступали работодателями для многих тысяч человек, а интересы их строительных контрактов включали Каирский и Куала-Лумпурский аэропорты и гостиницу «Grand Hyatt» в Аммане. Правда, контракты семьи продолжали полностью зависеть от воли Саудов, и Бакр вскакивал почтительно открыть дверь даже мелкому принцу.

После взрывов в Африке братья бен Ладены активно искали новых связей в элите Европы и Америки. Так, в 2000 году саудовский принц Халид представил Бакра принцу Уэльскому, а бывший президент США Дж. Буш-ст. в 1998 и 2000 годах побывал в Саудовской Аравии в качестве члена правления «Группы Карлайл» и благодарил бен Ладенов за гостеприимство. В 2000-м Бакр выразил намерение пожертвовать 1 миллион долларов Центру Картера на борьбу с онхоцеркозом (см. II. P. 505). Тем не менее после 1998 года в США бен Ладены старались избегать внимания общественности.

После терактов 11 сентября «внезапная популярность Усамы среди рядовых саудовцев удвоила сложность положения семьи бен Ладенов: принесли ли они королевству позор и дурную славу или взрастили нового героя арабского народа?» (II. P. 534). Бакр извинился перед американцами за теракты и предложил государственным органам США сотрудничество. Расследование ФБР и швейцарской полиции не выявило причастности семьи к финансированию терроризма. Правда, американские университеты и корпорации прекратили или приостановили сотрудничество с семьей.

Страной, где бен Ладены восстановили дела, стал Египет. К концу 2005 года стало ясно, что они не только переживут Усаму, но и будут процветать как никогда. Сауды по-прежнему нуждались в их деловых качествах. В 2005-м Яхья бен Ладен ожидал, что количество работников в фирмах семьи вырастет в следующие десять лет с 35 до 75 тысяч человек (см. II. P. 556).

У Усамы на 2002 год было по меньшей мере 23 ребенка, большинство которых до 11 сентября жили вместе с ним в Афганистане. Часть его сыновей осталась с ним, а другие вернулись в Саудовскую Аравию, где могли пользоваться преимуществами принадлежности к семье. Так, старший сын Усамы — Абдулла владеет торговым центром в Джидде.

14 декабря 2001 года Усама написал в местечке Тора-Бора завещание, в котором призвал жен вести дальше жизнь самопожертвования, а детей просил простить его за пренебрежение отцовскими обязанностями ради джихада. Однако через несколько месяцев мужество и уверенность к нему вернулись. К 2003-м Усама восстановил доступ к спутниковому телевидению и Интернету и радовался, что Америка увязла в «трясине» Ирака. После 2001 года «Аль-Каида» быстро приспособилась к потере физического убежища в Афганистане, интенсивнее используя Интернет для обучения, тактической коммуникации и проповедей. Смотря американское или британское телевидение, Усама глядел в льстивое зеркало: СМИ изображали его одной из самых могущественных политических фигур в мире. «Это был Усама в поздние годы своего изгнания: человек, который, несмотря на относительную молодость, постоянно жил на грани смерти и который, учитывая, возможно, оставшийся ему короткий срок, был озабочен тем, как его будут помнить» (II. P. 574). Жил он скорее всего на западе Пакистана, где, по сути, нет правительственной власти. История других беженцев на пуштунскую территорию наводила на мысль, что Усама рано или поздно может стать жертвой предательства одного из тех, кто дал ему убежище.

Остальное известно...

Враг у ворот... Кто?

Те, кто надел на глаза шоры, должны помнить, что в комплект входят еще узда и кнут.

Е. Ленц

Казалось бы, ответ на вопрос ясен. Враг — это «американцы», «янки», «пиндосы» и т. п. Однако в действительности все сложнее и одновременно проще. Любой человек воспринимает мир и действует, используя семантические или концептуальные «решетки», в значительной мере руководствуясь имеющимися у него априорными представлениями о сути происходящих событий¹. По этой причине де-факто люди существуют не в огромном, разнообразном мире, а в своеобразных «тоннелях реальности». Об этом много и хорошо писали В. Аршинов, В. Лепский и С. Переслегин². Главное понимать, что огромный мир и персональный или групповой тоннель реальности — это, как в старину говорили в Одессе, «две большие разницы». Или, по словам великого Филиппа Дика, «реальность — это вещь, которая продолжает существовать даже тогда, когда ты перестаешь в нее верить». Именно поэтому, находясь де-факто в критической ситуации, жизненно необходимо как можно скорее выскочить из собственного «тоннеля», пока в нем не забрезжил яркий свет приближающегося встречного поезда.

Главными «тоннелестроителями» всегда были и будут семья, школа и университет. Например, в советских школах замечательно учили географии: почти каждый советский школьник мог за несколько секунд найти на карте столицу Гвинеи или Бутана. Но сегодня, когда эти школьники давно уже подросли и стали серьезными дядями, российскими полити-

ЛАРИНА Елена Сергеевна — генеральный директор компании «ПерсоналИнвест», член Сообщества практиков конкурентной разведки.

Ключевые слова: глобальный доминат, субдоминат, квазидоминат, паттерн, финансист, менеджер, нетократ, когнитариат, silovik, активист, теория категорий и функторов, доминант, доминат, доминация.

¹ См.: **Чернышев С. Б.** Смысл. Периодическая система его элементов. — www.ckp.ru/biblio/c/chernyshev/sens/Sens02_.htm; **Смирнов И. В.** Психоэкология. М.: Холодильное дело, 2003.

² См.: Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: ИФ РАН, 2010; **Переслегин С.** Новые карты будущего. М.: АСТ : Terra Fantastica, 2009; **Он же.** «Дикие карты» будущего. Форс-мажор для человечества. М.: Эксмо, 2015.

ками, аналитиками и т. п., — они продолжают мыслить в географическом тоннеле. Поэтому любимицей российского политика, аналитики и СМИ, от интеллектуальных до «желтых», остается геополитика, а еще лучше — геостратегия.

Друзья, враги, союзники и угрозы продолжают восприниматься исключительно в масштабе географической карты, в перекрестье параллелей и меридианов. Между тем, если не заниматься одеванием короля, можно в определенной мере согласиться с Максимом Шевченко, полагающим, что «государство в современном мире — достаточно условная вещь, поскольку государство является просто территорией, которая контролируется определенной группой бюрократии. И статус того или иного государства зависит от того, признается ли данная группа бюрократии на этой территории так называемым мировым центром силы». В этих словах присутствует определенное преувеличение, однако главное — насущная необходимость преодоления геоцентризма в реальной политике — схвачено верно. О том же, строго говоря, в свое время писал и В. Пелевин: «А что касается пути, по которому пойдет дальше Россия, то непонятно, как и куда символическое понятие может пойти по абстрактному».

В динамичном, неопределенном, нелинейном мире, полном «черных лебедей» и «волшебных драконов», жить в унаследованных от прошлого «тоннелях реальности» становится все сложнее. В стране и мире в целом за последние десятилетия произошла, по глубокому замечанию профессора В. Бурова, когнитивная катастрофа, сложилась ситуация, когда «человек или группа по психологическим причинам, из-за неверных когнитивных и нейрокогнитивных стратегий не могут воспользоваться имеющимся знанием для постановки и решения сложных задач в осуществляемых ими выборах и идут на редукцию системных уровней к доступным им низшим, более простым уровням. Дефицит и измельчание когнитивных ресурсов приводит к тому, что решаются только малоресурсные задачи, а сложные вопросы не рассматриваются или рассматриваются в катастрофически редуцированных контекстах, когда игнорируется сложность и выбираются самые простые, пускай неверные, решения тяжелых проблем»³.

В свою очередь, когнитивная катастрофа ведет к трагическим политическим ошибкам, экономическим кризисам и даже военным конфликтам. Для того, чтобы избежать трагедии, необходимо опереться на прочную почву обыденных фактов. В нашем случае, чтобы определить конкретного врага из числа стоящих у ворот, желательно распознать всех до единого персонажей, скопившихся у входа в осажденную крепость.

Тот факт, что в современном мире господствует паукратия (от *лат.* *pauci* — «немногие»), вполне очевиден. И, тем не менее, убедительнейшие экономические доказательства этому собрал и представил на суд

³ Буров В. А. Когнитивные коммуникации в онтологии сложности. Передача неотделимого знания. М.: ООО НИЦ «Инженер», 2014.

общественности Т. Пикетти в самой популярной экономической книге прошлого года — «Капитал XXI века»⁴. Убедительную политическую и социальную фактуру в пользу этого же вывода собрал в своем бестселлере нью-йоркский профессор Брюс Буэно де Мескита, которого в Америке называют «Нострадамусом ЦРУ». Вот уже более десяти лет он консультирует Совет национальной безопасности, ЦРУ и Разведывательное управление Министерства обороны США (DIA) относительно перспектив развития возникающих в мире конфликтов. Поскольку точность его задокументированных прогнозов составила с периода 2002 года 87 процентов, то очевидно, что, упоминая о паукратии, профессор знает, что говорит. В другом своем бестселлере — «Игры предсказателя»⁵, — он обратил внимание читателя на тенденцию перехода от *электората* к *селекторату*, то есть к выбору, осуществляемому теми немногими, которые участвуют в реальном выборе исторической динамики и руководства страны. В более поздней книге «Справочник для диктатора»⁶ Б. Буэно де Мескита пошел дальше и сформулировал тенденцию перехода от селектората к *доминату*, то есть к системе частично принудительного, частично добровольного отсечения подавляющей части общества от власти и сосредоточению ее у определенных, в том числе наднациональных, группировок. Между ними складываются подвижные иерархосетевые отношения, или гетерархии⁷, — отсюда и название.

Представленных в этих и других книгах неопровержимых фактов вполне достаточно для того, чтобы ограничить поиск друзей, врагов, союзников и противников, к тому же сменяющихся, как в калейдоскопе, друг друга, глобальным доминатом, субдоминатами и квазидоминатами. К последним относятся структуры, функционально стремящиеся выполнять роль домината, но в силу конкретных исторических обстоятельств являющихся не субъектами а объектами, или, в лучшем случае, — субъектами с крайне ограниченной исторической волей.

⁴ Со сжатым перечнем доказательств можно ознакомиться в русскоязычном дайджесте (см. **Piketty T.** Capital in the Twenty-First Century. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2014; www.smartreading.ru/biblioteka/obyazatelnoe_chtenie/capital_in_the_twenty_first_century/).

⁵ См. **Bueno de Mesquita B.** The Predictioneer's Game: Using the Logic of Brazen Self-Interest to See and Shape the Future. Amazon Kindle Edition, 2009.

⁶ См. **Bueno de Mesquita B., Smith A.** The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior Is Almost Always Good Politics. Amazon Kindle Edition, 2011.

⁷ Термин введен в работе нейропсихолога и кибернетика У. Маккаллока «Гетерархия ценностей, обусловленная топологией нервных сетей» (1943). Понятие «гетерархия» (англ. heterarchy) имеет греческое происхождение; оно возникло в результате соединения слов heteros («другой», «чужой») и archein («власть», «управление»). Таким образом, термин «гетерархия» буквально обозначает «то, что находится под управлением другого», «распределенное управление» (в противоположность «священному порядку» иерархии) или же, в более свободном переводе, «нечто, обладающее внутренней разнородностью» (см. **Crevier D.** AI: the tumultuous history of the search for artificial intelligence. N. Y.: Basic Books, 1993). Гетерархия — система, образованная пересекающимися, разнообразными и одновременно сосуществующими структурами управления. Кроме того, гетерархия — это целостность относительно обособленных паттернов, связанных между собой и внутри себя изменчивыми, текучими, переходящими друг в друга иерархическими и сетевыми взаимодействиями (см. *The Sense of Dissonance: Accounts of worth in economic life.* Princeton (NJ), 2009).

Сегодня сложились два основных направления, анализирующих господствующие структуры. Одно из них связано с привычным нам классовым подходом, другое представлено многочисленными школами и течениями элитологии. Едва ли не лучшее не только в России, но и в мире изложение положения дел в этой сфере, столь волнующей практикующих политиков, размышляющих экспертов и любопытствующих читателей, представлено в работе «Эволюция элиты» С. Бухарина и С. Малкова⁸. Выводы последних свидетельствуют, что оба обозначенные выше направления в той или иной степени методологически ограничены, поскольку осуществляют классификацию по различного рода произвольным критериям.

Решая прагматическую задачу, связанную с распознаванием врагов и выяснением в конечном счете вопроса о том, хочет ли Америка распада России, хотят ли этого все ключевые паттерны домината или нет, необходимо до блеска отточить смысловой инструментарий. Следует максимально задействовать здравый смысл и большое число наработок замечательных российских и не менее выдающихся зарубежных исследователей. И в первую очередь — теорию деятельности, основные принципы которой были сформулированы отечественными учеными — такими, как Эвальд Ильенков, Алексей Леонтьев, Георгий Щедровицкий⁹ и некоторые другие.

При этом особое значение для доминатного анализа имеют работы выдающегося российского психолога и мыслителя А. В. Брушлинского¹⁰. Последний справедливо полагал, что человеческая деятельность едина, и что лишь исследователи разделяют ее на предметы отдельных наук или практик. Он разработал и с успехом применил уникальную методологию, учитывающую текучесть и пластичность понятий и терминов, используемых при анализе деятельности. К сожалению, в 2002 году А. В. Брушлинский был убит, а его архив частично похищен. И это далеко не единичный пример трагической гибели российских ученых, занимавшихся анализом деятельности, сложности и латентных процессов. Буквально через год после этого внезапно и загадочно умер выдающийся мыслитель и психотехнолог В. И. Смирнов, а еще через год насильственной смертью погиб их друг, знаменитый советский востоковед, разведчик, исследователь латентных структур и друг Л. Ларуша — Г. Бондаревский.

Приложение теории и инструментария деятельности к общественным процессам требует отказа от ряда господствующих догм. Прежде всего, это касается механистического детерминизма и догматического марксизма с их первенством производительных сил над производ-

⁸ См. Бухарин С. Н., Малков С. Ю. Эволюция элиты (Материалы и исследования). М.: Академический проект, 2014.

⁹ См.: Эвальд Васильевич Ильенков / под ред. В. Толстых. М.: РОССПЭН, 2009; Леонтьев А. Становление психологии деятельности. М.: Смысл, 2003; Щедровицкий Г. Оргуправленческое мышление. Идеология, методология, технология (курс лекций). М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014.

¹⁰ См. Брушлинский А. Субъект: мышление, учение, воображение. М., 2003.

ственными отношениями, базиса над надстройкой, признанием только однонаправленных причинно-следственных связей, линейного прогресса и т. п.

Человеческая деятельность, независимо от ее масштабов, предстает как сложный, вероятностный и неоднозначный процесс. На системном уровне теорию и методологию сложных процессов в России блистательно развивали С. Курдюмов, Е. Князева, А. Назаретян¹¹ и др. Кроме того, необходимый и во многих отношениях достаточный инструментарий практического анализа сложных процессов, характеризующихся кольцевой причинностью и т. п., создали академик П. К. Анохин и его ученик — профессор А. В. Судаков, а также безвременно ушедший из жизни гениальный психолог и методолог Н. Носов¹². Математический аппарат, необходимый для анализа сложных процессов, включая межэлитный анализ, развивает невидимый колледж, образовавшийся вокруг семинара по прикладной математике под руководством Г. Малинецкого¹³.

Применительно к общественным процессам базовый подход и инструментарий использования теории вероятностных, изменчивых процессов заложил Антонио Грамши в своих «Тюремных тетрадах»¹⁴. В СССР несколько иной вариант подхода и инструментария, также лежащий в рамках школы сложности, предложил явно не оцененный современниками выдающийся советский общественник К. В. Крылов¹⁵. Наиболее же глубоко инструментарий анализа национальных и наднациональных элит и их взаимодействия в рамках рассматриваемого подхода разработал в своей пионерной книге «Колокола истории» и последующих работах А. И. Фурсов¹⁶. Наконец, своего рода образец использования инструментария анализа сложных нелинейных, вероятностных, многофакторно-детерминированных процессов на глобальном уровне продемонстрировал М. Г. Делягин¹⁷.

Представляется, что богатство мыслей, концептов, инструментария, разработанных отмеченными выше авторами, вполне достаточно для самого скрупулезного анализа наиболее сложных процессов современности. Более того, по скромному мнению автора, сегодня нигде в мире не существует столь мощного аппарата, подходящего для осуществления сложной аналитики и прогностики. При должной шлифовке и экспериментальном применении он позволит коллективам,

¹¹ См.: **Князева Е., Курдюмов С.** Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М.: КомКнига, 2006; **Назаретян А. П.** Нелинейное будущее. М.: МБА, 2013.

¹² **Судаков К. В., Анохин П. К.** Функциональные системы. М.: РАМП, 2011; **Носов Н.** Виртуальная психология. М.: Аграф, 2001.

¹³ См. **Малинецкий Г., Потапов А.** Нелинейная динамика и хаос. Основные понятия. М.: Либроком, 2011.

¹⁴ См. **Грамши А.** Тюремные тетради : в 3-х ч. М.: Издательство политической литературы, 1991.

¹⁵ См. **Фурсов А.** Русский интерес. М.: КМК, 2014.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ См. **Делягин М. Г.** Мировой кризис: общая теория глобализации. М.: ИНФРА-М, 2003.

овладевшим этим смысловым инструментарием, получить, по удачному выражению А. Фурсова, «устрашающее интеллектуальное превосходство».

Решая задачу анализа доминанта, необходимо определить своего рода точку сборки, базис для применения мощного инструментария, о котором шла речь выше. Коль скоро главная задача — это распознавание основных кластеров нынешней и будущей паукратии или глобального доминанта, нужно прежде всего определить критерий классификации, или распознавания, кластеров. Причем этот критерий должен исходить не из положений абстрактной теории, а из реального опыта практики и повседневной действительности.

Любая деятельность предполагает предмет, процесс и результат, причем эти три звена взаимно определяют друг друга: то, что для одного выступает как результат, для другого оказывается продуктом и т. п. Вполне очевидно, что в этой триаде наиболее определенными являются два ее члена — продукт и результат, которые в конечном счете представляют собой тождество. Любой человек в ответ на вопрос о том, что является главным для дела, ответит: ресурсы. Особенно, если под последними понимать не только продукты и результаты деятельности, но и собственно знания, умения, навыки, в том числе имплицитные, которые и реализуются через деятельность. Соответственно, вполне логично положить в основу классификации паттернов паукратии тип располагаемого ресурса. Такой подход облегчается удивительной по глубине и инструментальным возможностям методологией деятельностино-ресурсного анализа, разработанной С. Кордонским¹⁸.

Переходя непосредственно к стадии анализа, отметим, что наиболее ликвидным, универсальным и конвертируемым ресурсом, несомненно, являются деньги. Вполне понятно, что обладатели этого ресурса всегда входили в состав верхних страт, элиты, правящего класса, то есть доминанта самых различных обществ на протяжении всей человеческой истории.

Зачастую в определенных формациях происходило отождествление денег с капиталом как самовозрастающей прибавочной стоимостью. Однако деньги как таковые существовали до капитализма и будут существовать после него. Еще более важен тот факт, что деньги — это совершенно особый ресурс, тесно связанный со столь загадочной характеристикой, как время. Житейская мудрость ухватила эту связь и выразила в известной поговорке: «Время — деньги». Семантика народного языка даже в содержательно-прикладном плане оказывается зачастую на порядки богаче изощренных интеллектуальных построений.

В связи с этим целый ряд серьезных мыслителей, живших после К. Маркса и в той или иной степени разделявших его подход, выводили природу денег не из обмена, а из более фундаментальных закономерностей, связанных с обязательной длительностью любой человеческой деятель-

¹⁸ См. Кордонский С. Циклы деятельности и идеальные объекты. М.: Пантори, 2001; Он же. Ресурсное государство : сборник статей. М.: REGNUM, 2007.

ности, ее протяженностью во времени. Например, Хаим Ф. Мински¹⁹ связывал природу денег с обслуживанием воспроизводственного процесса, в котором между закупкой ресурсов и продажей либо потреблением конечного продукта проходят не только дни и недели, но иногда месяцы и даже годы. Еще более радикально подошел к делу известный антрополог Д. Гребер²⁰. Он привел множество доказательств того, что деньги появились не в результате обмена, а в целях обслуживания гораздо более фундаментальных отношений, связанных с долгом. Эти отношения выходят далеко за рамки собственно производственных отношений.

В разные эпохи и времена обладатели финансовых ресурсов назывались по-разному, играли различную роль, но неизменно входили в верхнюю, принимающую все основные решения страту глобального доминанта и субдоминанта. В последние 30 лет обособленность, самодостаточность этой группы стала как никогда полной, понятной и прозрачной.

Фактически современный глобальный финансиализированный строй является средой доминирования финансистов — обладателей денежного ресурса. Блистательные работы о причинах, характере и формах проявления этого процесса написаны А. В. Бузгалиным, А. И. Колгановым, О. Григорьевым и К. Лапавитасом²¹. Так или иначе, финансисты, или как их любовно называют на Западе и в России — *банкстеры*, представляют собой ведущую группу в гетерархии мирового доминанта. Впрочем, априори относить к непримиримым врагам и противникам какой-то паттерн лишь потому, что входящие в него индивиды богаче тебя, принадлежат к другой конфессии и т. п., было бы по меньшей мере опрометчиво. Финансы и финансисты, как убедительно показал нобелевский лауреат Р. Шиллер, вполне могут делать дело, полезное и для развивающихся обществ²².

Вторая группа — это, без сомнения, «традиционные» капиталисты в знакомом нам индустриальном обществе. Это группа, живущая за счет неоплаченного эксплуатируемого труда. К. Маркс не без основания полагал, что, строго говоря, финансисты могут существовать до и после капитализма, а вот классические капиталисты — нет. Прогноз Маркса блистательно подтвердился в XX веке. Ирония судьбы состояла в том, что правоверные марксисты не признали реальные процессы за сбывшиеся предвидения Маркса и обрушились с уничтожающей (а потому — бессмысленной) критикой на проницательных западных ученых, скрупулезно изучивших и понявших суть явления.

По мере исчерпания капитализмом своих потенций, класс или сообщество капиталистов не как совокупный исторический субъект, а как вполне живые действующие люди, стали перемалываться жерновами

¹⁹ См. **Minsky H. F.** Stabilizing an Unstable Economy. N. Y.: Professional, 2008 (полный текст см. также: <http://digamo.free.fr/minsky86.pdf>).

²⁰ См. **Гребер Д.** Долг. Первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем, 2015.

²¹ См.: **Бузгалин А. В., Колганов А. И.** Глобальный капитал : в 2 т. М.: URSS, 2015; **Григорьев О.** Эпоха роста. Лекции по неоконимике. М.: Карьер Пресс, 2014; **Lapavitsas C.** Profiting Without Producing: How Finance Exploits Us All. N. Y.: Verso Books, 2014.

²² См. **Шиллер Р.** Финансы и хорошее общество. М.: URSS, 2014.

финансиализации и все более заметно подразделяться на две группы: собственно финансистов, хозяев денег (а соответственно — и денежной ренты в виде ссудного процента, дивидендов и т. п.), и менеджеров. Последние, по сути, являлись хозяевами и держателями организационного ресурса. Обязательной характеристикой менеджера является его личное участие в деятельности, по своей сути он не рантье, а деятель.

Соответственно, исследователи, имевшие дело с огромными массивами первичного достоверного материала и обладавшие непосредственным жизненным опытом, еще перед Второй мировой войной диагностировали этот процесс, определили внутреннюю суть менеджера. Она состояла в собственности на организацию ресурсов и деятельности. Ведь менеджер — это управленец, что достаточно ясно показали уже А. Берли и М. Минз²³. Сведя воедино огромный фактический материал, наработанный и осмысленный А. Берли и М. Минзом, с марксистской диалектикой и троцкистской убедительностью, А. Бернхайм диагностировал знаменитую «революцию менеджеров»²⁴ (забавно, что единственный русскоязычный перевод Бернхайма был осуществлен Народно-трудовым союзом в 1953 году под названием «Диктатура директоров»²⁵).

На близкие тенденции указал Дж. Гэлбрайт²⁶, а в наиболее полном и законченном виде концепция менеджерского сословия была изложена Г. Паркиным в книге «Третья революция»²⁷. Любопытно, что последний полагает, что менеджеры являются своего рода ключевой группой профессионального общества, к которому двигался мир до того, пока до власти не дорвались финансисты, прикрывшиеся неолиберальными постулатами. Более того, он утверждает, что «именно советский социализм в своем позднем варианте 70-х — начала 80-х годов был первым в мире обществом профессионалов».

Многие, даже глубокие исследователи полагают, что синонимом менеджерского сословия в его позднем капиталистическом обличье являются корпоратократы, и отчасти это верно: не случайно на этот факт указывают представители самых различных направлений — от либерально-консервативного Э. Райнерта до радикального Д. Перкинса²⁸. Однако частичное наложение множеств дает не тождество, а нечеткое мно-

²³ Подробнее об этом см.: **Капелюшников Р. И.** Концентрация собственности и корпоративный ландшафт современной мировой экономики // Отечественные записки. 2005. № 1. — www.strana-oz.ru/2005/1/koncentraciya-sobstvennosti-i-korporativnyy-landshaft-sovremennoy-mirovoy-ekonomiki; **Кочеврин Ю. Б.** Эволюция менеджериализма. Опыт политико-экономического анализа. М.: Наука, 1985.

²⁴ См. **Burnham J.** The Managerial Revolution: What is Happening in the World. N. Y.: John Day Co, 1941; кроме того см. **Havers. G.** James Burnham's Elite Theory and the Postwar American Right // Telos. 2011. Vol. 2011. № 154. P. 29–50.

²⁵ См. **Джеймс Б.** Диктатура директоров. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954.

²⁶ См. **Гэлбрейт Д. К.** Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.

²⁷ См. **Perkin H.** The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World. L.: Routledge, 1996.

²⁸ См.: **Райнерт Э. С.** Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: НИУ ВШЭ, 2011; **Перкинс Д.** Тайная история американской империи: Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.

жество. Если с математического языка перевести это замечание на язык повседневности, то получится, что не все менеджеры корпоратократы, но все корпоратократы — менеджеры (либо уж точно финансисты-рентополучатели).

Но на богатых свет клином вовсе не сходится, в том числе и в случае домината. Продолжая анализ, отметим, что в господствующие или доминирующие группы всегда входили не только богачи, но и вообще умные, энергичные и знающие, причем не обязательно обремененные и наделенные другими достоинствами люди, чему существует множество подтверждений²⁹. Этот факт неизменно фиксируется интеллектуалами, начиная от Платона и заканчивая Бардом и Зодерквистом³⁰. В XX веке соответствующую

Суть деятельности предпринимателя состоит в том, что он не просто управляет и организует уже готовые факторы производства, но и создает новую комбинацию, конструкцию, схему из уже имеющихся социальных, экономических, культурных и иных блоков и за счет этой конструкции получает новый продукт или новую ценность.

Этот слой описывается понятием *меритократия*³¹, то есть власть достойных. Изучавшие этот феномен единодушно указывают на тот факт, что наиболее ценным, ключевым ресурсом являются не материальные предметы (машины, оборудование, недвижимость и т. п.) и даже не деньги, а информация и знание. И, действительно, информация и знания, как правило, легко и выгодно конвертируются во все иные ресурсы.

Однако сам по себе ум не кормит даже в условиях господства информационных технологий. А потому стоит вспомнить, например, о некоторых идеях Й. Шумпетера³², который впервые показал функциональную роль предпринимателя в воспроизводстве, исторической динамике и великой трансформации, о которой писал К. Поланьи³³.

Предприниматель Шумпетера — это носитель творческого начала, «умник», занятый практическим делом. Суть деятельности предпри-

²⁹ См. Элиаде М. История веры и религиозных идей : в 3 т. М.: Академический проект, 2012.

³⁰ См. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

³¹ См. Young M. The Rise of the Meritocracy, 1870—2033: The New Elite of Our Social Revolution. N. Y.: Random House, 1957.

³² См. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982.

³³ См. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

нимателя состоит в том, что он не просто управляет и организует уже готовые факторы производства (как менеджер), но и создает новую комбинацию, конструкцию, схему из уже имеющихся социальных, экономических, культурных и иных блоков и за счет этой конструкции получает новый продукт или новую ценность. На Западе эти идеи были восприняты в первую очередь практиками, бизнесменами, инженерами, специалистами в области IT-технологий и, как ни странно, военными и представителями разведывательного сообщества.

Как это ни удивительно, но наиболее глубоко идеи Й. Шумпетера были осмыслены и развиты отнюдь не в США или Европе, а в постсоветской России в 1990-е годы. Это развитие связано с деятельностью группы создателей, издателей и авторов хрестоматии «Иное» под руководством С. Б. Чернышева³⁴. Впервые новый подход был прописан в манифесте «Новые транснациональные русские» (начало 1990-х годов), наиболее же полное, развернутое его изложение содержится в более поздних книгах того же автора³⁵.

В самом конце прошлого века на идеи Шумпетера, в частности, на его тезис об особой роли предпринимателей и носителей знания в структуре элит, обратили внимание и на Западе. Помимо теории «нетократии» Барта и Зондерквиста, появились и другие концепции, в числе которых отметим выдвинутые одним из бывших главных аналитиков Агентства национальной безопасности США Д. Райсом и ведущим экспертом и консультантом в сфере технологического предпринимательства в Америке М. Маззукато³⁶.

В США и в Европе гораздо больше, чем понятие «нетократы», прижились термины типа «ботаники» и «гикономиксы». По характеру своей деятельности, отношению к действительности, образу жизни и т. п. те, к кому применяются эти наименования, чрезвычайно далеки от чаемого сторонниками меритократии образа гуру-брахманов и высоколобых серых кардиналов при действующих политиках типа знаменитого доктора Ф. Линдемана у У. Черчилля. Гикономиксы представляют собой отдельный, уже, по сути, сформировавшийся паттерн, входящий в структуру мирового домината. Наиболее полный на сегодняшний день обзор генезиса гикономиксов в XX — начале XXI века и их отличительных черт мы попытались дать в статье «Элитный парадокс»³⁷.

³⁴ См. *Иное. Хрестоматия нового российского самосознания* / под ред. С. Б. Чернышева. М.: Аргус, 1995.

³⁵ См.: Новые транснациональные русские (тесты для манифеста). — www.ckr.ru/biblio/c/chernyshev/kr/04_Part_3/1_Testo.htm; **Чернышев С. Б.** Кризис? Экспансия! Как создать мировой финансовый центр в России. М.: Европа, 2009; **Он же.** Россия суверенная. Как заработать вместе со страной. М.: Европа, 2007.

³⁶ См.: **Race D.** *Geekonomics: The Real Cost of Insecure Software*. Boston (MA): Pearson Education, 2007; **Mazzucato M.** *The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths* (Anthem Other Canon Economics). L; N. Y.; Delhi: Anthem Press, 2011.

³⁷ См. **Ларина Е. С.** Элитный парадокс // Информационные войны. 2014. № 3(31). С. 39—47. — http://media.wix.com/ugd/ec9cc2_c48d56c1fb3d4100b6bf75ea891bb5f2.pdf

Как это ни странно, но впервые сходные идеи появились не где-нибудь, а в России. В начале XX века известная революционерка, соратница В. И. Ленина, подруга Ж. Сореля и учительница Б. Муссолини — Анжелика Балабанова³⁸ разработала учение о *когнитариате*. Она убеждала Б. Муссолини, что корпоративное государство может успешно существовать только в том случае, если оно будет скреплено предпринимательским сословием, объединенным с наиболее харизматичными и умными учеными, писателями, деятелями искусств и т. п. На итальянской почве, обильно политой кровью и потом футуризма, идеи когнитариата оказались весьма востребованы. В последующем они были подхвачены и развиты А. Печчеи, А. Негри и М. Хардтом. Последние придумали и очень удачное обозначение для этого паттерна домината — «коги». При этом сами они в размерности когнитариата и паттернов не мыслили.

Интеллектуалы самых разных эпох и течений — от Т. Гоббса до В. Парето, от А. Токвиля до С. Переслегина — высказывали мысль о том, что в структурах доминирования существуют группы, присутствующие там именно как носители власти, обладатели ресурса сакрального превосходства, легитимизированного насилия и их производных. Наиболее четко этот подход сформулировали известный теоретик и практик психоистории Мао Цзэдун в своем крылатом выражении «винтовка рождает власть», а также В. Парето, справедливо заметивший, что «власть — это самый ценный ресурс, который может быть конвертирован во что угодно и когда угодно».

В XX веке наиболее сильные школы, занимающиеся этим компонентом домината, сложились в рамках англосаксонской традиции правого неоинституционализма и в русской группе интеллектуального анализа В. Крылова — А. Фурсова. Любопытный поворот темы самодовлеющей власти мы обнаружили и в недавних книгах оригинального исследователя и эффективного политтехнолога Г. Павловского³⁹.

При определенной взаимодополняемости школ, по крайней мере в части аналитического инструментария, нельзя не отметить и интеллектуальное превосходство российской исследовательской программы над западной. Признание этого превосходства можно найти в книгах многих зарубежных исследователей — например К. Крауча⁴⁰. Этот факт имеет довольно очевидное объяснение: именно российская история дает едва ли не самый богатый и разнообразный материал для наиболее глубокого и всестороннего изучения природы власти. Понимание этой природы позволило российским исследователям, и прежде всего А. Фурсову, занимающемуся этой темой уже четверть века, наиболее полно, детально и глубоко проникнуть в феномен кратократии — паттерна доми-

³⁸ См. **Генис В. Л.** Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920—1933). Опыт документального исследования. М.: [б.и.], 2009. Кн. 1.

³⁹ См., например: **Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.** Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011; **Фурсов А.** Русский интерес; **Павловский Г.** Система РФ в войне 2014 года. De Principatu Debili. М.: Европа, 2014; **Он же.** Гениальная власть! М.: Европа, 2014.

⁴⁰ См. **Крауч К.** Постдемократия. М.: Высшая школа экономики (ГУ), 2010.

ната, контролирующего и использующего ресурс власти, порожденной насилием или сакральностью.

Еще до недавнего времени считалось, что для западных обществ кратократия либо неактуальна вообще, либо представляет собой архаическое или маргинальное явление. Однако в последнее время в открытых и служебных материалах ведущих фабрик мысли, включая Брукингский институт, Институт Санта-Фе, Атлантический институт и др., кратократы рассматриваются как отдельный паттерн в структуре глобального и сублокального доминатов. Более того, в западный исследовательский, а теперь уже и в СМИ-словарь для обозначения этого паттерна, в том числе в североатлантических, японских и китайских структурах доминирования, вошел термин *silovik*.

Казалось бы, четырьмя перечисленными паттернами гетерархии доминирования, включающими финансистов, менеджеров, когов и силовиков, можно было бы ограничиться. Однако это было бы несправедливо по отношению к мировой истории и человеческой деятельности. В наиболее явном виде эту недостаточность не просто понял, а превратил в фундамент разработки мощнейшего инструментария психоистории В. И. Ленин в своем учении о партии нового типа⁴¹, причем не только изложил, но и использовал на практике. Именно ему принадлежит вывод о том, что природа человеческой деятельности требует создания тех или иных форм организации, без которых производственные, потребительские, культурные и иные процессы оказываются попросту невозможными. Исходя из этого, В. И. Ленин совершил открытие исторического масштаба: подобные формы организации, то есть собственно активисты, неизбежно могут и должны получить свое представительство в доминате даже в тех случаях, когда интересы последнего им враждебны. Причем, это представительство может носить как предельно конфликтный характер (В. И. Ленин), так и осуществляться относительно мирно и даже являться источником взаимовлияния (К. Каутский и др.). Ленинская партия нового типа — это, по существу, и есть та самая структура обеспечения вхождения организованных трудящихся в доминат, конфликтного существования в нем и полного изменения структуры доминирования.

Параллельно с В. И. Лениным эту же тему, но на ином историческом материале, с иными целями и иным мироозренческим и интеллектуальным инструментарием, разрабатывали британские фабианцы — причем прежде всего ветви, связанные с лордом А. Мильнером, Б. Шоу и Г. Уэллсом⁴². Примерно в том же направлении не только размышляли, но и действовали представители корпоративистского направления, традиционно связанные с различными версиями фашизма⁴³.

⁴¹ См.: Это есть наш последний и решительный бой! : в 2 кн. / сост. В. И. Миллер, Т. Ф. Кузьмина. М.: Политиздат, 1987 (История КПСС в воспоминаниях современников); Дайте нам организацию революционеров / сост. З. А. Джабиева, А. И. Серeda. М.: Политиздат, 1987; **Плимак Е. Г.** Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. М.: Весь Мир, 2004.

⁴² См. **Pease D. F.** The history of the Fabian society. Socialism and labourism in England. N. Y.: E. P. Dutton & Co, 2004.

⁴³ См. **Серенсен Э.** Мечта о совершенном обществе. Феномен тоталитарной идеологии. М.: Прогресс-Традиция, 2014.

Хотя приведенные примеры относятся к политической области, паттерны доминирования подобного рода могут сложиться и реально складываются на самом различном базисе. Этим базисом не обязательно является производственная деятельность; его может составлять и сфера потребления, и даже культура, идеология, и в особенно мощном варианте — религия. Наиболее полно, хотя и излишне экономизированно, этот феномен описан в книге М. Олсона. Крайне интересны и вышедшая буквально несколько недель назад книга А. Перланда, а также многократно переиздававшаяся классическая работа Г. Домхоффа⁴⁴.

Представительство группы, которую можно условно назвать «активистами», в структуре домината связано с тем, что именно человеческие сообщества, а не единичные личности в подавляющем большинстве случаев выступают не только в качестве движущей силы мировой, региональной и страновой динамик, но и как субъекты повседневной (причем самой разнообразной) деятельности. Соответственно, всегда имеются держатели ресурса групповой идентификации — без последней не возникает никакой целостности или группы. Ресурс идентификации по своей природе, проявлениям и возможностям конвертации в корне отличается от близкого к нему на первый взгляд ресурса организованности, которым располагают менеджеры. В крайнем случае разница между ними примерно такая же, как между эффективным управленцем и вдохновенным политическим трибуном. Описанный ресурс, как никакой другой, носит личностный характер.

Таким образом, в гетерархии доминирования можно выделить пять основных паттернов: финансистов (банкстеров), менеджеров (корпоратократов), когов (нетократов, гикономиксов, умников и т. п.), силовиков и активистов. Как это ни парадоксально, сам по себе подход к выделению структур доминирования оказывается более близким не к классовому или элитному, а к системно-динамическому анализу. Этот подход на количественном и метафорическом уровне наиболее точно описывается не популярной сейчас у гуманитариев (типа М. Хардта и А. Негри⁴⁵) теорией множеств, а мало кому известной, помимо профессиональных математиков и физиков, так называемой теорией категорий и функторов.

В блистательной статье двух гениальных ученых Р. ди Бартини и П. Кузнецова⁴⁶ предельно концентрированно изложена суть этой теории. Исходными в мире являются не единичность, а целостность, не статика, а динамика. Поэтому все сущее можно определить через три ключевых термина: инвариант — нечто неизменное, устойчивое, определенное; группа — способ существования инварианта в более-менее устойчивом

⁴⁴ См.: **Олсон М.** Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995; **Perland A.** Collecting scattered. New social, business and consumer communities dominated. N. Y., 2015; **Domhoff G. W.** Who Rules America? The Triumph of the Corporate Rich. N. Y.: Barnes & Noble, 2013.

⁴⁵ См. **Хардт М., Негри А.** Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.

⁴⁶ См. **Ди Бартини Р. О., Кузнецов П. Г.** О множественности геометрий и множественности физик. — www.trinitas.ru/rus/doc/0231/008a/02311100.htm

виде в течение определенного периода времени или, как говорят математики, конкретная форма преобразования; и функтор — собственно изменение, трансформация или, опять же следуя математическому языку, преобразование.

Теория категорий и функторов дает мощнейший не только количественный, но и качественный инструмент в руки исследователей⁴⁷. Она позволяет им заниматься анализом сложных, нелинейных, динамичных процессов. Пока теорию за пределами собственно абстрактной математики используют прикладные физики и биологи. В Институте сложности Санта-Фе с прошлого года открыта тема по применению теории категорий и функторов для комплексного анализа политико-экономической и социально-культурной динамики и прогнозирования.

Во второй части, вооружившись классификацией паттернов доминанта и используя теорию категорий и функторов, спустимся с горных высот теории в повседневную жизнь с ее политическими противоборствами, финансовыми потоками, информационными войнами и другими прелестями реальности. Анализируя на конкретном материале, подтвержденных фактах и выявленных тенденциях структуру и динамику американо-российских взаимоотношений, мы постараемся избежать серьезной ошибки — не будем сводить Америку и Россию к географическим структурам на карте и к абсолютно однородным гомогенным системам. Во время «холодных» или «горячих» войн этот подход был не только оправданным, но и продуктивным. Однако уже давно, по крайней мере, последние полвека мир живет в совершенно новом состоянии «мировойны» или «войномира»⁴⁸. В прошлом лобовая военная логика, геополитический тоннель рассмотрения всего и вся немало поспособствовали историческим неудачам нашей страны. Поэтому нужно помнить максиму Л. Шебаршина «Ошибки прошлого — строительный материал политики настоящего». Это особенно важно, поскольку, говоря его же словами, «у нас все впереди. Эта мысль тревожит...»⁴⁹. ◆

(Продолжение следует)

⁴⁷ См. Левич А. П. Искусство и метод в моделировании систем. М.; Ижевск: Ижевский институт компьютерных исследований, 2012.

⁴⁸ См. Овчинский В., Ларина Е. Холодная война 2.0. (Доклад Изборскому клубу). Изборский клуб. Институт динамического консерватизма. — <http://dynacon.ru/content/articles/4224/>

⁴⁹ Шебаршин Л. КГБ шутит. Афоризмы от начальника советской разведки. М.: Алгоритм, 2012.

У рубежа

Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года

Есть серьезные основания полагать, что к 2021–2022 годам закончится важный этап в развитии международной обстановки (МО) — политического господства западной локальной цивилизации, который будет означать одновременно завершение целого периода международных отношений, продолжавшегося последние столетия, — доминирования Запада в политической и экономической жизни планеты.

Есть также все основания полагать, что западная цивилизация во главе с США готовится не допустить этих объективных изменений. Для этого она пытается использовать несколько частных стратегий, объединенных в единую систему под названием «сетевая война». Начальный этап этой войны уже в самом разгаре, но его апогей наступит именно после 2021–2022 годов. Уже сегодня можно выделить несколько очевидных особенностей этой войны, речь о которых пойдет ниже, в частности:

- формирование новых союзов и военно-политических коалиций («обновление союзов», как говорит Б. Обама);
- сохранение лидерства в технологической и военно-технической областях, а также в качестве вооружения и военной техники;
- системное военно-силовое противодействие противнику;
- предотвращение создания новых союзов и коалиций против стран, относящихся к западной цивилизации;
- идеологическое лидерство, включая систему ценностей, концепции, прогнозы, планирование и социальное проектирование.

В связи с этим огромное значение приобретают точный анализ и прогноз развития возможных сценариев МО и их вариантов на новых этапах человеческой цивилизации. Особенно это касается периода после 2021–2022 годов, когда весьма значительной представляется вероятность изменения парадигм мирового развития. Прогноз развития сце-

ПОДБЕРЕЗКИН Алексей Иванович — директор Центра военно-политических исследований МГИМО(У) РФ, профессор, доктор исторических наук.

Ключевые слова: международная обстановка (МО), военно-политическая обстановка (ВПО), стратегическая обстановка, стратегический прогноз, стратегическое планирование, сценарии развития МО, Россия, страны западной цивилизации, конфликт, компромисс.

нария МО на среднесрочную и долгосрочную перспективу предполагает учет тысяч факторов и переменных величин, которые группировались по трем основным подгруппам:

- во-первых, подгруппа основных участников МО и показатели, определяющие их развитие;
- во-вторых, основные международные и региональные тенденции, влияющие на формирование МО;
- в-третьих, основные акторы—участники МО: как государственные международные организации, коалиции и союзы, так и негосударственные акторы—партии, организации, союзы и т. п.

При этом очень важно понимать, что простая механическая экстраполяция этих тенденций, факторов и акторов, существующих в военно-политической обстановке в 2015 году, на среднесрочную перспективу не приведет даже к приблизительным результатам. Точнее — ни к чему не приведет, ибо как количество этих факторов, так и динамика изменения переменных настолько велики, что вряд ли поддаются точному моделированию и прогнозированию. В этом случае возможно использование простых качественных моделей, которые иногда становятся эффективным приемом. Как справедливо заметил в свое время профессор М. Хрусталева, «пытаться моделировать интуицию — утопия. Вместе с тем моделирование необходимо — для минимизации субъективизма ученого, но лишь в сочетании с логико-интуитивным методом и как дополнение к нему»¹.

«Логико-интуитивный метод» в действительности является достаточно эффективным приемом прогнозирования сценариев развития МО, если он опирается не только на огромный объем информации о трех основных подгруппах, формирующих МО, но и на качественные оценки возможного развития сценариев МО, существующие на логико-интуитивном уровне.

Другие методы прогноза, к которым, как правило, прибегают исследователи, оказываются крайне малоэффективными. Так, малоэффективна механическая экстраполяция производства вооружения и военной техники, которая является основным современным методом оценки военной мощи, поскольку в планы производства и создания существующих и новых систем вооружений неизбежно будут внесены коррективы, а иногда и принципиальные изменения. Так, например, оценивая военно-политическую обстановку (ВПО) для СССР и ОВД в 1985 году, никто не предполагал, что уже через шесть лет не будет ни СССР, ни ОВД. Тем более никто не мог представить, прогнозируя развитие военной мощи СССР и ОВД, что десятки тысяч танков, самолетов и другой военной техники будут уничтожены, а создание их новых образцов — прекращено на долгие годы.

Более современный пример можно привести из экономической области: формируя российский бюджет в 1999 году, мы исходили из цен

¹ Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 6.

на нефть в 17 долларов за баррель (которые просуществовали в диапазоне 17–27 долларов четыре года до 2003-го); однако уже через девять лет они превысили 90 долларов за баррель². При этом как добыча, так и продажа нефти устойчиво росли, что привело к резкому росту ВВП и доходной части бюджета, включая оборонную, увеличив ее более чем в 10 раз.

Все эти и другие примеры говорят о том, что военное планирование на долгосрочную перспективу, основанное только на стратегическом прогнозе простой экстраполяции в развитии вооружения и военной техники, малоэффективно, хотя и неизбежно. Необходимы системный, многофакторный анализ и прогноз развития не только наиболее вероятных сценариев международной и военно-политической обстановки, но и вычленение достаточно широкого спектра всех возможных сценариев развития международных отношений, если речь идет о долгосрочной перспективе. Следует четко разграничить возможные и вероятные сценарии развития международной обстановки, для того чтобы полноценно и масштабно проанализировать вероятные сценарии (допустим, по 1000–1500 факторам), но и не игнорировать возможные сценарии развития международных отношений, что позволило бы мониторить их состояние и держать в поле зрения динамику их развития. Логическая схема такого подхода выглядела бы следующим образом.

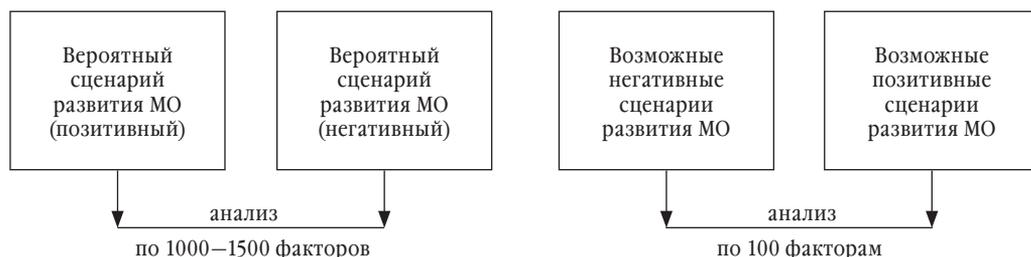

Рисунок 1. Возможные и вероятные сценарии развития МО после 2021 года

Практически возможным представляется вычленение наиболее вероятного сценария развития МО и нескольких его вариантов, которые могут быть полезными для стратегического прогноза, формирования и уточнения планов обороны страны, развития ее военной организации и формирования оборонного заказа на долгосрочную перспективу. При этом учет означенного сценария и анализ его последствий могут внести определенные коррективы в уже утвержденные планы военного строительства на период до 2021–2022 годов, а также достаточно радикально изменить их на последующий период.

В настоящее время необходимость таких изменений публично не обсуждается, хотя характер современной МО — ВПО — СО за последние два года существенно изменился, что отчетливо видно на примере конфликта на Украине 2014–2015 годов. Можно уже, например, говорить

² См. Konachlick W. Russia's Best Ally // OSW. 2014. P. 6.

о том, что формирование не только ВПО, но и МО происходит с учетом и под непосредственным влиянием новейших современных реалий, то есть фактически уже *ведущейся против РФ сетецентрической войны*. Иначе говоря, классическая формула «война — продолжение политики насильственными средствами» уже во многом устарела.

Сегодня уже не существует четкой грани между политикой и войной, когда войска переходят границу, захватывают территории, масштабно используют военную силу, наконец, когда политики объявляют войну, а дипломаты разрывают отношения. Сегодня все эти атрибуты войны существуют «внутри» политического процесса, когда «партнеры» ведут переговоры, продолжают сотрудничество в некоторых областях и т. д. Более того, в мирное время война и специальные операции, в том числе специально подготовленными для этого гражданскими лицами, изначально планируются не только как часть будущей ВПО, но и МО. Граница между вооруженной борьбой и «просто» силовым противоборством исчезла. Так, непонятно, например, когда в Крыму и на Донбассе гражданское сопротивление власти переросло из силового противостояния в вооруженную борьбу. Но еще более яркий пример — «революция» в феврале 2014 года в Киеве, когда «мирные» протестующие стали убивать вооруженных солдат внутренних войск.

Исходя из этого, следует изначально прогнозировать, что будущий вероятный сценарий развития МО и его варианты в разной степени, но будут включать в себя не просто силовые, но и вооруженные компоненты. В частности, планируя развитие МО после 2021 года, в США уже сегодня готовят не только силы и средства для поддержки проамериканской гражданской оппозиции, но и вносят соответствующие изменения в штабную структуру своих специальных сил, подготавливая даже на самом низком звене специалистов по связям с общественностью, кураторов оппозиции, ведения информационных и кибервойн. Соответственно, становится очень важным учесть эти приготовления в формирующейся стратегической обстановке (СО) для будущей МО. Тем более что первые симптомы заметны уже сегодня.

Точная характеристика и прогноз будущей МО и ВПО — СО позволяют уже сегодня, в 2015 году, высшему руководству страны заранее перейти на стадию формирования *новой политической реальности*, соответствующей необходимому для нации, цивилизации и страны сценарию, превратить Россию из объекта политики в ее субъекта. Собственно, это и стало главным результатом внешней политики В. В. Путина последних лет. К сожалению, в современной России сохраняется определенный разрыв между политическим и военным руководством, который возник в 1970-е годы в СССР и превратился в непреодолимую пропасть при М. Горбачеве. Очевидно, что необходим поиск новых путей формирования геополитического пространства, создания союзов и военно-политических коалиций, бездарно потерянных в 1990-е годы. От этого во многом будет зависеть, какой из вариантов сценария формирования МО после 2021—2022 годов будет реализован: относительно благоприятный или откровенно враждебный.

Есть основания полагать, например, что активная и эффективная внешняя и военная политика России в Евразии может привести при благоприятных условиях к появлению после 2021—2022 годов принципиально нового, российско ориентированного варианта сценария развития МО и ВПО в Евразии и мире. Этот вариант, «выросший» из развития ШОС, ОДКБ или ЕврАзЭС, может стать для многих стран неожиданно очень привлекательным — ведь уже сегодня в ТС готовы вступить более 30 стран.

«Баланс» между доминирующим сценарием и тем, который может сформировать Россия, будет зависеть от очень многих факторов, но не в последнюю очередь от сознательно сформулированной политики самой России. Условно говоря, тенденциям и факторам в развитии МО может быть противопоставлен собственный стратегический сценарий развития.

«Баланс» между доминирующим сценарием и тем, который может сформировать Россия, будет зависеть от многих факторов, но не в последнюю очередь от сознательно сформулированной политики самой России. Тенденциям и факторам в развитии МО может быть противопоставлен собственный стратегический сценарий развития.

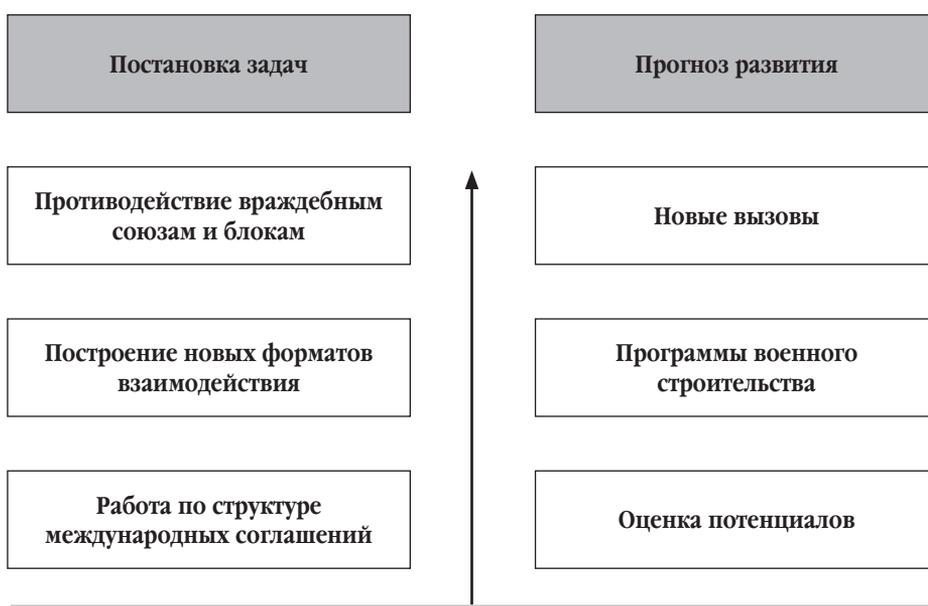

Рисунок 2. Прогнозирование и сценарное проектирование МО

В связи с этим очень важно изначально точно определить координаты того места, где мы сегодня реально находимся, ту «точку отсчета», от которой будет развиваться задуманный нами сценарий развития МО — ВПО — СО. Если эта «точка отсчета» будет оценена неверно, то ожидать развития в нужном направлении и нужными темпами задуманного сценария будет напрасно. Именно это произошло во второй половине 1980-х годов, когда задуманный Горбачевым—Яковлевым сценарий «перестройки» исходил из представления о «комфортном окружении», которое только и будет радеть за процветание СССР.

Сегодня точное определение «точка отсчета» имеет особое значение, потому что существуют как минимум две оценки. Одна — как временное, тактическое охлаждение отношений России со странами Запада. Другая — как фактическое вступление Запада в войну против России. Войну, естественно, XXI века, когда действия осуществляются системно, глобально, в долгосрочной перспективе, бескомпромиссно (то есть «на уничтожение»). Эта системная война и называется «сетевцентрической войной».

Эскалация этой сетевцентрической войны на Украине против России к весне 2015 года прошла все основные стадии «подготовительных» этапов такого рода конфликтов. По аналогии со Второй мировой войной, это период «странной войны» Франции и Великобритании после разгрома Польши.

Можно достаточно определенно прогнозировать то, каким образом в период после 2021—2025 годов будет развиваться сетевцентрическая война против России со стороны Запада, исходя из учета этого развития по отдельным этапам, часть из которых уже пройдена. Замечу, что рабочий алгоритм такой войны фактически уже существует. Более того, он совершенствуется не только в секретных документах, но и в открытых для общественности нормативных и иных актах³. Поэтому логические рассуждения о нем и действующую схему можно комментировать следующими конкретными примерами для наиболее важных этапов развития сетевцентрической войны. Естественно, что эта схема не является абсолютно выверенным алгоритмом; скорее, она определяет логический порядок развития сетевцентрической войны по отдельным этапам. В реальной схеме могут присутствовать и различные новые этапы и отсутствовать (быть «пропущенными») некоторые из указанных ниже.

Общий алгоритм эскалации сетевцентрической войны (на примере России до 2020 года и после 2021—2030 годов)

Заинтересованное(ые) государство(а)

1. Выбор одной-двух конкретных проблем из всего спектра проблем («слабого звена») в самоидентификации государства и системе его национальных ценностей.

³ См., например: Противопартизанские операции. Полевой устав Армии США. № 90-8AM. Wash., 1986.

Комментарий № 1: в качестве наиболее вероятных проблем для России, вероятно, будут продвигаться две: во-первых, «авторитаризм» (антидемократизм, антинародность) власти, «преступность» ее вертикали и т. п., а во-вторых, патриотизм (национализм) и культурная самоидентификация русской нации. Удобство параллельного выдвигания этих проблем заключается в их «абсолютной совместимости»: «авторитаризм бескультурья русских» — как главная формула борьбы против нации и государства.

Основные средства сетецентрической войны составляют весьма широкий спектр — от культурно-информационных методов до поставок самых современных вооружений и военной техники в «очаги сопротивления» русскому авторитаризму, попыток международной изоляции России и формирования против нее широкой коалиции не только в Европе, но и в мире. Особенное значение приобретает подготовка вооруженного гражданского «протеста» против власти, включая самые современные средства борьбы.

2. Длительное искусственное «выпячивание» и «развитие» этой проблемы, стоящей перед государством и нацией, превращение ее в «главную повестку дня» (по аналогии с борьбой против сталинизма и т. д.).

Комментарий № 2. В эту задачу до 2021—2025 годов (а «возможно, и ранее») входит окончательное создание угрозы со стороны виртуальной реальности идеи «русского авторитаризма», превращение этой частной идеи в угрозу, доминирующее представление в значительной части стран мира и в значительной части российского общества. «Ватники», «азиаты», «недочеловеки» и другие «нелюди» не заслуживают не только государства, но даже территории и ресурсов, которые там расположены.

Этот важный этап можно проиллюстрировать на рисунке следующим образом:

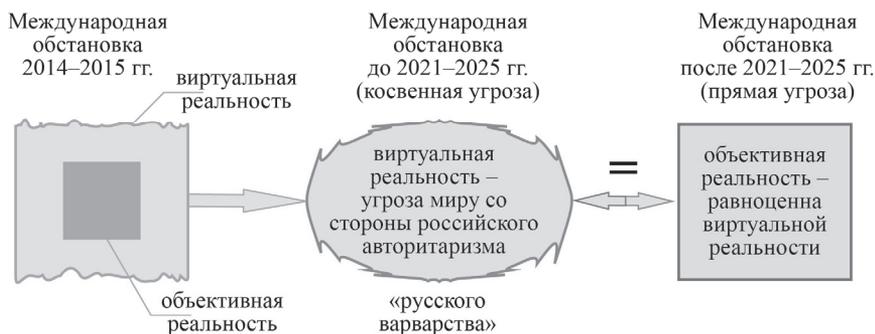

Рисунок 3. Создание виртуальной реальности «русского авторитаризма» и превращения его в международную угрозу на первом этапе сетецентрической войны (2014–2021 годы)

В итоге к 2021—2022 годам в общественном мнении на Западе должно сложиться доминирующее представление о «русской угрозе», «восточном варварстве» и т. п. образах, достаточно апробированных на современной Украине, где «ватники» и «бандиты» «угрожают европейскому выбору народа Украины».

Важно подчеркнуть, что эта угроза должна выглядеть абсолютно реальной и быть подкреплена не только действиями СМИ, но и «варварством российской оккупации», «неспособностью развивать демократические и рыночные институты», «агрессивностью» в отношении простых людей цивилизованных стран и, конечно же, обязательными ритуальными жертвами демократии.

3. Организация массовых антиправительственных выступлений населения.

Комментарий № 3. Первые попытки организации антиправительственных выступлений со стороны таких групп уже происходили в XXI веке. И не только на Северном Кавказе, но и в отдельных регионах, а также в Москве. Задачей подготовительного этапа (до 2021—2025 годов) сетецентрической войны является превращение этих выступлений в *обычное*, рядовое явление, придание им массового и агрессивного характера. В идеале необходимо создать крайне нестабильную общественно-политическую обстановку (подобную той, которая в 1991 году была создана в СССР), с тем чтобы дезориентировать элиты и общественное мнение.

При этом важно подчеркнуть, что традиционные средства вооруженной борьбы против протестующих оказываются малоэффективными. Внутренние войска и полиция должны быть обеспечены достаточным количеством таких средств, применение которых должно приводить к нужным результатам в противодействии массовым гражданским беспорядкам. События в Баку и Тбилиси в СССР, а затем и в Киеве в 2014 году продемонстрировали это самым очевидным образом.

Кроме развития специальных вооружений и военной техники, необходимо также создание специальных сил для борьбы с внутренними беспорядками, которые пока что ассоциируются только с внутренними войсками. Эти силы должны в полной мере получить разведывательные и контрразведывательные оперативные возможности, системы информации и связи, транспорта и т. д.

4. Организация первых жертв (псевдожертв) среди протестующих из числа демонстрантов.

Комментарий № 4. Следующий этап в сетецентрической борьбе с противником наступает после появления первых жертв, которые мгновенно становятся «сакральным знаменем» борьбы. Это хорошо видно на примере всех «цветных революций» — от Сирии и Турции до Украины с ее «небесной сотней». Первые жертвы означают, что накопленные вооружения и военная техника становятся морально оправданным летальным средством борьбы и, более того, ведения военных действий. Различное нелетальное оружие и ВиВТ могут и даже уже используются еще до появления публичных жертв, однако их использование еще не узаконено в нравственном и даже правовом пространстве. Появление первых жертв дает информационный и моральный повод для перехода на силовую ступень эскалации.

5. Призыв к «мировому сообществу» не допустить геноцида правительством народа, общества, нарушения демократических прав и свобод.

Комментарий № 5. Классический пример такой политики — поведение США и их союзников в ЕС накануне военного переворота в Киеве в феврале 2014 года, когда они ультимативно заставили В. Януковича отказаться от защиты своих полномочий и борьбы за власть. Целью таких действий является ограничение степени возможного противодействия со стороны власти. Причем речь идет не только о власти в целом, но и об отдельных ее представителях. Так, президент может занимать неуверенную позицию, а силовые министры бездействовать, ожидая письменного приказа.

«Призыв» к мировому сообществу означает фактический ультиматум власти — угроза политического преследования, репрессий по отношению к родственникам за границей, арест активов и т. д.

6. Террор против представителей государственной власти.

Комментарий № 6. На этапе эскалации конфликта очень важны общий психологический фон и угрозы физического террора против представителей власти и членов их семей, которые, как правило, не защищены от внешнего силового воздействия. Угрозы по телефону, расклейка угрожающих листовок и плакатов, наконец, хулиганские действия против родственников оказываются очень эффективным средством воздействия. Достаточно сказать, что на Украине все родственники бойцов «Беркута» оказались на учете оппозиции и подверглись внешним угрозам.

Эти угрозы очень быстро перерастают в открытый террор против представителей власти — поджоги квартир и машин, стрельба становятся нормой и средством прямого физического воздействия.

7. Дискредитация и разрушение органов государственной власти в городах, районах, регионах страны.

Комментарий № 7. Этот этап предполагает захват органов государственного управления, связи, СМИ и других важнейших объектов, лишение власти функций реального управления, которые так или иначе связаны с офисом и системами связи. Возможно как блокирование (изоляция) органов власти по аналогии с Верховным Советом РФ в сентябре—октябре 1993 года, так и прямой захват органов управления, который произошел на Украине в феврале 2014 года.

8. Ухудшение экономического положения населения.

Комментарий № 8. Борьба за власть и контроль над органами управления неизбежно ведут к дезорганизации экономической жизни страны. Причем сознательно применяются меры, вполне диверсионные по своему характеру. Так, один из старших офицеров управления по борьбе с экономическими преступлениями КГБ СССР (!) организовывал шумевшую забастовку в Кузбассе. Позже, в начале 1990-х годов, этот подполковник «всплыл» в США уже как гражданин этой страны.

Без серьезного ухудшения общеэкономической ситуации массовые протесты не продержатся долго. Нужны «пустые полки» (как в СССР в 1991-м), чтобы не хватало детского питания, чтобы дефицит был повсе-

местным. Организация искусственного дефицита, кстати, — особенная тактика, связанная не только с дезорганизацией торговли, но и прямым уничтожением продуктов питания и массового потребления. Так, в одном из регионов страны в 1991 году хранились запасы детского питания, предназначенные чуть ли не для всей страны, а в другом — сахара, муки и ряда других продуктов.

9. Организованное вооруженное сопротивление органам государственной власти.

Комментарий № 9. Переход к организации систематического вооруженного сопротивления государственной власти происходит, как правило, очень незаметно. Так, в 1991 году мною и моими коллегами была издана специальная работа, посвященная незаконным вооруженным формированиям на территории СССР. Нам удалось насчитать к началу 1991 года несколько сотен проявивших себя незаконных вооруженных формирований, насчитывавших десятки тысяч человек. Другими словами, эта военно-политическая реальность, влиявшая в решительной степени на политику элит («Винтовка рождает власть», — как говорил Мао Цзэдун), отнюдь не афишировалась в политическом дискурсе и СМИ.

Аналогичная ситуация произошла в феврале 2014 года на Украине, когда «вдруг» не только в Киеве, но и в других регионах появились вооруженные (и обученные) отряды оппозиции, которые смогли противостоять профессионалам МВД и СБУ.

Важно отметить, что на этом этапе уже происходит «размывание» силовых структур, которые в той или иной степени начинают ориентироваться на оппозицию. Поэтому, несмотря на наличие у них всей оперативной информации о деятельности оппозиции, они не дают ей хода, как правило, из-за политической позиции своего непосредственного руководства.

Следующие (10—16) этапы развития алгоритма действий по разрушению государства не нуждаются в комментариях в силу их очевидности; поэтому ниже я дам пояснение лишь к 17 этапу, связанному с формированием «марионеточного правительства».

10. Формирование миграционных потоков беженцев как внутри страны, так и за границу.

11. В случае жизнеспособности государства — организация гуманитарной катастрофы.

12. Призыв к действующим представителям законодательной и исполнительной власти государства к массовому переходу на сторону оппозиции.

13. Террор против представителей проправительственной интеллигенции.

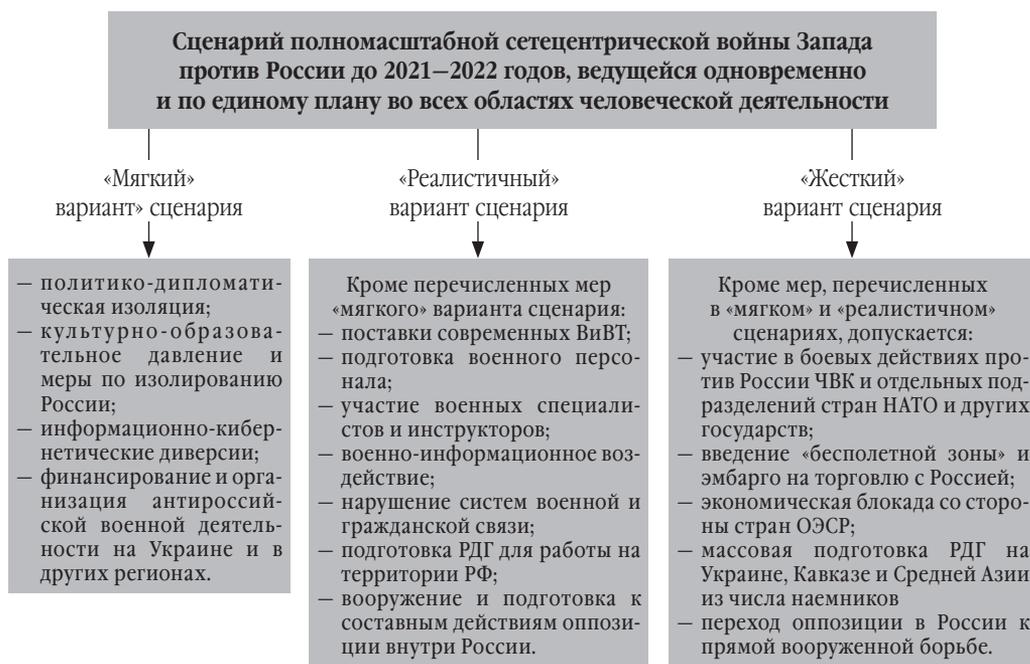
14. Обвинения правящего режима в чрезмерной и неадекватно жесткой реакции правительства на «мирные» требования «населения».

15. Призыв к «мировому сообществу» признать антинародным и незаконным действующее правительство.

16. Признание и получение руководителями оппозиции права на зарубежные активы государства на фоне экономической блокады действующей власти.

17. Формирование «марионеточного» правительства, способного вести враждебные военные действия.

Комментарий № 10. Смысл «марионеточного правительства» — выполнить поставленную внешними силами задачу по разрушению государства и дезинтеграции нации либо использовать это государство в других целях, например, войны против третьих стран. По сути дела, такое квази-правительство, управляемое извне, является «облачным противником» для России: формально с ним поддерживаются дипотношения, ведутся переговоры, учитывается его позиция и т. д. На самом же деле им манипулируют неизвестные силы и (что очень опасно!) в неизвестных целях. Можно констатировать, что к весне 2015 года эскалация сетецентрической войны на Украине прошла все эти стадии и перешла к последующим этапам военно-технического развития. При этом дальнейшее развитие до 2021 года сценария сетецентрической войны может идти по следующим трем вариантам (если, конечно, не произойдут радикальные цивилизационные катаклизмы и столкновения, что теоретически вполне возможно, но практически — политически маловероятно). На рисунке можно показать логическую схему развития этих трех вариантов сценария.

Ответные действия РФ должны предполагать систему мер противодействия, аналогичных, как минимум, по своему характеру средствам воздействия. В области ВиВТ это предполагает создание и производство в массовом масштабе средств противодействия вооруженному гражданскому противостоянию, а в области строительства военной организации государства — создания специальных сил (или переподготовка внутренних войск МВД РФ на качественно новом уровне)

Рисунок 4. Логическая схема развития сценария сетецентрической войны против России до 2021–2022 годов

После 2021 года вероятность перехода МО и СО в военную стадию масштабного конфликта России с Западом будет весьма высока. Надо исходить из того, что современный сценарий развития МО — ВПО — СО означает лишь начальную стадию сетецентрической войны против России, которая в конечном счете характеризуется:

- идеологической, цивилизационной и политической бескомпромиссностью (что исключает благостные надежды на объятия Запада);
- конечными военными целями «на уничтожение», а не на заключение перемирий и договоренностей (и не предполагает «цивилизованного» использования оружия, как показали события на Украине);
- разрушением цивилизации, нации и уничтожением государства.

Необходимо констатировать, что до 2021—2022 годов развитие сетецентрической войны Запада против России пройдет как минимум несколько этапов, характеризующихся вооруженным противостоянием, а именно:

- поставки на Украину «марионеточному правительству» современных вооружений и военной техники в легальном режиме и достаточного количества инструкторов для обучения соответствующего персонала;

- ввод ограниченного контингента войск НАТО в ключевые стратегически значимые точки страны;

- полное воздушно-космическое обеспечение боевых действий, а также возможный перевод конфликта в формат «бесполетной зоны»;

- военно-политические и экономические меры давления и др.

Эти действия будут осуществляться в рамках описанных выше трех вариантов одного и того же сценария сетецентрической войны против России. К сожалению, теоретически возможный сценарий развития МО в «переговорно-договорном» ключе означает, что Россия должна будет:

- отказаться от поддержки не только восточных регионов Украины, но и вообще «Русского мира» за пределами своих границ;

- резко снизить свои амбиции в Сирии, Египте, Вьетнаме, Арктике и других стратегически значимых регионах;

- (главное!) публично признать американское мировое лидерство, систему ценностей и выразить готовность впредь следовать этому курсу.

Это означает отказ не только от остатков суверенитета, но и от всей системы национальных интересов и ценностей, а в дальнейшем — и от государственности и национальной идентичности. Это будет не просто военное поражение, а полный и окончательный национальный разгром.

К счастью, такое развитие событий крайне маловероятно; поэтому наиболее правдоподобным остается прежний реалистический сценарий сетецентрической войны, который, напомним, может быть реализован в трех вариантах.

В соответствии с этими вероятными вариантами развития сценария МО — ВПО — СО против России необходимо, прежде всего, предусмотреть все возможные меры и средства, которые могут быть использованы

противником в этих вариантах сценария сетецентрической войны, — от психологических и информационных до силовых и вооруженных. Очевидно, что их будет немало. Подготовку и применение таких мер необходимо тщательно проанализировать под углом зрения возможных силовых, в том числе военных способов ведения сетецентрической войны, а также вероятных силовых невооруженных средств (от обычных палок и листовок до оружия). Так, например, против России как нации и государства будут использованы прежде всего новые тактические приемы и средства, противодействие которым не проработано ни в соответствующих правоохранительных и военных структурах, ни в ведомствах, отвечающих за их техническое оснащение.

Некоторые военные эксперты, например, выделяют целый ряд приемов демонтажа государства (замечу, что эти выводы нуждаются в дополнительной проверке). Это наглядно представлено в публикуемой ниже таблице.

Таблица

**Тактические приемы начального этапа демонтажа государства
(один из возможных перечней, предложенных И. М. Поповым и М. М. Хамзатовым)**

1. Шествия, голодовки, беспорядки и акты вандализма.
2. Террор против представителей силовых структур.
3. Организация хаоса в государственном управлении.
4. Организация массовой миграции населения и появления лагерей беженцев:
 - террор против населения с целью развязывания межконфессиональной войны или войны по любому другому признаку;
 - диверсии на объектах электро- и газоснабжения населения;
 - уничтожение продовольствия в том или ином районе страны;
5. Нападения на силовые структуры из густозаселенных районов (в густозаселенных районах).
6. Уничтожение промышленного потенциала государства, что в условиях внешнего эмбарго ведет к снижению боевых возможностей силовых структур.
7. Запугивание (уничтожение) представителей проправительственных СМИ и духовных лидеров.
8. Жесткие карательные операции против членов семей представителей силовых структур и других органов законной власти.
9. Уничтожение потенциала силовых структур «распылением» их усилий по территории всей страны и последовательным массовым уничтожением мелкими группами отдельных подразделений войск.

Кроме того, надо понимать, что совершенно новое качество приобретают негосударственные субъекты МО и ВПО — такие, например, как «Правый сектор» или ИГ, которые становятся новым фактором в ведении военных действий. Так, в настоящее время «Исламское государство» (ИГ), как пылесос, засасывает в орбиту своего влияния десятки тысяч местных суннитов, отмечают исследователи МГИМО(У), а также боевиков из других исламистских организаций и адептов джихадизма из-за рубежа. По данным американских спецслужб, более одной тысячи боевиков пополняют ряды ИГ ежемесячно, а общее число иностранцев,

воюющих на стороне организации, составляет сейчас 16 тысяч человек. По информации западных СМИ, к армии новоявленного «халифата» примкнуло около 3 тысяч граждан из Европы, США и республик бывшего СССР, в том числе из России, в основном из Чечни⁴.

Необходимо разработать способы противодействия этим мерам, которые должны быть не только адекватными, но и эффективными, а также политически приемлемыми. Военное искусство столетиями разрабатывалось для ведения войн — от локальных до мировых; но оно очень мало знает о системных войнах сетецентрического характера, когда вооруженная борьба смыкается с политико-идеологическими диверсиями, когда в качестве вооруженных подразделений выступают гражданские формирования и т. п.

Мы сегодня должны говорить уже не только о развитии военного искусства — стратегии, оперативного искусства и тактики, его теории и практики, изучения опыта военачальников и т. д., но об искусстве ведения сетецентрической цивилизационной борьбы за выживание нации.

Мы должны разработать соответствующие средства противодействия таким акциям, с тем чтобы у защитников государства, помимо саперных лопаток и автоматов, были эффективные средства борьбы, включая соответствующие вооружение и военную технику, которые должны быть уже включены в государственный заказ до 2021—2022 года. Сегодня таких средств практически нет, если не вспоминать о резиновых палках и наручниках. Между тем нужен широкий спектр таких средств — от индивидуального оснащения военнослужащего (и ополченца) до средств вооруженной борьбы для целых подразделений и даже целых воинских частей. Как, например, вы будете реагировать, если с территории Украины к Крыму приплывут сотни и тысячи гражданских судов, на которых будут находиться формально гражданские лица?

Необходимо также предусмотреть вероятность полномасштабного, глобального вооруженного развития сценария МО — ВПО — СО после 2021—2022 годов, с тем чтобы совершенствовать как соответствующие способы вооруженного противодействия, так и средства прежде всего вооружения, военную технику, включая военно-космические и ядерные.

В заключение замечу: время не ждет! Его уже и без того осталось совсем немного. А ставка чрезвычайно велика. ◆

⁴ См. Феномен «Исламского государства» и борьба с ним: правовые, социально-экономические и политические аспекты. Аналитическая записка / подгот. А. В. Федорченко, А. В. Крыловым. М., 2015. Март. С. 3.

Конфронтационное партнерство

И что же век тебе принес?
Безумие и опыт.
Быть или не быть — таков вопрос,
Он твой всегда, Европа.

Юрий Кузнецов

Программа «Восточное партнерство» (ВП) вряд ли бы стала предметом пристального внимания как ученых, так и политиков, если бы не тяжелейший кризис, разразившийся по итогам неподписания Украиной соглашения об ассоциации с ЕС в ходе Вильнюсского саммита 28—29 ноября 2013 года. Государственный переворот и последовавшие за ним события, триггером которых во многом и стал саммит ВП в Вильнюсе, обернулись катастрофой не только для восточной политики ЕС. Произошла разбалансировка всей системы международных отношений, что может привести к эскалации напряженности уровня Карибского кризиса 1962 года.

Украина как *casus belli*

Необходимо отметить, что конфликтогенное наполнение программа, направленная на шесть республик бывшего СССР — Азербайджан, Армению, Белоруссию, Грузию, Молдову и Украину, получила уже в момент своего рождения. В мае 2009 года на первом, Пражском, саммите ВП по инициативе Польши и Швеции была обозначена цель «ускорения политического объединения и углубления экономической интеграции между ЕС и странами Восточной Европы и Южного Кавказа»¹. Позднее, 13 декабря 2010 года, на встрече министров иностранных дел ВП была особо подчеркнута «стратегическая важность партнерства как способа

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна — профессор МГИМО(У) МИД РФ, доктор политических наук.
РУДОВ Георгий Алексеевич — Чрезвычайный и Полномочный посол РФ, профессор, доктор политических наук.

Ключевые слова: Европейский Союз, «Восточное партнерство», Россия, украинский кризис, мировая политика, мировая экономика, постсоветское пространство, Украина, Литва, европейское единство.

¹ Восточное партнерство: путь к стабильности и процветанию. — www.enpi-info.eu/files/interview/eastern%20partnership_RU.pdf

углубления и укрепления отношений между ЕС и странами-партнерами, ускорения их политической ассоциации, экономической интеграции и приближения к ЕС»². Помимо этого, акцент делался на «расширение пространства действия европейских ценностей и законов через принятие странами-партнерами законодательных норм и правил ЕС»³.

Такой подход серьезным образом обострил системные противоречия, копившиеся весь постсоветский период развития Украины, на которую и была сделана ставка Вильнюсом во время председательства Литвы в ЕС (1 июля—31 декабря 2013 года). В результате именно Вильнюсский саммит ВП в ноябре 2013-го, за неделю до которого украинское правительство, сославшись на объективные причины, — необходимость разработки финансово-экономических механизмов помощи Украине при переходе на новую стадию евроинтеграции, — приостановило процесс подготовки к подписанию ассоциации с ЕС, стал детонатором кризиса. В связи с этим стоит напомнить, что Азербайджан также отказался подписать в ноябре 2013 года соглашение об ассоциации с ЕС, мотивируя это, по сути, так же, как и Киев. Об этом официально заявил зам. главы администрации президента республики Н. Мамедов: «Мы не сможем принять предлагаемое соглашение об ассоциации. Мы хотим подготовить документ, более адекватно отвечающий уровню наших отношений и сотрудничества с Евросоюзом»⁴. Однако такое решение Баку не вызвало активного противодействия со стороны ЕС и США, а вот против Киева были предприняты самые радикальные действия.

Брюссель и ведущий внерегиональный игрок — Вашингтон с самого начала евромайданного кризиса, разразившегося в конце 2013 года, «выразили однозначную симпатию протестующим против действующего правительства»⁵. После смены власти 22 февраля 2014 года именно Вашингтон оказал политическую и экономическую поддержку новому руководству в Киеве, а если говорить прямо, что и отметил министр иностранных дел России С. В. Лавров в своем выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности 7 февраля 2015 года, — США самым непосредственным образом поддержали государственный переворот. При этом Штаты выступили архитектором дипломатического и санкционного давления на Россию, которую, как только развитие ситуации пошло не по вашингтонскому сценарию, обвинили в попытках подорвать территориальную целостность Украины. Более того, с лета 2014 года США фактически свернули свое участие в попытках международного урегулирования кризиса. Раз за разом Запад «выдавал индульгенции киевским властям, которые вместо выполнения обещаний о начале общенационального диалога начали масштабную военную операцию,

² Восточное партнерство: путь к стабильности и процветанию.

³ **Винокуров Е. Ю., Кулик С. А., Спартак А. Н., Юргенс И. Ю.** Тулик борьбы интеграций в Европе. М.: ИНСОП, 2014. С. 8. — www.insor-russia.ru/files/INSOR20140620.pdf

⁴ См. www.km.ru/world/2013/11/25/evropeiskii-soyuz-es/726011-azerbaidzhan-otkazalsya-ot-assot-siatsii-s-evrosoyuzom

⁵ **Истомин И.** Новая роль США в украинском кризисе? Возможности и ограничения для России. — http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5182&active_id_11=51#top

объявив “террористами” своих граждан, не согласных с антиконституционной сменой власти и разгулом ультранационалистов»⁶. Все действия наших заокеанских контрагентов и их европейских последователей изначально были направлены на эскалацию кризиса.

В оценке роли США в украинском кризисе весьма показательны и интервью Б. Обамы, данное Ф. Закарии для CNN 1 февраля 2015 года. В частности, Обама проговорился, что «мы (США. — *Е. П., Г. Р.*) выступили посредником в переходе власти на Украине...». Иными словами, Вашингтон больше не стесняется говорить о своих намерениях и попытках сменить неудобные власти в странах по всему миру. Более того, в рассказе о дальнейших планах Вашингтона Обама высказался за однозначное продолжение так называемого двухстороннего курса, что означает «усиление давления на Россию и укрепление Украины»⁷.

Итак, организация и действия так называемого Евромайдана, который согласно риторике новых киевских властей называется теперь «Революцией достоинства», привели не только к государственному перевороту в Киеве, но и масштабному противостоянию между Россией, с одной стороны, ЕС и США — с другой. «Будущее Украины перестало быть собственно украинским делом, превратившись, скорее, в повод, контекст для глобального переустройства геополитической системы координат»⁸.

В таких условиях потребность незамедлительного и внимательного пересмотра не только концептуальной основы, реального наполнения и главенствующих мотиваций ВП, стратегий ключевых и солидаризирующихся игроков этой европейской инициативы, но и отношения к ней на всех уровнях российской внешней политики объективна и закономерна. Еще одним усиливающим внимание к ВП фактором является парадигма создания общего гуманитарного и экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, а точнее — (не) перспективы и (не)возможности ее реализации.

«Восточное партнерство»: удушение в объятиях?

Изначально программа ВП была лишь одним из направлений общей Европейской политики соседства (ЕПС). Данная политика после масштабного расширения ЕС в 2004 году предлагала привилегированный характер отношений Евросоюза с новыми соседями, который, по сути, не имел четких нормативных очертаний, но нес риторику распространения европейских ценностей и законодательных нормативов на соседние страны. В то же время ЕПС не гарантировала предоставления им перспективы присоединения к Евросоюзу на основе полноправного членства.

⁶ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе дискуссии на 51-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 7 февраля 2015 года. — www.mid.ru/brp_4.nsf/0/5E26BDE162FEC0E643257DE5004B5FE0

⁷ См. <http://edition.cnn.com/videos/tv/2015/01/31/exp-gps-obama-sot-putin.cnn/video/playlists/fareed-zakaria-interviews-president-obama/>

⁸ **Гаман-Голутвина О. В., Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н.** «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития // Полис. 2014. № 5. С. 20.

Тем не менее, с момента своего запуска на Пражском саммите в 2009 году программа ВП была направлена на наращивание экономического, политического и культурного влияния ЕС в странах восточного приграничья в противовес российскому влиянию. По словам С. В. Лаврова, «программа “Восточное партнерство” с самого начала вопреки нашим предупреждениям и предостережениям развивалась келейно, и стало ясно, что она была задумана на основе логики игр с нулевым результатом, как инструмент противодействия интеграционным процессам с участием России»⁹.

Такая политика не только серьезным образом осложнила региональное взаимодействие и создала зону отчуждения, нестабильности, но и сформировала «континентальный разлом»¹⁰. Украине в процессе обнуления российского влияния на постсоветском пространстве отводилась ключевая роль. Это касается как политических, так и экономических параметров. Причем о последствиях «разлома» младореформаторы европейского пространства предпочитают вообще не говорить.

Междутем масштаб вероятных потерь для Украины от снижения торгово-экономических отношений с Россией и Таможенным союзом, по данным на июнь 2014 года, эксперты Института современного развития (ИНСОР) оценивали в 33 миллиарда долларов на годовом уровне, или 19 процентов украинского ВВП в 2013 году. При анализе учитывалось возможное снижение экспортной выручки, привлеченных инвестиций и миграционных доходов, повышение цен на газ и сокращение трубопроводного и иного транзита, свертывание кооперационных связей и другие последствия «объятий» Евросоюза. В полном объеме реализация «шокового» сценария для российско-украинских отношений, по мнению ИНСОРа, могла стоить Украине более 100 миллиардов долларов. Сегодня очевидно, что это был лайт-прогноз. Потери Украины по итогам полномасштабной войны на юго-востоке страны и открытой конфронтации с Россией, которая ведет к практически полному обнулению экономических связей (за исключением энергетики и то — пока), исчисляются совсем в других цифрах.

Справедливости ради нужно сказать, что катастрофически выглядели как краткосрочные, так и долгосрочные перспективы для Украины сразу после государственного переворота. Весной—летом 2014 года эксперты полагали, что необходимый объем финансирования дефицита текущего платежного баланса для обеспечения устойчивости экономики страны в 2015—2018 годах будет составлять 85 миллиардов долларов в инерционном сценарии. Потребности развития, по их мнению, требуют на порядок большего финансирования: 190 миллиардов долларов до 2019 года для обеспечения необходимой капитализации экономики и 300 миллиардов долларов для преодоления структурных диспропорций в экономике, накопленных за последние 20 лет¹¹.

⁹ Лавров: Россия готова к консультациям с Евросоюзом. — www.rg.ru/2014/04/11/konsultacii-site.html

¹⁰ См. **Винокуров Е. Ю., Кулик С. А., Спартак А. Н., Юргенс И. Ю.** Тупик борьбы интеграций в Европе. С. 5.

¹¹ См. там же. С. 6.

Такие гигантские цифры взяты не с потолка. Экономические потери Украины только в результате переориентации с РФ на ЕС определены целым рядом факторов. Назовем лишь некоторые. Так, наиболее значимым оказался ущерб Украины от сокращения экспортных поставок Украины в Россию и другие страны Таможенного союза (ТС). До кризиса в географической структуре экспорта Украины страны ТС занимали первое место среди групп стран, имея удельный вес в 2010—2013 годах около 30—35 процентов. Страны ЕС выступают вторым по значимости партнером Украины по экспорту: их доля до кризиса составляла 25—26 процентов.

Однако дело не столько в 10-процентной разнице, сколько в том, что Россия выступала крупнейшим контрагентом Украины в экспорте, в разы опережая любую другую страну. Эксперты ИНСОП фиксировали, что в 2013 году на Россию пришлось 24 процента экспорта Украины, тогда как на Турцию, второго по значимости партнера, — только 6 процентов, на Китай и Египет — по 4,3 процента, на Польшу — 4 процента. При этом доля России в экспорте Украины достигала 29 процентов, а по ряду товаров и товарных групп доходила до 70—80 процентов.

Так, в 2013 году в экспорте Украины на Россию пришлось 82 процента полиграфической продукции, 71 процент бумаги, картона и изделий из них, 65 процентов спиртных напитков, 61 процент транспортных средств (в том числе 71 процент железнодорожной техники и 46 процентов автотехники и комплектующих), 58 процентов шоколадных изделий, 55 процентов молочной продукции, 53 процента изделий из камня, керамики и стекла, 48 процентов машин и оборудования, 46 процентов мяса, 44 процента плодоовощной продукции, 40 процентов мебели, 39 процентов химических товаров (кроме удобрений), 33 процента изделий из черных металлов¹². Потеря для Украины рынков стран ТС и российского прежде всего сравнима с катастрофой еще и потому, что возможности по переориентации поставок данной продукции на другие национальные рынки весьма ограничены, если не отсутствуют.

В настоящее время на фоне практически полного уничтожения инфраструктуры юго-востока Украины и полной разбалансировки экономики страны в целом вряд ли актуален разговор о «накопленных за последние 20 (напомним — мирных) лет структурных диспропорциях». Если же посмотреть на цифры, то, по словам А. Яценюка, Украина из-за ситуации на Донбассе уже потеряла 20 процентов своей экономики, а внешний госдолг страны достиг 30 миллиардов долларов, что по курсу на конец года составляло 30 процентов ВВП. Кроме того, в 2015 году Киев должен погасить долги на 11 миллиардов долларов. При этом золотовалютные резервы Киева не превышают 6,5 миллиарда долларов¹³. И это — официальные цифры. Реальность гораздо страшнее. Как верно отметил М. Г. Делягин, «украинская экономика исчезает и будет исчезать дальше, она нежизнеспособна». В этом — одна из главных причин

¹² См. там же. С. 57—67.

¹³ См. <http://lenta.ru/news/2015/02/27/yatsenyuk/>

войны. «Это единственный способ контролировать 30 миллионов человек, которым нечего есть. Война нужна не для победы, а чтобы отвлечь людей от текущей ситуации. Показывая при этом, что все очень хорошо, в страну приходят иностранные инвестиции, идет успешная борьба с инфляцией и прогрессивные реформы в экономике»¹⁴.

Такие колоссальные потери не сможет покрыть ни одна не то что европейская, но и мировая программа. Если же посмотреть на возможности ВП, то они весьма и весьма ограничены.

Таблица

Размер ассигнований со стороны ЕС странам ВП (2010–2013 годы)

Страны «Восточного партнерства»	Размер ассигнований (евро)
Азербайджан	82,5 млн
Армения	186,8 млн
Белоруссия	73,1 млн
Грузия	239,9 млн
Молдова	366,6 млн
Украина	526 млн

Источник: **Офицеров-Бельский Д.** Стратегия и идеология в проекте ЕС «Восточное партнерство». С. 7. — www.foreignpolicy.ru/uploads/banners/3/Ofitserov-Belskiy%20D.%20Eastern%20Partnership%20February%202014.pdf

При этом бюджет «Восточного партнерства» до 2013 года составлял лишь 600 миллионов евро, что сложно считать высоким уровнем финансирования. Тем более, если соотнести эту сумму с амбициозными целями программы и количеством стран, включенным в нее. А на фоне тех убытков, которые, в частности, Украина несет уже сейчас и понесет в будущем, евроассигнования вообще сложно будет заметить в процессе коллапса всей украинской экономики.

Объем финансирования ВП на период 2014–2020 годов, судя по всему, будет находиться на уровне предыдущего периода. Это также характеризует внимание к восточной политике и экономические возможности, которые сейчас существуют в ЕС для ее реализации. Поэтому очевидно, что экономический контекст уже сегодня является сдерживающим фактором «Восточного партнерства». В случае прогнозируемого рядом экспертов ухудшения в ближайшем будущем экономической ситуации внутри самого ЕС данное обстоятельство станет серьезной преградой для некоторых вариантов развития программы ВП. В то же время нельзя снимать со счетов и тот факт, что сама программа может быть использована как эффективный инструмент достижения экономических целей как ЕС, так и ТНК¹⁵.

Очевидно, что, если кто-то теряет, то кто-то приобретает. Что же касается Украины, то главными бенефициариями продолжающегося кризи-

¹⁴ **Деягин М. Г.** Голодомор вернется на Украину в этом году. — <http://delyagin.ru/articles/84669-golodomor-vernetsya-na-ukrainu-v-yetom-godu.html>

¹⁵ См. **Гаман-Голутвина О. В., Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н.** «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития. С. 30.

са являются транснациональные игроки, которые получили доступ к ресурсам (по бросовым ценам) и рынкам сбыта. Национальные интересы Украины при таком раскладе не учитываются вообще. Причем, если для поддержания социальных программ и процессов реформирования украинской экономики средства будут выделяться из бюджета ЕС, то есть поступать от налогоплательщиков Евросоюза, то интернационализировать ресурсы будут ТНК. В связи с этим вспоминаются слова У. Бека, который с присущим ему сарказмом писал: «...что хорошо для “Дойче-банка”, давно уже нехорошо для Германии. Транснациональные корпорации выходят из национально-государственных рамок и де-факто расторгают договор о лояльности с институтами национального государства»¹⁶.

Что же касается ситуации внутри ВП, то Украина полностью затмила Молдавию, которая до Вильнюса рассматривалась некоторыми экспертами в качестве фаворита ЕС. Действительно, малый размер страны и фактическая рас-

«Ценностная дипломатия» рассматривается как инструмент по повышению внешнеполитической роли Японии в Тихоокеанской Азии, формированию вокруг японских границ стабильной международной среды, а также как элемент системы обеспечения безопасности, служащий дополнением союзу с США. При этом американский фактор играет ключевую роль.

продажа всего и вся европейским компаниям располагали к «относительно легкому ее поглощению Евросоюзом»¹⁷. Однако Молдавия по статусу и значению несравнима с Украиной, поэтому и не могла стать «историей успеха» даже в формате «Восточного партнерства». Собственно, поэтому подписание ею (как и Грузией) соглашения было воспринято достаточно спокойно как в экспертном сообществе, так и в политических кругах ЕС. Тем не менее, российская внешняя политика не может сбрасывать со счетов даже такой малый «утешительный» приз еврочиновников, так как ассоциация с ЕС бывших республик СССР непосредственным образом отражается на двусторонних отношениях России и новых независимых государств.

Помимо экономических факторов евроинтеграции, в этом процессе активно задействованными оказываются факторы позиционирования младоевропейцев, среди которых ключевая роль по втягиванию в

¹⁶ Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 19.

¹⁷ Waal T. EU Expansion: Dead in the Water? // The National Interest. April 12. 2011.

орбиту ЕС новых партнеров принадлежит Польше и странам Балтии. У этих стран благодаря ВП появилась редкая возможность выступать с инициативой и собственным мнением (как минимум на стадии вынесения предложений) на европейской арене. «Молодые государства Европы смогли почувствовать себя “еврограндами” по отношению к еще более новым, пока только возможным “европейцам”. Думается, правильное даже говорить об общей активизации внешней политики в условиях, когда направленность усилий в отношении “буферной зоны” в лице еще не аффилированных с Западным сообществом государств оставалась, пожалуй, единственной перспективной и просто свободной нишей»¹⁸.

Оценивая активность Польши и стран Балтии, следует, во-первых, помнить, что они не столько реализуют общеевропейские интересы, сколько являются проводниками американских. Во-вторых, их деятельность справедливо рассматривать в связи с официально принятой администрацией США концепцией «геополитического плюрализма», в рамках которой новый союзник в Восточной Европе, по мнению американской стороны, располагает «набором средств, необходимым для того, чтобы затормозить интеграционные процессы в СНГ»¹⁹. В данном контексте следует согласиться с выводом экспертов Российской ассоциации политической науки (РАПН) о том, что «страны Вышеградской группы будут и дальше использоваться в евроатлантической стратегии как вершина треугольника вклинивания в пространства бывшего СССР»²⁰.

В-третьих, нужно четко понимать, что сначала Польша, а затем Литва как новые «еврогранды» формируют свой курс по принципу антитезы всему российскому и впредь будут создавать «зону отчуждения» от России. Агрессивная русофобская риторика как часть националистической идеологии прибалтов стала привычной составляющей «Восточного партнерства», более того — одним из надежных его движителей.

Отдельного и особо пристального внимания заслуживает институционализация, легализация и легитимация неонацистских структур в «Новой Европе», которые главным врагом в дихотомии «свой — чужой» видят исключительно русских. Возможно, что небывалая поддержка политики киевских властей и ее карательных неонацистских батальонов со стороны новых «еврограндов» определена тем, что нацистский вирус уже давно поразил страны Балтии. И в организаторах и приверженцах «Свободы» и «Правого сектора» они видят единоверцев. Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что польско-балтийский сегмент ВП в силу своей русофобии и американоцентризма является одним из потенциальных источников нестабильности в самом Евросоюзе, поскольку постоянно нагнетает напряженность в отношениях с Россией.

¹⁸ Арляпова Е. С. Национализм — друг и враг «Восточного партнерства» // Международная жизнь. 2014. Сентябрь. С. 86.

¹⁹ Кучинская М. Новая парадигма польской восточной политики // Pro et contra. 1998. Т. 3. № 2. С. 20.

²⁰ Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н. Председательство Латвии в ЕС—2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией: аналитический доклад / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: РАПН, 2014. С. 31.

Что же касается России, то она так или иначе оказывается вовлеченной в любые политические инициативы ЕС, являясь, по сути, неучастующим участником ВП. Однако «отводимая России роль незавидна и варьирует в амплитуде от игнорирования по причине ее слабости до боязни по причине ее силы»²¹. Так или иначе, но вспоминаются слова А. С. Пушкина: «Европа в отношении России была всегда столь же невежественна, сколь и неблагодарна»²².

Вне зависимости от того, как воспринимают Россию, как слабого или как сильного игрока, — необходимо серьезно и взвешенно оценивать любые инициативы ЕС, в том числе и исходящие от стран «второго эшелона». Несмотря на явное поражение инициаторов ВП на Украине²³, стоит признать, что, пусть даже при неформальной поддержке США, «малые нации» смогли добиться выгодной для себя динамики политических процессов на постсоветском пространстве: не только элитные группы новых независимых государств Евразии, но и определенная часть их населения стремятся в ЕС и не желают видеть тяжелейших социально-экономических последствий такого сближения.

Стратегическое планирование предполагает четкую оценку реального положения дел. В случае с ВП необходимо знать, что по мере роста российского фактора в мировой политике задачи сдерживания нашей страны, поставленные кураторами перед новыми «еврограндами», серьезным образом актуализировались. Поэтому стратегия ускорения политического сближения и экономической интеграции с ЕС бывших советских республик, вне всякого сомнения, должна быть оценена как стремление достижения «доминирования на пространстве Северной Евразии и подчинения себе политики вышеназванных государств, в том числе в случае необходимости — посредством дестабилизации пространства»²⁴. Именно такое развитие событий мы наблюдаем сегодня.

Анализируя ВП, следует также помнить, что данная программа, как и ее конкретные саммиты (несмотря на провалы), решают очень важную задачу — являются поводами в информационной войне против России. Это очень важный момент, который ни в коем случае не должен быть упущен в оценке и планировании внешнеполитической деятельности.

²¹ Арляпова Е.С. Национализм — друг и враг «Восточного партнерства». С. 80.

²² Цит. по: Куняев С. Ю. «И бездны мрачной на краю...». М.: Голос-Пресс, 2014. С. 138.

²³ Важно отметить, что оценка Вильнюсского саммита как провального дается не только в отечественной литературе и СМИ. Так, наиболее критично по этому вопросу высказывались Financial Times, The Independent и The Economist (см.: Attention will shift to domestic issues in 2014 // The Economist. 10.12.2013; Europe needs to help Ukraine to escape Russia // Financial Times. 24.11.2013; «Eurasian Union»: Ukraine chooses to strengthen ties with Russia and reject historic trade deal with EU // The Independent. 21.11.2013). С решительной, и даже местами язвительной, критикой обрушилась на Вильнюсский саммит немецкая пресса (см.: Summit Flop: EU Needs New Russia Policy after Ukraine Debacle // Spiegel. 29.11.2013; A frosty meeting in Vilnius after EU snub // Deutsche Welle. 29.11.2013; Vilnius summit overshadowed by Ukrainian trade deal rejection // Deutsche Welle. 28.11.2013; After Ukraine, now what? // Deutsche Welle. 29.11.2013).

²⁴ Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н. Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией. С. 20—21.

Как бы мы ни привыкли к агрессивной риторике, она каждый раз должна получать соответствующую оценку.

Рижский этап ВП: модели и реалии

Несмотря на провал в ноябре 2013 года, программа «Восточного партнерства» была названа среди приоритетов председательства Латвии в Совете ЕС в первой половине 2015 года. В связи с этим Рига должна была заняться анализом дальнейших путей развития программы ВП с целью определения возможностей повышения ее эффективности. В то же время подготовка саммита в Риге, намеченного на май 2015 года, проходит на фоне отсутствия в Европе единого мнения как о путях дальнейшего развития программы, так и об основных направлениях внешнеполитической стратегии развития всего Евросоюза.

Тем не менее настоящего председателя ЕС, Латвию, которая будет «править» с 1 января по 30 июня 2015 года, — отличает стремление переосмыслить стратегию внешней политики с целью поиска оптимальных моделей соседства. В результате ведущихся с начала 2014 года дискуссий внутри политико-экспертного сообщества республики сформировались два видения будущего ВП. Условно назовем их *модель Я. Урбановича* (по имени председателя фракции «Центр Согласия» в сейме республики и президента Балтийского форума) и *модель Э. Ринкевича* (глава МИД Латвии, ставший широко известным своим официальным признанием в гомосексуализме²⁵).

По мнению Урбановича, ВП нуждается в политике «смягчения» и развороте к России. Среди определяющих направлений этого процесса он выделяет: «аудит» программы с целью изъятия скрытых конфликтов интересов; отказ ЕС от категоричных требований к странам—участницам ВП в отношении общерыночных стандартов; отказ от антироссийской риторики, как и от логики «борьбы» за постсоветское пространство в целом, за передел сфер влияния; вовлечение в партнерство Москвы и создание формата многосторонней дискуссии с привлечением фокусных стран программы, ЕС и России; выстраивание восточной политики ЕС, исходя из предпосылки о заинтересованности России быть частью Европы для проведения собственной модернизации; акцент на выгоду от реализации программы не только для стран «Восточного партнерства», но и для России и других стран постсоветского пространства²⁶.

Как видим, Урбанович предлагает сделать ставку не на изоляцию России и конфронтацию с ней, а на сотрудничество и даже сотворчество в рамках Большой Европы.

Э. Ринкевич, с именем которого связаны наиболее громкие из недавних антироссийских шагов Латвии, придерживается совершенно противополо-

²⁵ В ноябре 2014 года в своем официальном «Твиттере» он написал: «Я с гордостью сообщаю, что я гей... Удачи всем вам». Это же сообщение появилось и на его странице в «Фейсбуке». Если ему гордиться больше нечем, отнесемся к нему с сочувствием.

²⁶ См. Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н. Председательство Латвии в ЕС—2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией. С. 59—60.

ложной позиции. Успешное развитие ВП министр связывает, во-первых, с максимальным вовлечением США в реализацию ВП вплоть до переименования программы в «Евроатлантическое восточное партнерство».

Вторым важным изменением в программе должно стать включение в дорожную карту ВП не просто ассоциированного членства с весьма неопределенными преимуществами, но обещание полноценного членства в Евросоюзе, несмотря на его практическую нереализуемость.

В-третьих, Ринкевич предлагает реализовать так называемый диверсифицированный подход, согласно которому каждой стране—участнице ВП может быть предложена собственная мини-программа евроинтеграции, учитывающая особенности каждого конкретного случая. В этом вопросе он солидарен с Урбановичем: следует отказаться от требований соответствия экономик Восточных партнеров «общерыночным стандартам».

Следующий тезис Ринкевича касается повышения эффективности программы через усиление принципа «большее за большее». Министр считает, что «государствам “Восточного партнерства”, которые разделяют ценности ЕС и готовы провести все необходимые реформы, должны быть предложены перспективы более тесной интеграции с Европейским Союзом»²⁷.

Отдельного внимания заслуживает тезис об информационном противостоянии России. В этом вопросе Ринкевич даже более радикален, чем «20 пунктов “Восточного партнерства” после Вильнюса» — план «спасения» ВП, подготовленный Швецией и Польшей, включающий три блока.

Первый блок — «Укрепление видимости» — посвящен информационной сфере. В частности, в документе говорится о необходимости проведения информационных кампаний «Вместе сильнее» и противодействия дезинформации с привлечением экспертов и публичных персон. Особо проговаривается четкое информирование о важности и выгоде зоны свободной торговли и ассоциации с ЕС, а также «продвижение и публикация исследований, которые объясняли бы долгосрочные цели партнерства, включая и возможное воздействие России и Таможенного союза. Особую роль в информационном обеспечении ВП должны сыграть «отрицание необоснованных претензий на расходы» и целенаправленные действия в среде нацменьшинств²⁸. Однако если «20 пунктов...» предлагают, кроме всего прочего, создание позитивной картины будущего, акцентирование внимания на позитивных сторонах программы, то латвийский министр подчеркивает необходимость мер, ограничивающих российское информационное влияние, тем самым повышая градус конфликтности ВП²⁹.

Таким образом, *модель Ринкевича* является наиболее жесткой и конфронтационной. С одной стороны, она закладывает основу не только для

²⁷ Foreign Minister Rinkēvičs urges to transform Eastern Partnership into Euro-Atlantic Eastern Partnership. — www.mfa.gov.lv/en/news/press-releases/2014/march/23-1/

²⁸ См. План спасения «Восточного партнерства». — <http://moldnews.md/rus/news/65539>

²⁹ Остальные два блока «20 пунктов...» называются «Отладка и повышение Партнерства» и «Поддержка развития в странах-партнерах» и посвящены экономике и вопросам регламентации программы.

конфликта между Россией и ЕС, но и предполагает более активное участие США в европейской политике. С другой — потенциально возможна информационная изоляция России. Не лишним будет указать и на то, что эта модель является наиболее ресурсозатратной, что не может не отразиться на политическом и экономическом климате всей Европы.

В связи с последним, информационным, тезисом Ринкевича весьма показательным является сделанный в ходе январской встречи латвийского министра с П. Порошенко акцент на «необходимости совместных усилий для противодействия информационной пропаганде со стороны России» и создании в связи с этим паневропейского... русскоязычного канала³⁰.

По мнению президента Украины, решение о создании такого канала могло бы стать одним из *практических* результатов саммита в Риге. Как отмечают аналитики портала Rubaltic.ru, сказанное означает, что европейские лидеры поставили перед латвийским руководством очень четкую планку возможных действий по реализации ВП, и планка эта — ниже некуда. Геополитическими и геоэкономическими вопросами младогосударства ЕС больше не занимаются.

Однако не стоит пренебрегать потенциальной опасностью, которая исходит из подобного — паневропейского и русскоязычного — канала. Достаточно вспомнить, как профессионально сработала финансируемая Катаром «Аль-Джазира», когда необходимо было «поджечь» Ближний Восток. Подогреваемые «правильно поданным» информационным контентом массы буквально за несколько месяцев смели правительства в целом ряде арабских государств.

Рижский саммит ВП пройдет в мае 2015 года. По всей видимости, учитывая поражение политики давления, приведшей к коллапсу идею создания Большой Европы за счет включения в проект Украины, организаторы саммита уже сейчас пытаются всячески успокоить общественное мнение как европейских стран, так и России. В частности, 25 февраля 2015 года, выступая в Дипломатической академии Азербайджана, посол по особым поручениям латвийского МИД Ю. Пойканс заявил, что «саммит Европейского Союза в Риге не будет направлен на расширение Евросоюза. После Вильнюсского саммита в ЕС наблюдается очень сложный период. Отказалась от подписания ассоциативного соглашения с Евросоюзом Армения. Сейчас картина усугубилась сложившейся сложной ситуацией на востоке Украины»³².

В то же время посол отметил, что «в период председательства Латвии в Совете ЕС будут усилены отношения Азербайджана с Евросоюзом», и сделал пространственный намек на возможность помощи стран—членов ВП в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. При всех дифи-

³⁰ См. Носович А. Рижский саммит Восточного партнерства будет посвящен русскоязычному ТВ. — www.rubaltic.ru/article/politika-i-obschestvo/12012015-TV/

³¹ См. www.lsm.lv/ru/statja/politika/novosti/na-rizhskom-sammite-ne-budet-rechi-o-rasshirenii-vo-stochnogo-partnerstva.a119263/

³² См. Арляпова Е.С. Национализм — друг и враг «Восточного партнерства». С. 92.

рамбах, которые прозвучали в адрес Азербайджана как очень важного стратегического партнера ЕС, способного внести большой вклад в обеспечение регионального баланса, энергетической и политической безопасности, было озвучено стремление ЕС искать новые пути сотрудничества в вопросах демократии и прав человека. Последнее утверждение является косвенным подтверждением неизменности позиции ЕС по вопросам несоблюдения в Азербайджане политических прав и свобод. При определенных условиях такое положение вещей может послужить основой для давления на режим Алиева — как это имело место на разных исторических этапах применительно к Армении, Беларуси, Грузии, Украине.

В заключение следует отметить, что в новых исторических условиях Латвия как председатель ЕС и страна, принимающая у себя очередной саммит «Восточного партнерства», могла бы сыграть особую роль в развитии не только программы ВП, но и в формировании европейской повестки дня. Концептуальное изменение данной программы могло бы стать первым шагом к переходу от нынешнего противостояния к сотрудничеству стран Большой Европы. Однако Рига продолжает литовский путь, сопряженный с серьезными издержками политики тотального «сдерживания» России, что самым непосредственным образом отражается на общей безопасности всего региона и окончательно формирует формат ВП как конфронтационного партнерства.

Характерными чертами ВП в исполнении младогосударств ЕС были и остаются: низкая ориентация на европейские ценности и интересы вплоть до полного их игнорирования, что отчетливо показал Вильнюсский саммит; высокая подверженность влиянию извне и выраженная ориентация на проведение внешнеполитических интересов внерегионального игрока в лице США; доминирование националистической идеологии в форме агрессивной русофобии с нулевым потенциалом к коррекции курса с учетом изменившихся реалий.

Иными словами, будучи географически, экономически и юридически в составе ЕС, страны-локомотивы «Восточного партнерства» политически идут вразрез со странами-локомотивами Евросоюза, проводя приоритетно линию «третьей силы» во внешней политике ЕС. По сути, они являются не чем иным, как *агентами влияния внутри Евросоюза*, что должно быть эффективно учтено в российской внешнеполитической стратегии³³.

В связи с вышесказанным представляется, что инициаторы ВП не видят стратегической перспективы в создании и использовании возможностей интеграции западного и евразийского экономических пространств. Формирование Большой Европы от Лиссабона до Владивостока явно не входит в их планы. Однако первые шаги на пути

³³ См. Гаман-Юлутвина О. В., Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н. «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития. С. 30.

к этой цели, которая выгодна всем сторонам процесса, могли бы быть предприняты уже сегодня. Стартапом в этом сложном и долгом, но объективно востребованном процессе должно стать превращение Восточной Европы в зону соприкосновения двух пространств. Из геополитического барьера и тупика Восточная Европа могла бы превратиться в геоэкономический «шов», связывающий, «сшивающий» два экономических пространства³².

Сегодня Европа вновь оказалась перед выбором. Поистине прав поэт: «Быть или не быть — таков вопрос, / Он твой всегда, Европа». Однако, пока риторика и позиции новых «еврограндов» и их кураторов остаются антироссийскими, возможности использовать площадку ВП для создания общего гуманитарного и экономического пространства от Лиссабона до Владивостока не имеют никаких перспектив. Сегодня ВП — это проект, направленный против России, а значит — исключаящий какой-либо учет наших интересов и как следствие — участие в данной инициативе. А без России не может быть и Европы.

Похоже, что Европа уже сделала свой выбор: не быть. ◆

³² См. Гаман-Голутвина О. В., Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н. «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития. С. 30.

Россия и окружающий мир

Как меняется отношение россиян
к парадигме «Европа — Азия»

За неполные четверть века своей постсоветской истории Россия не раз переживала периоды обострения международной обстановки в разных уголках мира, задевавшие ее национальные интересы или интересы ее стратегических партнеров и союзников. Достаточно напомнить в связи с этим о военной операции НАТО против исторически тесно связанной с Россией Югославии (1999), а также об августовских событиях 2008 года, когда российской армии пришлось защищать Южную Осетию от вооруженной агрессии режима Саакашвили. Российское общественное мнение, как показывали проводившиеся в то время исследования, неизменно реагировало на подобные ситуации резким снижением уровня симпатий как к инициаторам таких обострений, так и к тем, кто их оправдывал или прямую поддерживал.

Исходя из этого, логично было бы ожидать аналогичных реакций и в связи с реформативанием политического режима на Украине, за которым последовали гражданская война на юго-востоке страны, значительное ухудшение отношений России как с самой Украиной, так и с поддерживающими киевские власти странами Запада. Результаты проведенного нами опроса в значительной мере подтверждают данный прогноз. В первую очередь это касается непосредственно Украины, которая россиянами до недавнего времени воспринималась не только как «братская» страна, но в какой-то степени и своего рода *alter ego* самой России. Надо сказать, что прецедент противостояния между Москвой и Киевом однажды уже был. Отношения между двумя странами сильно испортились в 2008 году, когда правительство

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович — главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН, доктор философских наук;
ПЕТУХОВ Владимир Васильевич — руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН, кандидат философских наук.

Статья написана на основе результатов общероссийского репрезентативного социологического исследования мониторингового типа «Динамика социальных трансформаций современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», выполненного в рамках реализации проекта РФ (№ 14-28-00218). Объем выборочной совокупности исследования — 4 тысячи респондентов, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше, в разбивке по возрастным когортам.

Ключевые слова: общественное мнение в России, западная цивилизация, восточная цивилизация, евразийская цивилизация, США, Европа, Азия, идентичность, союзники России, противники России.

В. Ющенко активно поддержало М. Саакашвили, а украинское вооружение и военные специалисты были задействованы непосредственно в боевых действиях на стороне Тбилиси. После этого соседняя страна стала вызывать положительные эмоции лишь у четверти опрошенных.

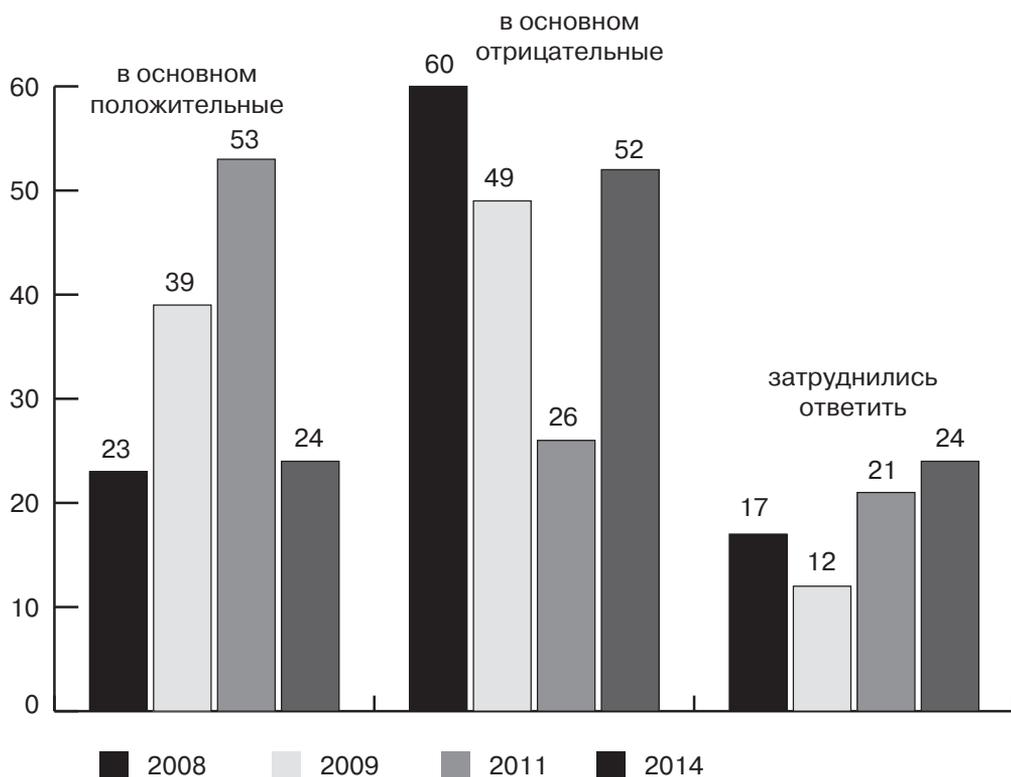

Рисунок 1. Динамика отношения россиян к Украине, в процентах

Затем положительная эмоциональная связь между россиянами и украинцами постепенно восстановилась; но ныне обвал симпатий к Украине достиг тех же значений, что и шесть лет назад. Правда, безусловно отрицательных мнений по Украине в 2014 году оказалось немного меньше, чем в 2008-м, — 52 процента против 60-ти.

Как и следовало ожидать, граждане, не одобряющие политику В. Путина, высказали по отношению к Украине несколько больше симпатий. Однако и они в этом плане не слишком отличаются от остальных россиян — соответствующий показатель в данной группе оказался всего на 5 процентов выше, чем по выборке в целом. Несколько лучше, чем в среднем, воспринимают Украину в крупнейших городах-мегаполисах — здесь значение индикатора симпатий к сопредельной стране поднимается до 32 процентов, а вот среди сельского населения положительные отклики на ее упоминание зафиксированы только у 18 процентов опрошенных.

Таблица 1

Отношение к Украине представителей различных социальных групп населения, в процентах

Социальные группы	В основном положительное	В основном отрицательное	Затрудняюсь ответить
Среди всех опрошенных	24	52	24
Возраст, лет			
18–30	23	54	23
31–40	26	51	23
41–50	24	47	29
51–60	22	54	24
Старше 60	24	54	22
Тип поселения			
Мегаполисы	32	52	16
Областные, краевые, республиканские центры	21	53	26
Районные центры	27	49	24
пгт	30	40	30
Сельское поселение (село, деревня, хутор)	18	57	25

На данные показатели практически совсем не влияет возраст, хотя можно было бы ожидать, что граждане старшего поколения, не раз бывавшие на Украине в лучшие времена и еще не забывшие провозглашаемую (а во многом и действительно реализованную в СССР) «дружбу народов», будут воспринимать ее с большим сочувствием, чем молодежь, чья социализация происходила уже в «эпоху Путина». Можно объяснить это тем, что старшее поколение острее реагирует на дрейф Украины в сторону Запада. Следует также отметить, что россияне нерусских национальностей практически не отличаются в своем восприятии нынешней Украины от своих русских сограждан — уровень положительных эмоций, которые вызывает у них эта страна, всего на 4 процентных пункта выше, а уровень отрицательных — на 2 пункта ниже.

* * *

Перейдем теперь от Украины к поддерживающим нынешний киевский режим западным государствам. В целом отношение к ним также ухудшилось, но, в отличие от Украины, здесь, во-первых, мы имеем дело с долговременным трендом, и, во-вторых, имеет место совершенно разное отношение к США, с одной стороны, и странам Западной Европы, с другой. Доля симпатизирующих ведущим странам Европы (Германия, Франция, Великобритания), даже при заметном снижении, достаточно велика и по-прежнему превосходит долю относящихся к ним негативно, чего уже много лет нельзя сказать о США.

В середине 1990-х годов, когда россияне надеялись на то, что, устранив Советскую власть, они стали частью возглавляемого Западом процветающего сообщества «цивилизованных» стран, индикаторы позитивного

отношения и к США, и к странам Западной Европы, и к Японии, которую многие наши сограждане считают частью западного мира, были очень высокими. Например, в 1995 году их значение применительно к США, Великобритании, Франции варьировалось в диапазоне 77—79 процентов, а применительно к Японии и Германии приближалось к 70 процентам. Страны Востока, в том числе Китай и Индия, в этом плане очевидным образом проигрывали Западу. Но после Балканского кризиса, организованного НАТО, настроения начали меняться. В результате уровень симпатий ко всем входящим в западный блок государствам начал колебаться, то заметно снижаясь — как это было в 2001-м и особенно в 2008 году на фоне российско-грузинского кризиса, то восстанавливаясь в рамках прежних значений. В 2014 году исследование зафиксировало новое снижение, хотя обвальным оно не выглядит, учитывая, насколько болезненно российское общественное мнение отреагировало на безусловную поддержку Украины странами Запада в ее конфликте с Россией.

В целом можно констатировать сравнительно медленное, постепенное снижение симпатий к странам Западной Европы, перемежающееся с резким падением их уровня в кризисные периоды, и частичное восстановление после разрешения кризисов. Если в периоды, когда отношения России с Западом развивались более или менее нормально, положительное отношение к США проявляют чуть более трети россиян, а отрицательное — около половины, то применительно к Великобритании, Франции, Германии этот показатель никогда не опускался ниже 50 процентов.

Таблица 2

Динамика отношения россиян к США и странам Западной Европы, в процентах

Годы	1995	2001	2002	2007	2008	2009	2011	2014
США								
В основном положительное	78	37	39	37	14	37	33	14
В основном отрицательное	9	39	46	45	74	54	48	68
Затрудняюсь ответить	13	24	16	18	12	9	19	18
Великобритания								
В основном положительное	77	55	64	52	39	64	55	46
В основном отрицательное	4	15	15	25	38	23	21	33
Затрудняюсь ответить	19	30	21	23	23	14	24	21
Франция								
В основном положительное	79	64	78	75	66	84	70	57
В основном отрицательное	3	8	7	9	15	7	9	22
Затрудняюсь ответить	18	28	15	16	19	9	21	21
Германия								
В основном положительное	69	54	68	62	58	76	60	44
В основном отрицательное	12	18	15	21	22	15	18	36
Затрудняюсь ответить	19	28	17	17	20	9	22	20
Япония								
В основном положительное	69	53	55	60	56	69	44	55
В основном отрицательное	9	16	22	18	21	19	31	22
Затрудняюсь ответить	22	31	22	22	23	12	25	23

При этом антиамериканские настроения продолжали нарастать. Так, в дни августовской войны 2008 года на Кавказе и непосредственно после нее доля симпатизирующих США россиян снизилась с 37 до 14 процентов, а уровень антипатий к заокеанской державе, наоборот, повысился с 45 до 74 процентов. Ныне, когда США позволили себе практически открыто вмешаться в ход событий на Украине, эта картина вновь повторилась. Если в 2007 и 2011 годах положительное отношение к США высказывали соответственно 37 и 33 процента опрошенных (меньшинство, но все-таки достаточно весомое и количественно вполне соизмеримое с большинством), то осенью 2014 года этот показатель упал до 14 процентов. Это меньше числа людей, испытывающих к Америке явную антипатию, приблизительно в 5 (!) раз. Более того, в настоящее время США воспринимаются в российском обществе значительно (в 1,5–2 раза) хуже, чем такие очевидные источники военных угроз, как едва не ставшая поводом для международного вооруженного конфликта Сирия или наполовину захваченный исламскими террористами из ИГИЛ Ирак.

Достаточно негативно воспринимаются в России такие рьяные адепты политики США, ЕС и НАТО, как «новая Европа» в лице Польши и стран Прибалтики, а также Грузия. На основе сопоставления ряда полученных в разные годы данных, характеризующих отношение россиян к Польше и полякам, а также к населению прибалтийских республик, можно было бы вывести некий «естественный» уровень симпатий к этим странам и народам. Его величина определяется по тому максимальному значению их позитивного восприятия, которое было зафиксировано в периоды, когда международные отношения в Европе характеризовались отсутствием значительных обострений и конфронтаций. Так, для Польши такой уровень составлял примерно 44 процента (уровень симпатий к полякам в относительно спокойном 2000 году и к Польше как к государству в 2009-м), для Грузии — 31 процент (точка, на которой к 2014 году восстановилось доброжелательное отношение к этой стране после резкого ухудшения ее имиджа в период «пятидневной войны» на Кавказе). Отметим, что активное вмешательство Польши в украинские дела привело к тому, что уровень симпатий, который проявляли к ней россияне, снизился по сравнению с уровнем, условно принимаемым за «естественный», примерно на 10 процентных пунктов. В настоящее время баланс положительных и отрицательных оценок Польши в России составляет 34 процента против 40 процентов, то есть является отрицательным.

В то же время антизападные, и прежде всего антиамериканские, настроения вовсе не свидетельствуют об однозначной переориентации российского общественного мнения на юг и восток. Как видно из вышеприведенных данных, россияне весьма дифференцированно относятся к некоторым странам постсоветского пространства, Восточной Европы и странам Азии. Так, традиционные союзники России — Белоруссия, Казахстан, Армения, Сербия, Киргизия и примкнувший к ним Израиль воспринимаются россиянами весьма позитивно — чего нельзя сказать о таких разных странах, как Грузия, Польша, Ирак, Сирия.

Чувства, испытываемые россиянами к различным странам, в процентах

Страна	В основном положительные	В основном отрицательные	Затруднились ответить
США	14	68	18
Польша	34	40	27
Великобритания	46	33	21
Франция	57	22	21
Германия	44	36	20
Япония	55	22	23
Израиль	49	21	30
Китай	64	14	24
Ирак	21	41	38
Индия	64	9	26
Беларусь	83	5	12
Казахстан	78	6	16
Сербия	57	13	30
Украина	24	52	24
Грузия	31	41	28
Армения	64	13	23
Кыргызстан	55	13	32
Сирия	29	28	42

Что же касается Китая и Индии, то здесь тренд в целом позитивный. Причем настороженное отношение многих россиян к Китаю, имевшее место в последние годы (около трети негативных оценок в 2009–2011 годах), к настоящему времени, похоже, преодолено. Разумеется, здесь также присутствуют постоянные ситуативные колебания. И все же, в отличие от тренда, который мы обнаружили, анализируя эмоциональную окрашенность складывающихся в массовом сознании образов США, Великобритании и Германии, эта тенденция в целом является повышающей. Суммируя, например, значения индикаторов симпатии к Китаю, которые были получены в ходе четырех всероссийских опросов 1995–2007 годов, и разделив ее на число опросов, получим среднюю для каждого из них величину. Она составит примерно 42 процента. За период с 2008-го по 2014 год отношение россиян к Китаю также зондировалось четырежды. Но, применив ту же методику, мы увидим, что средняя величина доли респондентов, у которых образ Китая вызывает положительные чувства, выросла с 42 до 55 процентов. Средние значения соответствующих индикаторов по Индии также увеличились — с 60 до 65 процентов. И в том, и в другом случае рост достаточно умеренный, но вполне отчетливый и определенный. В настоящее время по уровню симпатий россиян Китай и Индия заметно опережают любую европейскую страну, не исключая и самую популярную из них в России — Францию.

Таблица 4

Динамика отношения россиян к Индии и Китаю, в процентах

Страны/отношение к ним	1995	2001	2002	2007	2008	2009	2011	2014
Китай								
В основном положительное	41	39	43	45	59	55	43	64
В основном отрицательное	21	21	31	32	19	31	29	14
Затрудняюсь ответить	38	40	27	23	22	14	28	22
Индия								
В основном положительное	59	53	63	64	66	75	59	64
В основном отрицательное	5	10	10	11	12	11	10	9
Затрудняюсь ответить	36	37	27	25	23	14	31	27

В рамках исследования респондентам было предложено самим назвать страны, которые, по их мнению, являются дружественными и недружественными в отношении к России. Полученные ответы показывают, что у россиян с определением геополитических союзников возникли большие сложности, чем с определением противников. Стран, на которые, по мнению опрошенных, России можно рассчитывать в трудную минуту, сравнительно немного. Это Белоруссия, Казахстан и Китай. Далее уже с заметным отставанием следуют Армения, Индия и Сербия. При этом 27 процентов респондентов полагают, что у России сегодня надежных партнеров и союзников нет.

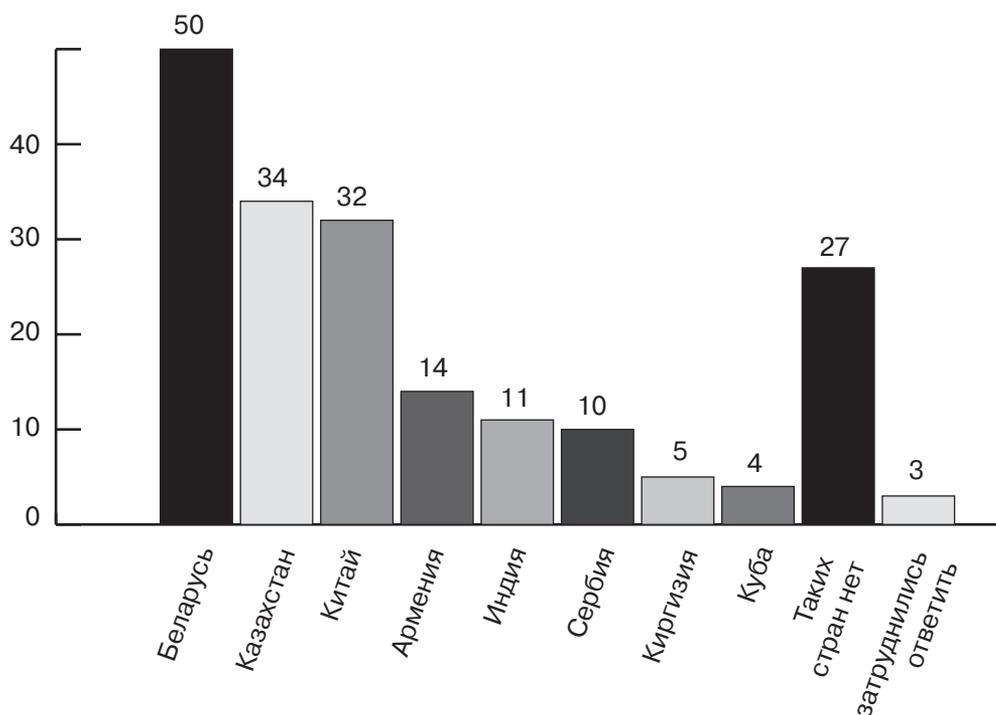

Рисунок 2. Перечень стран, дружелюбно настроенных к России, по оценкам россиян, в процентах

(открытый вопрос, приведены страны, которые назвали более 4 процентов респондентов)

Что же касается противников, то здесь нет «конкурентов» у США. Приблизительно три четверти опрошенных назвали США абсолютно недружественной России державой, и лишь 12 человек из 4 тысяч опрошенных сочли, что на ее благожелательное отношение и поддержку можно рассчитывать. Для сравнения укажем, что на второе место среди недружественных государств с большим отрывом была поставлена Украина (ее включили в это число почти 30 процентов ответивших на данный вопрос). Почти 20 процентов респондентов сочли недружественными государствами Великобританию и Германию — и это при том, что указанные страны вызывают скорее симпатию россиянам; 14 процентов — Польшу, 8 процентов — Грузию. Россиян считающих, что у нашей страны вообще нет геополитических противников, оказалось совсем немного (12 процентов). Обращает на себя внимание тот факт, что многие из стран, которые либо лояльны, либо нейтральны по отношению к России, оказались вне поля внимания наших сограждан. Это и страны Северной Европы — как, например, Финляндия; большинство стран бывшего СССР, прежде всего ее южные соседи (Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан); практически все страны Латинской Америки, включая Кубу, Венесуэлу, и многие другие. А про Абхазию и Южную Осетию не вспомнил вообще ни один человек... Характерно, что среди противников, как и среди союзников, нет стран Балтии, некоторых государств Восточной Европы, за исключением Польши. Это еще раз подтверждает ранее сделанный вывод, что россияне в основном ориентируются (со знаком плюс или минус) на равные себе государства или государства, находящиеся в каком-либо проблемном поле.

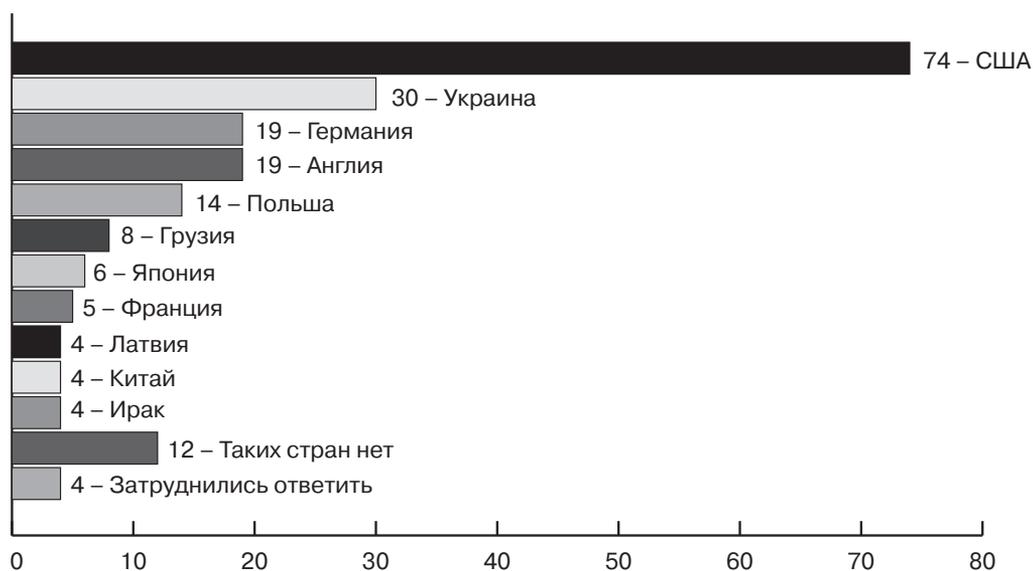

Рисунок 3. Перечень стран, недружественно настроенных к России, по оценкам россиян, в процентах

(открытый вопрос, приведены страны, которые назвали более 4 процентов респондентов)

* * *

Что можно сказать по поводу этой динамики в свете старого спора западников и славянофилов, а также западников и евразийцев о путях и закономерностях развития России? В качестве легко поддающегося социологической операционализации отражения этого спора в массовом сознании можно рассматривать ответы наших респондентов на вопрос, является ли Россия в полной мере европейской страной, или она представляет собой совершенно особую, евразийскую, цивилизацию. За точку отсчета нашего анализа естественно было бы взять массовые настроения начала 1990-х годов, когда российское общество переживало период чрезвычайно сильного увлечения перспективой «возвращения в семью европейских стран» и казавшейся вполне возможной интеграции с западным миром. Судя по данным проводившихся в разные годы опросов, еще на рубеже XX и XXI столетий число россиян, безоговорочно связывавших исторические судьбы России с Европой, превышало количество оппонентов этой точки зрения в соотношении примерно 2:1¹. Однако в середине 2000-х массовые настроения стали меняться, и, как показало проведенное нами исследование, в настоящее время соотношение зеркальным образом и в той же пропорции изменилось в пользу тех, кто считает Россию особой цивилизацией и полагает, что в будущем центр тяжести ее политики будет смещаться на восток.

В свое время участниками настоящего исследовательского проекта была разработана и специальная методика, позволяющая количественно оценивать культурно-психологическую дистанцию между различными странами и их населением. В дальнейшем эта методика неоднократно применялась в ряде всероссийских социологических опросов, что позволило получить значительный массив сопоставимых данных примерно за полтора десятилетия.

В качестве инструмента оценки использовались специальные 11-балльные оценочные шкалы, крайние точки которых (1-я и 11-я позиции) символизировали противоположные друг другу «цивилизационные полюса» — Запад (США, Франция, Германия) и Восток (Китай, Индия, Япония). Респондентам предлагалось отметить на шкале ту позицию, которая, по их мнению, соответствует положению России. При этом оценки производились дифференцированно по трем основаниям: культура, экономика и национальный характер.

Впервые данная методика была применена в 1998 году. Полученные нами тогда результаты говорили о том, что в культурном отношении россияне совершенно определенно отождествляли себя с Европой и вообще с Западом (в той части шкалы, которая примыкала к «западному» ее полюсу было сконцентрировано до 70 процентов всех ответов, тогда как на «восточной» полуоси — всего 17 процентов). Зато применительно к экономике основной массив ответов был сдвинут в противоположную сторону: с тем, что в России развивается экономика западного типа, со-

¹ См. Россия на рубеже веков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 406.

гласилось менее четверти респондентов, тогда как более чем у половины отечественная экономика 1990-х годов ассоциировалась скорее с Китаем и Индией, чем с США и Германией. Что же касается национального характера, то в этом случае основная масса ответов (54—55 процентов) расположилась в трех центральных клеточках шкалы — точно посередине между Западом и Востоком. Этот результат совершенно естественно интерпретировался как признание россиянами своей «евразийской» идентичности².

Таблица 5

Культурно-психологическая дистанция между Россией и различными странами в оценках россиян, в процентах

ПО КУЛЬТУРЕ													
Оценка в баллах													
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	2014	4	5	12	16	23	16	8	6	4	2	2	Китай, Япония, Индия
	2008	12	11	19	13	10	17	5	3	4	2	2	
	2002	8	8	17	16	10	21	5	5	4	1	2	
	1998	9	8	15	17	10	24	4	5	4	2	2	
ПО ЭКОНОМИКЕ													
Оценка в баллах													
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	2014	3	3	8	12	25	20	11	7	4	2	2	Китай, Япония, Индия
	2008	9	6	11	10	11	23	7	6	7	3	4	
	2002	4	2	7	9	9	25	8	12	10	5	7	
	1998	2	2	5	7	6	26	10	13	12	6	10	
ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ХАРАКТЕРУ													
Оценка в баллах													
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	2014	3	4	9	12	25	20	9	6	4	2	2	Китай, Япония, Индия
	2008	10	9	13	10	11	26	5	4	4	2	3	
	2002	6	5	10	12	11	33	7	5	4	2	3	
	1998	7	5	11	12	11	39	5	5	4	2	2	

Исходя из того, как менялся уровень симпатий к различным странам мира, можно было бы предположить, что по мере охлаждения россиян к странам Запада и некоторого роста симпатий к Индии и Китаю, равно как и по мере укрепления уверенности россиян в том, что они представляют особую, отличную от остальной Европы цивилизацию, значения всех полученных при помощи описанной выше методики показателей будут, хотя бы медленно, сдвигаться к Востоку. Однако в реальности процесс развивался несколько иначе, и на самом деле три его составляющие (а это, напомним, были культура, экономика и национальный характер) изменялись в разных направлениях. В результате этого мы получили довольно неожиданный результат, который не только во многом не согласуется с расхожими образами исторической и современной

² См. там же. С. 228—229.

России, но и выходит за рамки тех цивилизационных противопоставлений, которыми оперировали западники, славянофилы и евразийцы. При этом в конечном счете произошло сближение различных автохарактеристик российского социума: если раньше россияне по культуре отождествляли себя с Европой, по экономике — с Азией, а по социально-психологическим особенностям и менталитету позиционировали себя на равном удалении от этих полюсов, то в настоящее время они образуют очень похожие друг на друга распределения. Если мы теперь перенумеруем все клеточки нашей шкалы, присвоив самой крайней ее «западной» точке номер 1, а «восточной» — соответственно 11, то увидим, что во всех трех отдельно рассматривавшихся случаях (культура, экономика и национальный характер) более половины (55—57 процентов) ответов уложилось в промежуток между клетками № 4 и № 6. Получилось своеобразное «облако ответов», сдвинутое от центра шкалы к «западу», но «рассеивающееся», не доходя до самой крайней точки, символически представляющей западную цивилизацию в ее аутентичных и наиболее ярко выраженных формах.

Очевидно, что некий евразийский вектор на полученном нами итоговом «фотоснимке» массового сознания в самом деле просматривается, однако все же нельзя сказать, что он является доминирующим или, по крайней мере, безусловно доминирующим. Когда россиян прямо спрашивают об их гипотетической евразийской идентичности, то в последние годы они действительно склоняются к тому, чтобы признать ее как некий состоявшийся факт. Однако когда слово «евразийский» само по себе не произносится, а идентичность зондируется косвенным образом (через культуру, национальный характер и т. д.), то получается не укладывающаяся ни в какие теоретически артикулированные схемы картина. И современная Россия в ее собственном ментальном пространстве предстает перед нами не как чисто европейская или чисто азиатская и даже не как евразийская, а, если можно так выразиться, как европейско-евразийская страна.

Как можно было бы интерпретировать эти данные в рамках дискурсов социальной и политической философии, а также общей теории исторического процесса? Полагаем, что здесь подошла бы сформулированная еще некоторыми славянофилами концепция России как «второй Европы», более открытой на восток, но вместе с тем сохраняющей некоторые возникшие на общей христианской основе «стержневые» свойства менталитета и культуры.

Продолжая эту тему, уместно обратить внимание еще на один важный момент. В классических теориях исторического пути России ее цивилизационная идентичность обычно устанавливалась исходя из некоторой внешней модели (другой вопрос, что такая модель не обязательно принималась за положительный образец — российская идентичность могла конструироваться и через ее отрицание, как, например, часто получалось у славянофилов, когда они рассматривали отношения России и Европы). Однако в современных условиях рассматривать самосознание российского общества только в плоскости его отношений к неким

первичным цивилизационным моделям (например, к Западу и Востоку) недостаточно. Вот только один показательный пример — православная Сербия. В цивилизационном аспекте она очень близка России, поскольку исторически вышла из того же самого византийского культурного круга. При этом надо особо отметить, что, несмотря на предельно жесткое давление со стороны США и ЕС, Белград выделялся среди других европейских столиц едва ли не самой лояльной по отношению к Москве позицией. Это, несомненно, сказывается на том, как россияне воспринимают Сербию. По уровню положительных откликов со стороны наших респондентов (56 процентов) она на 11 процентных пунктов опережает Великобританию, на 13 — Германию и совсем немного уступает одной лишь издавна любимой россиянами Францией, занимавшей в сердцах наших сограждан совершенно особое место, которое, как и всякая любовь, с трудом поддается рациональному объяснению. Однако при всем при этом Сербия оказалась не столь популярной в России, как восточные гиганты — Индия и Китай (перепады в уровне симпатий в обоих случаях составили около 8 процентных пунктов). Это означает, что положительные (или, наоборот, отрицательные) эмоции у россиян вызывает не только ощущение цивилизационной идентичности и не одни лишь конструктивные партнерские отношения. Но в значительной степени эти эмоции обусловлены также и ожиданиями, связанными с той ролью, которую эти страны вместе с Россией могут сыграть в формировании нового, более приемлемого мирового порядка, исключая односторонний диктат и столь же одностороннее навязывание всему миру какой-либо локальной системы ценностей.

Таким образом, исследования показывают, что при принятии важных политических решений необходимо учитывать, помимо всего прочего, коллективный опыт непосредственных контактов, воплощенный в переживаниях и личностном опыте миллионов людей, включенных в различные социокультурные и информационные среды. В первую очередь — в среды взаимодействия с «другими», то есть с людьми, представляющими иные социальные, этнические и конфессиональные общности и государственные образования. Здесь важна, если можно так выразиться, совместимость (или, что может быть точнее, взаимная привлекательность) габитусов повседневного поведения населения, спроецированная на политическое «поведение» государства, а также отчетливое ощущение «своего» и «чужого», возникающее уже на простейшем бытовом уровне. ◆

Сердце тьмы

Жестокость террористов в Сирии и Ираке заставляет нас заглядывать в сердце тьмы.

Барак Обама

Мы не нанесли поражения идее. Мы даже не понимаем эту идею.

*Майкл Хагата, командующий USASF
на Ближнем Востоке*

Некогда, гуляя светлым утром по кампусу Стэндфордского университета, я набрел на удивительную скульптурную группу, созданную Роденом, в которой присутствовал знакомый Мыслитель, правда, в иных пропорциях и своеобразном окружении. Основной же композиции были гигантские медные двери, а сидящий над створками Мыслитель смотрелся как-то иначе, нежели его привычный образ. Нечто остро-тревожное чувствовалось в этом незавершенном творении мастера: скульптурный ансамбль на площадке калифорнийского кампуса являл то самое, сакраментальное «Оставь надежду, всяк сюда входящий...». Но, думалось, вовсе не Данте изображает расположившаяся в тимпане фигура.

Право на будущее

Социальная вселенная переживает транзит в неравновесное, возможно, перманентно подвижное состояние. Сложившееся мироустройство пребывает в кризисе, его политическая основа — национальное государство — утрачивает актуальность. Господствующий тренд — обширная реконструкция миропорядка, универсальная трансформация.

НЕКЛЕССА Александр Иванович — заведующий Лабораторией «Север — Юг» Института Африки РАН; председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН.

В основу статьи положен текст доклада, сделанного автором на конференции «Арабский кризис: новые вызовы» (Институт Африки РАН, НИУ «Высшая школа экономики». Москва 26—27 ноября 2014).

Ключевые слова: будущее, кризис, транзит, модернизи, мироустройство, политическая организация, империя, национальное государство, культура смерти.

2014 год предъявил находящейся на распутье цивилизации три драматичные ситуации, ставшие тестом, испытанием жизнеспособности и отчасти намеком на возможные траектории будущего. Успешное купирование эпидемии Эбола, грозившей перерасти в пандемию, а затем установление контроля над очагами инфекции на африканском континенте продемонстрировали силу современной цивилизации, действенность ее инструментария, эффективность применяемых методов и средств. Череда событий на юго-востоке Украины выявила слабости современного строя, огрехи миростроительства последних десятилетий, несовершенство среды безопасности¹. Наконец, провозглашение и экспансия «Исламского государства» обозначили эскиз альтернативного мироустройства, неспособного и нежелающего сосуществовать с современным миропорядком.

Во что обратится мир, когда перемены достигнут апогея — «империи рухнут, и армии разбегутся»? Станет *Novus Ordo* благом, мирным соседством льва и лани, согласно провидению Исайи? Или нынешний транзит — пролог другого, иоаннова апокалипсиса: неопределенного по времени эона, извлекающего из лабиринтов неоархаики и глубже — «тьмы над бездною», сумеречные сюжеты? Что окажется доминантой процесса: сложный мир высокотехнологичного, постиндустриального космоса или трансграничный конгломерат мирового андеграунда? Станет ли это концом цивилизации или еще одним, очередным зигзагом истории?

Будущее — особое пространство: существует исключительно в потенции, меряется разной мерой, обладает оригинальными атрибутами. Даже время — субстанция, казалось бы, столь органичная для данной категории — понимается несхожим образом, да и течет оно для разных субъектов с различной скоростью. Роберту Музилю принадлежит любопытная сентенция: «Ощущение возможной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей». Действительно, трансформация существующего в возможное, а возможного — в действительное нередко ограничена оценкой пределов вероятного. Прочтение реальности неадекватно реальности; но для человека, обитающего в пространствах опыта, то есть прошлого, первое доминирует над вторым. Ситуацию можно сравнить с наблюдаемым звездным небом, отражающим недействительное положение вещей.

Мастерство прозорливости — способность в текущем улавливать настоящее, которое есть будущее, удерживаемое омололенным сознанием в скорлупе памяти и веригах прошлого. Остро востребованным оказы-

¹ Сейчас «мы сталкиваемся с геополитической ситуацией, которая, вероятно, самая опасная с окончания Второй мировой войны: хаос и экстремизм на Ближнем Востоке, российская агрессия и экспансия, ослабление Европы, которое подогревается ростом безработицы, что является результатом неспособности принять структурные реформы во многих странах, которые входят в состав Европейского Союза» (Джейкоб Ротшильд, председатель траста RIT Capital Partners, о годовом отчете за 2014 год. — См. www.vestifinance.ru/articles/54261).

вается умение видеть неочевидный, непрописанный и потому неосвоенный ландшафт, что напоминает уникальную способность гоголевского Вия прозревать в мире живых недоступное зрению обыденных духов. Однако удостовериться в предсказаниях лукавого оракула, вовремя разгадать смысл прорицаний, извлечь прогноз из двусмысленного языка удастся далеко не всегда.

Социальный космос испытывает давление мотивированных организованностей, широко использующих средства, созданные технической цивилизацией. Борьба за будущее разворачивается не только в сфере политики или экономики, финансовых операций или технических возможностей, организационных компетенций и технологических решений — происходит столкновение мировоззрений, стилей жизни, кодексов поведения, сосуществующих, но не сопрягаемых в системе исторических координат. Конструктор будущего (нередко он же — антагонист актуальной власти) — пассионарная, суверенная личность/ группа личностей, порою асоциальная по отношению к сложившейся форме общественных связей или, по крайней мере, критически

Инициаторы футур-исторического процесса, впитав с пользой для себя достижения индустриальной культуры, проектируют масштабные реконструкции миропорядка, переиначивая смысловые параметры уходящего мира.

настроенная, либо отмеченная дерзким прочтением дорожной карты перемен. Эта «малая динамичная общность», молекулярное сообщество — закваска, с пользой для себя впитавшая достижения индустриальной культуры, — совершает культурную и социальную революцию, подрывая бастионы повседневности и обрушая смысловые опоры уходящего мира: «Можно ли выйти из ада? Иногда да, но никогда в одиночку <...> Необходимо присоединиться к той или иной общественной организации <...> или создать таковую — с ее собственными законами, т. е. контробщество»². Критический вопрос — о векторе транзита.

Целеполагание постсовременных конкистадоров напоминает русскую матрешку, а наличие оригинального мировидения является важным преимуществом, провоцируя максимум усилий вплоть до акций, категорически запрещенных прежним моральным кодексом. Инициаторы футур-исторического процесса, впитав с пользой для себя достижения индустриальной культуры, проектируют масштабные

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. : в 3 т. М.: Прогресс, 1986—1992.

реконструкции миропорядка, переиначивая смысловые параметры уходящего мира. В транзитном социокосмосе пучки амбиций, когерентно взаимодействуя, мультиплицируются и совмещаются на путях к сфокусированной цели³. Соборный субъект перемен, вглядываясь в смутно различимые, если вообще видимые конвенциональному зрению горизонты, определяет пути колонизации будущего. Размыкая обруч государственного патернализма, ограничивая контроль театра и рынка над разумом и языком, человек нарушает пределы программируемых извне поступков. Он расстается с приязнью к структурам повседневности, реализуя метафизическую свободу: выбор между обновлением религиозных прописей, подлинностью в своей приверженности заветам, и действиями вне конфессионального модуса, проявляя сущность, какой бы та ни оказалась. Люди начинают ощущать себя автосуверенами, творцами обширных перемен, произвольно очерчивая секулярные/постсекулярные рубежи театра гражданских действий (социальных и политических инициатив), который в одном из важнейших аспектов можно определить как власть без государства и без границ⁴.

Диапазон толкований будущего весьма широк, что естественно для пространств и проекций свободы. Даже террористическая активность, индивидуальный или коллективный акт деструкции становятся привычными спутниками нового мира, будучи извращенным стремлением к самостоянию, — это своего рода обугленный остов гражданской инициативы в тотально недружественной, агрессивной среде. Фрустрированная личность, отчужденная от общества, но наделенная политическим инстинктом, сама отчуждает подобный строй от бытия даже ценой аннигиляционной вспышки. Дело тут не в смене цивилизационного кода, но в изменившихся обстоятельствах: широких возможностях реализации внутреннего выбора. Это совершенно иной модус цивилизации, лишенной привычных нравственных границ.

Признаки универсальной реконструкции видны в усложнении социополитических композиций, восстании элит, финансовом футуризме, высокотехнологичном произволе, моральном релятивизме, умножении и разнообразии рисков, экспансии неоархаики. Токи отсроченной, теперь уже глобальной революции масс, культурной деколонизации пронизывают не только внешние территории модерни — они проникают

³ «Вдали от равновесия когерентность поведения молекул в огромной степени возрастает. В равновесии молекула “видит” только своих непосредственных соседей и “общается” только с ними. Вдали же от равновесия каждая часть системы “видит” всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает» (Пригожин И. *Философия неустойчивости* // Вопросы философии. 1991. № 6).

⁴ См.: Неклесса А. И. *Будущее и грядущее: кризис современного мира* // Полис. Политические исследования. 2012. № 2; Он же. *Непрерывный плебисцит* // Полис. Политические исследования. 2013. № 2; Он же. *Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации* // Полис. Политические исследования. 2015. № 1.

в ее внутренние пределы. Порой создается впечатление, что локомотив модернизации подвергся атаке, и случившийся в механике сбой грозит направить его под откос⁵. Ялтинский/неоялтинский (хельсинкский) миропорядок, установив границы влияния и правила силовых игр, расчертил Европу — как некогда африканские земли — на геополитические зоны, однако теперь он отходит в прошлое⁶. Цивилизация мутирует и отчасти развоплощается, ее обитатели утрачивают прежний статус, политические, силовые, знаниевые институты трансформируются в облачные и катакомбные комплексы — суммы взаимодействий, реализуемые нелегитимным или частным образом. Возникает призрак диффузной среды, в которой конфессии замещаются культурами, толками, орденами, политика пронизывается операциями спецслужб, политтехнологов, полевых командиров, экономика конкурирует с финансовым производством, оперирующим актуальной бесконечностью и новыми платежными средствами, а культура вытесняется индустрией развлечений, электронных и химических грез.

Политики и эксперты пытаются прочитать карту постсовременности, расположенной по ту сторону Большого социального взрыва, — коль скоро то, что понималось под международными отношениями еще лет двадцать назад, фактически не существует.

Травматическая субсидиарность и крах реинтеграционных утопий

Мир-XXI рождает уходящие в неизвестность сценарии, упрощение которых чревато неожиданными контрапунктами сюжета.

В основе нынешних перемен миропорядка — кризис института национального государства. Антропологический космос продуцирует инновационные формы политической организации: мировые регулирующие органы, страны системы, различного рода субсидиарные автономии и сепаратистские образования (квазисуверенные государства), государства-корпорации, негосударственные субъекты прямого и косвенного политического действия, слабоформализованные, но властные сообщества (антропосоциальные структуры), геоэкономические интегрии, бизнес-группы, транснациональные движения, политически/экономически влиятельные «облачные» констелля-

⁵ Ср.: «...несмотря на события 11 сентября, Модернити, представленная США и другими развитыми демократиями, осталась доминирующей силой в мировой политике, а институты, олицетворяющие основные западные принципы свободы и равенства, продолжают распространяться по всему миру. Атаки 11 сентября — удар отчаяния против современного мира, который представляется скоростным поездом тем, кто не хочет на него попасть» (**Fukuyama F.** Has History Started Again? // Policy. 2002. Vol. 18. № 2).

⁶ См.: **Некlesa А.** Трансмутация на историята. 11 сентемарври 2001 г. в историческа перспектива и ретроспектива // Философски алтернативи. Philosophical alternatives. 2004. Vol. XIII. № 6; **Некlesa А. И.** Глобальная трансформация: сущность, генезис, прогноз // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1.

ции, суммы персональных и коллективных проектов. И даже более экзотичные версии подвижной государственности (state of affairs), лишенной границ и прочных обязательств. В дисперсной трансграничной среде возрастает значение культурных/конфессиональных инициатив, динамичных социогенов, их экспансии, «мемификации», гравитации.

Переживающее кризис национальное государство — колыбель и производное гражданского общества, способного, однако, со временем перейти к автономному существованию⁷. Новый, транснациональный Север, обретая глобальные пропорции и преобразуясь в постсовременной купели, покидает лоно породившей его североатлантической цивилизации, сместив прежнее целеполагание. Третий мир распадается на Новый Восток, Сырьевой и Глубокий Юг, оставаясь персонажем вселенского действия. Многочисленное сообщество афро-азиатских государств продуцирует новое переселение народов, балансируя между сценариями догоняющего развития и собственными социокультурными альтернативами. Предельные рубежи складывающейся системы — высокоорганизованное неономадическое сообщество (Новый Север) и территории неоархаизации (Глубокий Юг), контролируемые полевыми командами, эксплуатирующими ресурсы трофейной экономики.

Нынешний кризис мироустройства затронул как генетические порождения модернити («Большая Европа» от Нью-Йорка до Канберры), так и охваченные/захваченные данной культурой территории, подчас лишь симулировавшие институты национальной государственности без воссоздания основы — гражданского общества. В значительной мере это относится к миру, явно либо скрытно колонизированному, а отчасти — и к инкорпорировавшим его конструкциям.

Институт национальной государственности — продукт экспансии европейской городской культуры, промышленного развития, борьбы с имперской и феодальной чересполосицей, таможенными препонами, политический итог возвращенных по образцу коммун национальных корпораций⁸. XX век, начиная с первых десятилетий, перемалывал остатки имперской державности, производя государственность национальную. Имперские массивы того времени можно подразделить на преимущественно континентальные (Российская, Австро-Венгерская, Оттоманская империи), то есть геополитические ареалы, практически не имевшие открытого доступа к океаническому побережью, либо иначе ограниченные в выходе к мировым коммуникациям (незамерзающие порты, наличие заливов и т. п.). Соответственно и колонизируемые территории данных империй находились в непосредственной близости, сливаясь с телом метрополии. И другой колониальный модус: морские — торго-

⁷ «Сформировавшееся общество — это модель, которая может функционировать не только в оболочке национального государства. Оно может воплотиться и в картине объединенной Европы» (Людвиг Эрхард).

⁸ См. Неклесса А. И. Кризис мировидения. // Полис. Политические исследования. 2013. № 3.

вые, «островные» империи, имевшие непосредственный выход к океанам и теплым водам, обильно обраставшие заморскими территориями. Второй тип империй, избежавший антиколониальной революции на территории метрополии, позже первого вошел в кризисную фазу и оказался конкурентоспособнее при прохождении исторического транзита (rite of passage).

Судьба постимперских политий также различается: те, у которых проявился дефицит институтов, критичных для модели национальной государственности (парламент, независимый суд, муниципалитеты, другие институции, транслировавшие суверенитет от автократов народам) и социокультурной гравитации (политической нации), после распада империй попадали в водоворот центробежных национальных и социальных революций. Иногда эти осколки имперской деколонизации настигала вторая волна политического цунами, и они оказывались во власти догоняющих волн деконструкции, разрушавших на сей раз локальных империалистов.

Парадоксальным на первый взгляд образом угрозу новой целостности представляют также центростремительные утопии — попытки форсированной реинтеграции былых империй, но уже на иных основаниях, будь то концепты коммунизма или социализма «национального» ли, «арабского», а также манипуляции с культурно-конфессиональным капиталом, используемым в конъюнктурных политпроектах («арийство», «русский мир», «халифат»/«исламское государство»). Все это чревато социальной фрустрацией, а при неудачном раскладе могло спровоцировать следующую («отложенную») фазу распада юной государственности, оказывающейся транзитной (failed state). Состоявшееся же национальное государство сковывает обе тенденции, в то время как кризис идентичности вкупе с идеологическими амбициями высвобождает их.

Разобраться в ситуации помогает анализ генетики как недавних, так и нынешних геополитически проблемных зон:

Большой Ближний Восток. Проблемные территории здесь — Ливия, находящаяся на грани дезинтеграции, с политструктурой, складывающейся на основе «городов-государств», Сирия, Ирак, расколотый Курдистан, Афганистан—Вазиристан—зона племен. Ярким примером трансгрессивной квазигосударственности является подвижная и отчасти рассредоточенная — «архипелажная» политическая конструкция «Исламского государства» (более известного как «Исламское государство Ирака и Леванта» — ИГИЛ). Историческая платформа значительной части данного большого пространства — Османская империя.

Юго-Восток Европы. Здесь остаются проблемной зоной Республика Северного Кипра, экономически дестабилизированная Греция, Пост-Югославия как постфедеративное пространство, где наиболее кризисными ареалами являлись Сербская Краина (Хорватия), Республика Сербская (Босния), Косово. Историческими предшественниками в предыдущем цикле дезинтеграции были отчасти Австро-Венгерская и та же Османская империи.

Постсоветское пространство. Проблемные зоны — Приднестровье, Крым, «ДНР» и «ЛНР» (Новороссия), Чечня (Ичкерия), Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская республика (Арцах). Эпизодически — районы Таджикистана и Киргизии. Историческая основа геополитического пространства — Российская империя.

Комплексной проблемной зоной является ряд регионов *Черной Африки*: Западная Сахара (САДР), Дарфур, Кордофан, Абьей, Голубой Нил; Северная Нигерия (движение «Боко харам»); Азавад; район к западу от Великих озер, особенно — Восточное Конго, ставшее на рубеже нынешнего столетия зоной Великой африканской войны с участием девяти стран и около 20 армий различного генезиса; калейдоскоп квазисуверенных частей распавшегося Сомали — Сомалиленд, Джубаленд, Авдаленд, Пунтленд, Галмудуг, Нортленд, Маахир и т. п. Исторический субъект организации политической карты континента — колониальные империи: британская, французская, португальская, испанская, итальянская, бельгийская.

Характерные признаки семейства «травматических инклюзий» современной цивилизации:

- политическое пространство «полевых командиров» как распределенное множество очагов власти;
- инволюция к этно/конфессионально ориентированным сообществам-коммунам, «клятвенным союзам», городам-государствам и т. п.;
- ведение перманентных гибридных боевых действий различной интенсивности;
- зыбкие, подвижные границы территорий;
- трофейная экономика как основа жизнедеятельности;
- постмодернистское/фундаменталистское прочтение традиционной культуры/конфессии;
- культурные, профессиональные, социальные, гендерные, политические, экономические рестрикции;
- социальная неоархаизация, «цивилизационный пылесос»;
- «антропологический пылесос», действующий как внутри данных территорий, так и относительно окружающего мира, формируя специфические антропологические сообщества;
- симптомы «культуры смерти» как воплощение одной из возможных траекторий аксиологического кризиса.

* * *

Социальный космос, расширяясь, меняет статус, переходя в иное, не исключено, перманентно подвижное состояние. Форсаж вселенской реконструкции, рост ставок в глобальном «казино», метастазы мирового андеграунда — признаки и призраки беспокойного зона, во многом отличного от прежних футурологических схем и прогнозов. Культурный шок от столкновения с иным — шанс на радикальную терапию проблем, не решаемых в привычной системе координат. Человек, однако, способен ошибаться — порой существенно, и

с энергетикой новизны, серьезными социальными сдвигами сопряжен риск, а «тлеющий уголек» хаотизации способен в час гибели старых богов испепелить корни цивилизации. Продвигаясь по трещинам миропорядка, человечество предчувствует точку невозврата как следствие антропологической сингулярности: Большой социальный взрыв, который способен не только вовлечь человечество в творческий водоворот эволюционного перехода, но и расколоть планету людей, произведя поток астероидных наследников — агентов мультивекторной эрозии.

Триггером вселенского цунами, превращающим трещину в червоточину, может стать некое серьезное потрясение: террористическая акция с применением средств массового поражения либо удар цивилизации с использованием ядерных устройств, военные действия между гарантами глобальной безопасности, острый кризис финансовой системы, электронный коллапс, универсальная пандемия, синектрический максимум...

Духи современности, постмодерна и неоархаизации, соприсутствуя в одном флаконе, инициируют разные программы социальной реализации. Цивилизационная оболочка до поры нивелирует трещины миропорядка, сдерживает разбегание травматических инициатив, противостоя смысловому коллапсу. Но когда прежний солидарный статус человечества критически ослаблен, системы безопасности, даже становясь планетарными, расщепляются и приватизируются кланами. Сценография возможной деконструкции миропорядка отчасти различима сквозь прорехи утопий, и возможность универсальной деструкции человеческого космоса также соприсутствует в списке траекторий исторического сюжета.

Постцивилизация: «Корпорация Земля» vs «Мировой андеграунд»

Наш мир не мультиполярен — он многомерен: люди обитают в предместьях призрачной постцивилизации — распределенном множестве шлюзовых камер освобожденного Франкенштейна.

История, вопреки преждевременным декларациям, не завершилась в конце XX века — судя по всему, она просто меняет русло. То, что мы наблюдаем сегодня: окончание большой паузы, поиск вектора, смена обветшавших декораций, — симбиоз разнородных, на скорую нитку сшитых деятельных пространств и судьбоносных решений. Порою, как и всякая химера, весьма причудливого свойства. Агентство перемен, действуя поверх барьеров, развивается в плаценте социокосмоса, отрицающего сложившуюся реальность. Подвергаясь обвинениям в произвольном толковании законов, прямом небрежении ими, гегемонизме и терроризме, амбициозные корпорации не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики, утрачивающие прежнее значение.

Кризис цивилизации, по крайней мере, в привычном ее понимании — является обоюдоострой гипотезой, и возникает он в результате либо резкого изменения возможностей, либо культурной капитуляции. Проникая мысленным взором за пределы привычной футурологии, приходится лицезреть не только практикабли светло-будущего, но обретающего плоть и кровь его темного близнеца. Сквозь оптику современного кинематографа мы наблюдаем дисангелие коллективной психеи: сумеречные архетипы, картины-миражи, проецируемые на землю по ту сторону горизонта. «Над планетой парят летучие острова транснациональной Лапутании, внизу выстраивается многоярусный Undernet — трансграничный андеграунд, объединивший яростных обитателей вселенной. Эти динамичные констелляции активно эксплуатируют возможности, открывающиеся для не ограниченных административными или моральными препонами организмов. Флюиды раскованного Прометея трансформируют среду, меняют социальные траектории, опровергают институты, демонстрируя образ вздернутого на дыбу человечества. Национальные корпорации, считавшие себя хозяевами на площадках государств, поколебались и надломились. Из щебня рухнувших конструкций, осколков прежних элит исторгаются астероидные стаи. Пережив неустойчивость почвы и отделение от родных планет, подобно изгоям лабиринтообразной Трои, они устремляются в открывшуюся неизвестность, рая и калеча встречающихся на пути обитателей социокосмоса...» Перевод визионерских криптограмм на дисциплинированное наречие затруднителен не только в силу их экзальтации: в прописях перемен ощутим лексический, категориальный, однако никоим образом не феноменологический дефицит.

Взрывоопасная смесь Глобального Юга и Нового Севера постепенно приближается к критической отметке. Для людей чувства гнева, боли, незащищенности не уникальны, но порою они становятся уделом стран и народов: на планете немало мест, где градус страданий за последние десятилетия не снижался, а возрастал. Трухлявая государственность неспособна, да и не стремится обеспечить благосостояние, безопасность граждан, не говоря уже о случаях откровенного, свирепого геноцида. Страданиями, горечью наполнены сегодня не только конфликтные территории, не контролируемые легитимной властью в Африке или на Большом Ближнем Востоке. Горнило мрачной реальности — проказа фавел и бидонвилей, сумма нищеты и междоусобиц, презрения к достоинству человека, некогда опознанному и признанному цивилизацией: из помеченных трупными пятнами «золотых земель» различных пропорций, кварталов мегаполисов, закрытых для полиции, из перманентной отверженности, ненужности, тоски по невоплощенному идеалу творится лоскутный, трансграничный архипелаг, пробуждая память о пиратских республиках и гнездах ассасинов.

Для многих обитателей Земли жизнь и карьера — почти синонимы; признанной целью являются комфорт, статус, безопасность — все, что

укладывается в конструктивные, хотя порой незатейливые формы существования. Но в культуре, отвергающей житейский флер, вершиной дерзновения может оказаться акт «гибели всерьез», причем с последствиями, в сравнении с которыми многие боины показались бы битьем елочных игрушек. И это не пустая геростратова амбиция — темное дерзновение скреплено чувствами, не требующими ярмарочного признания. Если страсть, лежавшая в основании культуры, — влечение к преодолению несовершенств естества, социальному творчеству, симфонии для всех жителей планеты — покидает тело цивилизации, если духи рынка превращают ее в корыто всеядного потребления, «райский хутор» коммерческого расчета, это не означает, что страстность *per se* оставила землю. Пройдя регресс и перерождение, она обретет иные формы. И если жизнь оказывается обременением, порыв к инобытию — *Ultima Thule*, предоставляет изгоем шанс на последнее разрешение.

Рассеянное по планете многочисленное племя миноритарных акционеров — сотрудников и безработных «Корпорации Земля» — добивается изменения правил игры и допэмиссии голосующих акций. Играть по существующим процедурам для них бессмысленно. Действуя так, они остаются вечными должниками и маргиналами, не имеющими голосующего представителя в мировом Совете директоров. В среде уязвленного прекариата ведется поиск ресурса, способного превратить изгоев цивилизации в признанную силу, способную опровергнуть, перевернуть и сокрушить актуальную власть.

Со временем магистерииум сумеречного эона был опознан: активам жизни может противостоять капитализация смерти — единственный неотчуждаемый от человека ресурс, замещающая конструкцию деструкцией, желание обустроить быт стремлением значимо реализовать смерть. Что наводит на мысль о мировоззрении, ввергавшем в нигилистические бездны своих адептов, находивших в уничтожении земных тел смысл и оправдание бренности. Однако диспозиция изменилась, и персональное утешение становится публичным делом: из катакомб Глубокого Юга, населенных миноритариями «Корпорации Земля», чей козырь — поставленная на кон и эффективно разыгранная гибель, ресурс мирового андеграунда экспортируется в большой социум. Потенциал продукта — предмет игры на повышение: на глобальном рынке извлеченное из сундука Пандоры золото современных нибелунгов оказывается высоколиквидным товаром, по-своему эксплуатируемым политэкономической мегамашиной.

Бурлящая смесь экстремизма и нигилизма насыщается испарениями метафизических болот, нетрадиционных практик, подзабытых традиций. Из пепла социального холокоста восстает порода людей, лишенных былой идентичности и устремленных к выкроенному по иным меркам идеалу. Бурлящая природа их страсти — заря мира, согласившегося на исход из отвергнутой реальности, чтобы, собравшись во тьме долины, воспеть гимн Чуме, восславив деструкцию как основную, конечную и желанную цель творения.

Неопознанная культура

Где истоки этой отрицающей жизнь тоски, аннигиляционного порыва, выкупающего уничтожением акт освобождения, культуры, чьи адепты — носители искр мирового пожара, последователи и судебные исполнители, требующие невообразимого жертвоприношения в надежде приблизить Суд как финал и апофеоз истории? Отдельные черты нигилистичной культуры различимы в шиваистских культах и почитании Кали, буддийском нигилизме и зороастрийском дуализме... Однако отчетливее всего ее универалистский потенциал прослеживается в гностическом мировидении. Но что есть гностицизм, и какова его внутренняя картография применительно к (пост)современному кругу проблем, проклюнувшемуся на свет мироустройству, экономической и политической практике, ценностям и мотивациям нового мира? Каким видится влияние его идей и шире — специфического мировидения, постулатов, прозрений? Какова соответствующая его логике модель универсума?

Отличительная черта данного мировоззрения — особый статус материального мира как области несовершенного, случайного, пространства, плохо сделанного, которому присущи произвол, инволюция, самоотчуждение. Бог обезличивается и обособляется от творения, трансформируясь, по сути, в аристотелев перводвижитель, бытию придается тот же механицизм, что у язычников, нет лишь страха и пиетета перед ним. Характерна онтологизация зла, презумпция отдаленности и неучастия «светлых сил» в земных делах при близости и активном соучастии «сил темных», а также вытекающий из подобной фатальной диспозиции деятельный пессимизм. Гностицизм серьезно подошел к проблеме зла, рассмотрев ее сквозь призму негативного восприятия вселенной и умопомрачения творца. Пытаясь отыскать простое (линейное) и понятное (рациональное) решение метафизической тайны — генезис разлада между могуществом и благостью, созиданием и благодатью, адепты учения усложняют по форме, но упрощают по сути модель мира и саму проблему, придавая ей скорее механистический, нежели метафизический привкус дурной бесконечности, порождая представление о творце/творении редуцированное, прагматичное, жесткое, неблагое.

Еще один родовой признак — эзотеризм, эволюция степеней посвящения, практика скрытой власти, действующей параллельно официальной, особых структур управления, используемых и во вполне прагматичных целях. Немаловажное свойство — абстрактное мышление, стремление к умножению миров, нумерологических систем, изошренные операции в дигитальном космосе и его актуальной бесконечности. Гностицизм в своей основе есть действенная иллюзия, энергичная попытка умопостижения необъятной абстракции, то есть обретения свободы без эмпатии и жертвенной любви.

Необходимо упомянуть о его тяге к христианству, особенно к апофатической теологии и напряженной практике — исихазму, о двойниче-

стве-оборотничестве, состязательности, соприсутствии на территории «абсолютной религии» схожих душ и умов. Гностицизм по-своему близок христианству как его главный оппонент — «близнец». Иногда различие столь тонко, словно из сферы субстанции оно перетекает в область акцентов. В Древнем мире гнозис оказался своеобразным предшественником христианского века, зачинателем осевого времени. Будучи метафизически глубже и деятельнее язычества традиционных культур, он свидетельствует о христианстве, как полноценная тень свидетельствует о светиле, он что-то знает о христианской истине, но по слишком многим причинам предпочитает собственный ответ, в котором разъята триада творчества, любви и свободы. Гностик — безумец, несчастливо соприкоснувшийся с отраженной истиной, став пленником прелестного зазеркалья: «мы восстанавливали человека, но когда это существо восстало, оно оказалось мало похожим на человеческое». Порой создается впечатление, что наиболее характерная черта данного мироощущения — присущая лишь ему удивительная смесь элитаризма и вульгарности, по своему выражающая *Zeitgeist* уплощенной цивилизации и освобождающегося дикарства.

Рискну сказать, что гностицизм — своего рода упрощенное христианство (эрзац, исключивший смирение и «милость к падшим»), что, однако, влечет совсем не простые следствия. Но как раз этой стороной данное мировоззрение наиболее близко эгоцентризму современного человека, развращенного потребительской логикой, эманациями массовой культуры, обожающему эффектные, эффективные упрощения. Особенно если можно заменить трагедийное усилие (милосердие) не слишком обременительными санкциями и спекуляциями, имеющими, как всякое средство комфорта (в данном случае душевного), коммерческую составляющую. Проекты класса интеллектуальный поп-арт, ориентированные на поддержание иллюзии принадлежности к высокой культуре, духовный материализм и умственное утешение, оказываются перспективным товаром.

В подобной модели искушениям открывается головокружительный простор — у темной культуры есть свои интимные аспекты, способные резко менять траектории жизни, опрокидывая или выворачивая наизнанку привычную шкалу ценностей.

* * *

Адепты «лжеименного учения» подменяют жертвенное сочетание личности и любви соединением свободы в мире иллюзий с обезличенным знанием. Их бог — не личность, ибо гностическим даром, утешением можно уверенно обладать и обогащаться, управляя как силой, что подчас сближает гностицизм с магией.

Различие двух ответов на тайну бытия проявляется в отношении к несовершенствам: гностицизм, копия перфекционизм, отрицает живую жизнь и, тяготея к силам искусства, изобретает неподлинное, несуществующее, плодя протезы и утопии, в то время как христианство приходит в падший мир, чтобы попытаться его поднять. Смысл христианского

творчества не спиритуалистичен, но конкретен и персоналистичен. Его цель — не искусство как апогей процесса, а спасение как торжество результата. Не идеальный проект отделяется от какофонии случайного, но персона отъединяется от греха (ошибок) и его следствий (искажений), так что солидарное творчество охватывает весь мир, не предрешая, но воплощая результат в соответствии с экзистенциональной сопричастностью и милосердием икономии спасения.

Проще говоря, гностицизм склонен уничтожать несовершенное, а не исцелять. Но и гностицизм, и христианство — оба пребывают в трансцендентальном отношении к обыденности, сталкиваются в метафизических пространствах и деятельных душах.

Гностический дуализм предопределил и особую антропологию. Речь идет не о сложных кодах сочетания двух природ в Богочеловеке (как в дохалкидонской полемике), а о неравном достоинстве двух пород, о жестком разделении человечества на избранных и отверженных. Проявление чего — радикальный, обостренный элитаризм и подспудная тектоника проклятых. Представление о дуальности мира проявилось в разделении людей на настоящих, обладающих гнозисом — что бы под этим ни подразумевалось, и ненастоящих, имеющих лишь обличье человека, но являющихся, по существу, умствующими животными. Гностический универсум делится, таким образом, на виртуальную сферу настоящих свойств (сакральный Север) и материальный мир поделок (десакрализованный Юг).

В той же купели переосмысливается кровоточивый вопрос Иова о вселенской справедливости и местопребывании блага при манифестации зла: «Где ты был, Господи?» Вопрос, болезненный для всех, ощутивших глубину «зияющих высот» в теологии после ГУЛАГа и Освенцима.

Сложноподчиненная конструкция мирового Севера и мирового Юга может быть истолкована как пародийное переосмысление дихотомии Страшного суда, всего корпуса эсхатологии. Можно вспомнить слова Сергея Булгакова о «переложении иудейского хилиазма <...> на язык политической экономии» или провести параллель со «священной борьбой прогрессивного пролетариата и ретроградной буржуазии». Даже шире. Так, почти фарсовое сближение апокалиптического противостояния избранных и подлых дополнилось в наши дни противопоставлением «рыцарского союза демократий Севера» «мировому плебейству Юга», квинтэссенция которого — идея финального для истории конфликта со странами-изгоями и последующее связывание (либо развязывание) демонов мировой анархии.

Иначе прочитывается и тезис о конце истории. Если мир и большинство его обитателей не вполне настоящие (механические объекты, «зомби»), то действия в отношении них лишены груза моральной ответственности. Тогда высшее состояние юдоли зла — ночь творения: распад и аннигиляция мерзости, освобождающая избранные души от власти материи. Ночь истории, что на протяжении сотворения человеком своего мира тенью соприсутствует как изнанка свободы, — это шанс перво-

бытного хаоса («тьмы над бездною»): предчувствуя исполнение сроков, он готовится к реваншу, стремясь повернуть время вспять ко временам архаики, ахронии и протоистории.

Культура смерти: имплозия неоархаики

В основе череды нынешних драм — шарады и шифрограммы истории, пронизательное прочтение которых — добродетель правителей и долг экспертного сообщества.

Новый терроризм — симптом глубинных социальных и ментальных сдвигов. Наиболее зримо и драматично — как верхушка айсберга — он представлен в эпидемии террористов-самоубийц. У него своя формула воплощения в коллективном бессознательном: взаимосвязь в целеполагании предполагает симпатию, иницируя молекулярную самоорганизацию. Но отрицание полноты личности приводит к человекоподобию (функции), воспроизводя в людском облики обезличенный и достаточно жесткий протокол, посылающий в мир перепоясанных смертью вестников. Феноменология и логика системного террора сравнимы с протеканием инфекционных заболеваний либо поведением перманентно атакуемых популяций. Или с алгоритмами виртуальных агентов наподобие компьютерных вирусов, червей, троянов, предъявляя миру соответствующую стратегию угроз.

Между тем охранные механизмы модернизи настроены на иной тип угроз, их мощь, ориентированная скорее на принцип эскалации, нежели диверсификации, уходит «в песок». Они были созданы для борьбы с государствами и коалициями, с агрессивией институтов, с чем-то, что имеет географически локализуемую структуру, но против анонимных, неопределенных, эклектичных персонажей, распыленных по городам и весям, эти системы безопасности малоэффективны. Рождаются феномен диффузных войн, то есть происходит диффузия временных границ, расплывчатых конфликтов, субъектов и объектов, средств и методов силовых акций и боевых действий.

Купирование явления зависит не столько от успеха силовых (военных) операций («борьба с симптомами»), сколько главным образом от состояния среды. Методологическая доминанта нейтрализации угроз — сдвиг акцента от рефлекторной борьбы с проявлениями/следствиями феномена на разрушение потенциала антисистемы: подрыв патогенной среды обитания, социальная и финансовая ее стерилизация, создание контрпопуляций, внутривидовых конфликтов, матричный контроль, преадаптация. И одновременно — сублимация отдельных устойчивых проявлений феномена. Иначе говоря, борьба есть симбиоз в форме перманентного динамического контроля-диалога над ситуацией⁹.

⁹ См. Неклесса А. И. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2001. № 5.

Высоко оцененный новым веком ресурс — произвольная, осмысленная и результативная гибель, обретая в комбинациях эпохи глобальные пропорции, реализуется не только под именем нового терроризма. На горизонте футур-истории забрезжил образ комплексной «культуры смерти», элементы которой включаются в рецептуру властных игр. Культура смерти — выходящая из глубин подсознания в пространства общественной практики тяга и способность к массовой деструкции и автодеструкции, тяга, носящая порой иррациональный характер, однако использующая определенные мировоззренческие коды и достижения цивилизации, проявляясь в широком диапазоне¹⁰. Она утверждает иную меру вещей: речь идет о легализации и культивации процедур, редуцирующее господствующее на планете мировоззрение, подвергая его инфляции, дегуманизируя социальную ментальность, предполагая не только разрешение форсмажорных ситуаций, но также их форсирование и преумножение.

Генезис и распространение культуры смерти — социализацию произвольной и эффективной автодеструкции — стимулируют:

- фрустрации различной этиологии (экономические, социальные, расово-этнические, конфессиональные), приводящие к психологическому перевороту: изменению пропорций в балансе жизни и смерти («эрос—танатос»);

- аксиологический кризис, проявляющийся в утопизме и фундаментализме, но воплощающийся в той или иной форме антиутопизма;

- метафизическая дезориентация, переворот в восприятии бытия, гностические и апокалиптические реминисценции.

Все это повышает вероятность радикального изменения условий существования: в пределе же подобная траектория может привести к закату цивилизации.

Культура смерти — рычаг перемен не только в пользу Крайнего Юга. Не один униженный Юг разрабатывает сегодня эти мрачные штольни: запретный ресурс приспособляют для своих нужд различные персонажи мировой кратии и анархии. И не только социальные причины — движитель сумрачного преобразования. Деструкция органично сопутствует в истории, она инкапсулирована психикой в метакультурный текст, для которого, однако, характерна асимметрия конструкции и деструкции: конструкция доминирует, а деструкция чаще прочитывалась как асоциальное действие, признавался лишь ее карательный аспект и сублимация как источник обновления.

Импульсы деструкции время от времени и в различных обликах нарушают балансировку мироустройства. В минувшем столетии — не только в ходе войн и революций, но и когда на волне избыточного, не покрываемого платежеспособным спросом производства запылали костры экономически обоснованного, однако социально нелепого уничтожения

¹⁰ См. Неклесса А. И. Цивилизация смерти // Эсхатологический сборник / под ред. Д. А. Андреева, А. И. Неклесса, В. Б. Прозорова. СПб.: Алетей, 2006.

результатов труда. Мании коллективных убийств, призывы к автоаннигиляции, эпидемии самоубийств время от времени охватывали жителей планеты, чье поведение начинало походить на исход леммингов. Лозунг «Да здравствует смерть!» являлся опознавательным знаком движения, грозившего захлестнуть мир. Технологизация деструкции проявилась в индустриализации войн и стимулировании гиперпотребления. Вторая мировая война оставила на теле цивилизации стигматы лагерей смерти, оснащенных механизмами массового уничтожения; завершение же века было омрачено гекатомбами Камбоджи, массовой резней в Руанде, Великой африканской войной. Самоубийство неоднократно публично характеризовалось как «акт свободы» (е. г. в 1978 году совершилось массовое «революционное самоубийство» 918 членов «Храма народов»), а террористы-самоубийцы, ведомые различными мотивациями, оказываются сегодня одной из примет времени, проводя свои акции подчас на высокотехнологичном уровне.

Тема барьеров на путях умножения жизни и рукотворной смерти сопрягается с дебатами об ухудшении демографической ситуации — Malthusian trap, подводя к ревизии ценностей цивилизации и культуры¹¹. Сегодня несколько иначе прочитывается сентенция безумного философа: «высший интерес к восходящей жизни требует беспощадного подавления и устранения вырождающейся жизни»¹². На «земляничных полянах» современности ощутимо дыхание «экофашизма» — замыслов плавной либо радикальной депопуляции в диапазоне от самооскопления до биотерроризма. Допущение в мир рукотворного механизма повальной смерти можно усмотреть и в замысле «оружия Судного дня». Если же кто-то властный решается произнести: «правил нет, они не существуют», — хрупкий лед цивилизации оказывается взломанным, космос общежития — разрушенным.

Мы отрицаем закон ради более сложной и справедливой законности, высшей меры вещей либо полного беззакония. Деспотизм обыденности скрывает агонию миропорядка, цивилизация все больше напоминает льдину, растворяющуюся в бурлящем житейском океане. Если «над

¹¹ «[культура смерти] распространяется под действием мощных культурных, экономических и политических тенденций, отражающих определенную концепцию общества, где важнейшим критерием является успех. Рассматривая положение дел с этой точки зрения, можно, собственно говоря, назвать его войной сильных против бессильных; жизнь, требующая как можно больше доброты, любви и заботы, объявляется ненужной или рассматривается как невыносимое бремя и в конце концов так или иначе отвергается. Тот, кто своей болезнью, инвалидностью или просто самим фактом своего существования угрожает благоденствию либо жизненным привычкам более благополучных, оказывается врагом, от которого надо защищаться или которого надо уничтожать. Таким образом возникает “заговор против жизни”. Он не только втягивает отдельных людей в рамках их личных, семейных и общественных отношений, но идет гораздо дальше, обретает глобальный размах, расплывая и разрушая отношения между народами и государствами» (Иоанн Павел II. Evangelium Vitae. Окружное послание о ценности и нерушимости человеческой жизни. 03.25.1995. — www.fjp2.com/ru/john-paul-ii/online-library/encyclicals/126-evangelium-vitae).

¹² Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом. — www.nietzsche.ru/works/main-works/idols/

жизнью нет судии» и все позволено — любой эксперимент в марксистском, ницшеанском либо фрейдистском духе, то логический конец истории — антропологическая катастрофа и постчеловеческий мир. Мир игры заселяется ботами и виртуальными персонажами: маски, обличья, обретая автономность, замещают реальность. Социальное время начинает обратный отсчет, а в обществе растет предчувствие макабрической квазицивилизации — эпохи, когда смерть становится антропологическим полюсом — точкой отсчета реальности как подлинности и главного побуждения к действию: ценностно разработанным, социально и культурно насыщенным содержанием жизни.

По мере снятия все более глубинных препон, перекройки моральных границ происходит взлом суицидального предела и утверждение онтологического первенства ничто. Утопию вытесняет дистопия, скудость жизни заменяет широта смерти. Мысль о допустимости и необходимости уничтожения человеческих толп — как функций враждебной матрицы либо как зомби-истерия, став за последние десятилетия привычной, ведет к легитимации планетарного жертвоприношения. И уже не самоорганизующиеся очаги нового порядка, но спонтанные всплески критичности будут определять состояние треснувшего земного ландшафта.

Холокост модернити («Зима уже близко!»)

Новая земля творится не ангелами, и сумерки креации исходят из очагов хаоса, глубин отчуждения, познанных человеком. Идеи и сценарии укрощения бытия, проклянувшиеся в идеале пира во времена чумы, решившегося воспеть гимн Зиме, получают шанс перерасти рамки локальных плясок смерти, обретая перспективу универсального кризиса, чтобы «мыслящая субстанция» могла либо раствориться в небытии, либо обрести сразу и вдруг бытие иное.

Подобная диспозиция раздвигает ретроспективу, перетолковывая события XX века, истоки и горизонты его масштабных экспериментов, включая опыт ГУЛАГа, Холокоста, Дрездена, Хиросимы, Пол Пота, Руанды...

В логике социализированной деструкции прочитывается и нечто интимное, однако же прагматичное: единение в стратегии успеха карьерной траектории и всепоглощающей жертвенности, ищущей грандиозного разрешения — состояния, когда управляемая смерть воспринимается как долг и апофеоз жизни. Пути истории прокладывают не только держатели золотой акции миропорядка, но и жертвы. Когда власть, подавляя личность, подвергает изощренному, прямому и косвенному геноциду будущее классов, наций, рас, конфессий, профессиональных либо социальных страт, порою лишь уникальная жертва способна одержать верх над режимом и низким небом обыденности. Привкус подобной мотивации был по-своему прочувствован на исходе второго тысячелетия, когда история оказалась в тупике, а ее будущность — под сомнением. Ситуация, однако, была вскоре перетолкована,

и умные головы не только опознали в самоубийственной жертвенности новый вид оружия массового поражения, но обнаружили направление исторического творчества — связку отточенных скальпелей для хирургии грандиозных перемен.

У культуры смерти есть драматичный аспект — в трактовке смерти как жертвы, — также отвергающий присущую современному человеку траекторию успеха. К угрозе голодной смертью (прайа) как к последней инстанции протеста прибегали и в прошлые дни, и в наше время¹³. Но ситуация еще менее однозначна: «...я не могу ничем так послужить любимому делу, как смертью за него, и в смерти я свершу больше, чем за всю свою жизнь»¹⁴. Это слова не террориста-самоубийцы, а Джона Брауна, «чье тело в земле, а дух — на небесах». И переходя в метафизические измерения, «осуществления ожидаемого и уверенности в невидимом», сливаясь с жаждой избавления от могильных мук: «Ищите смерть там, где вы ожидаете ее найти, и материальный мир закончится, наступит жизнь потусторонняя, которая продлится вечно»¹⁵. И глубже: «Дайте мне стать пищей зверей. В полной жизни выражаю я свое горячее желание смерти... Мои земные страсти распяты, и живая вода, струящаяся во мне говорит: приди ко Отцу. Я не хочу больше жить этой земной жизнью» (св. Игнатий Богоносец)¹⁶. Самопожертвование здесь — источник не смерти, а жизни¹⁷, жертва — цена обретения, битва же разворачивается в другой среде, участвуют в ней существа иной природы, равно отвергающие мир, но преследующие диаметрально противоположные цели, как противоположны любовь и ненависть.

Идея корректировки истории жертвой — та ценность, на которой зиждилась двухтысячелетняя цивилизация, в наши дни извратилась,

¹³ «В начале XX в. политические голодовки в Индии применялись широко и систематически в национально-освободительной борьбе индийцев против британского владычества. Они в первую очередь связаны с именем Мохандаса Карамчанда Ганди. Ганди рассматривал голодовки как один из методов движения сатьяграхи...» (Селиванова Т. П. Голодовки как этикетная форма // Этикет у народов Южной Азии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 215—228). К бессрочной голодной забастовке прибегали заключенные в ходе Ирландской революции 1919—1921 годов: Роберт Бирн, Терренс и Энн Максунни. Терренс Максунни, предвидя собственную кончину, говорил: «Моя смерть сделает больше для разрушения Британской империи, чем мое освобождение». Ближе к нашим дням к бессрочной голодовке прибегали заключенные различных политических ориентаций: «ирландская десятка», Мустафа Джемилев, Анатолий Марченко, Гильермо Фариньяс, Андрей Деревянкин, Максим Марцинкевич.

¹⁴ Из письма Джона Брауна, написанного в ночь перед казнью.

¹⁵ См. Аль-Бадри И. Мы дойдем до Рима. Обращение халифа Ибрагима к правоверным. 09.06.2014. — www.kuzbassislam.ru/news-58141.html

¹⁶ См. Шмеман А. Д. Исторический путь Православия. Нью-Йорк, 1953.

¹⁷ Самопожертвование из действия, привлекающего смерть, осознается по примеру Христа актом спасения: «смертию смерть поправ, смертию смерть разрушив». «Призвав святого Игнатия, Траян пытался то лестью, то угрозами склонить его подчиниться царскому указу и принести жертвы языческим божествам. “Не временных ищу благ, — отвечал святой, — но единых и вечных, чтобы прийти ко Христу, Богу моему, принявшему за меня смерть”» (Священномученик Игнатий Богоносец // Православный церковный календарь. 2007. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. С. 22—23).

обретая карикатурное, лжеименное звучание. На планете возрождается нигилистичное по отношению к человеку мировоззрение, провоцирующее тягу к смерти, отрицая претензию личности на обустройство тварного мира и само право на бытие. Путеводные нити цивилизации, ее выверенные знаки, символы изнашиваются, стираются, становясь непереводаемыми на язык повседневности, либо прочитываются догматично или метафорично, произвольно и разноречиво. И толкуются *ad hoc*, то есть конъюнктурно. Удержание основ, «зерен» современного строя становится непосильным бременем. Добровольная жертва служит теперь метафизическим оправданием смерти, а письма, возникающие на ткущихся и вновь распускаемых холстах, заметно отличаются от языковой нормы и вязи секулярной культуры, вызывая в памяти забытую во времена прогресса огненную невятицу: *мене, текел, упарсин*.

Речь идет о конечной станции истории, ее переоценке и пришествии серьезной альтернативы — контртезиса цивилизации, но уже не как нелегальной, террористической акции-агрессии, а открытого противостояния постсекулярного мировидения, обладающего чертежами собственного опрокинутого строя. Другими словами, о реабилитации негативной диалектики истории. Плавающие руны — зарницы Нового мира — освещают погружающуюся в небытие тучную Атлантиду модернити. И хотя процесс грандиозного преобразования в некоторых частях планеты не слишком заметен, в других он видится яснее, понуждая размышлять о где-то, когда-то посеянных, а ныне прорастающих кадмовых зернах — вестниках приблизившихся бурь и перемен. ◆

Будущее капитализма: от литРПГ к футурологии

Эту статью изначально предполагалось посвятить достаточно узкой проблематике — появлению в России нового жанра фантастики, так называемого *литРПГ*¹, описывающего ситуации, в рамках которых герои живут внутри виртуальных компьютерных ролевых игр — RPG (role-playing game). Однако в ходе работы выяснилось, что, возможно, этот новый и не слишком изысканный в литературном отношении жанр является своеобразным отражением глобальных тенденций, имеющих далеко не только литературное значение. Поэтому, начавшись как попытка описать феномен литРПГ, наше небольшое исследование плавно перетекло в область футурологии. Как мы намереваемся показать ниже, произведения жанра литРПГ являют собой причудливую смесь страхов и ожиданий, связанных с недалеким будущим. И хотя сам факт их присутствия в фантастических произведениях вполне обычен (страхи и ожидания выполняют там функцию плохо детализированного фона), их конкретные особенности представляют несомненный интерес с точки зрения обществоведа.

Итак, что же такое литРПГ?

Жанр литРПГ, о котором пойдет речь ниже, сравнительно нов. Хотя отдельные авторы создавали нечто, напоминающее литРПГ, и ранее — в массовом порядке произведения, четко соответствующие канонам этого жанра, начали появляться два-три года назад. Зарубежным основателем жанра считают корейского писателя Хесунг Нама. Среди отечественных назовем имена А. Маханенко, Д. Руса, А. Абвова, А. Каменистого, А. Андросенко, А. Арсеньева, Д. Ушакова, М. Михайлова, М. Дулепы, А. Лавина и др. На сегодняшний день можно насчитать уже сотни авторов,

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

ФИШМАН Леонид Гершевич — ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, доктор политических наук.

Исследование выполнено по гранту РГНФ; проект №15-03-00124 («Возвышение и кризис демократии в рентной перспективе»).

Ключевые слова: литРПГ, виртуальная реальность, дух капитализма, рентное общество, технологическое замещение.

¹ ЛитРПГ или «литRPG» — жанр фантастики.

опубликовавших в жанре литРПГ тысячи книг — как в традиционном, так и в электронном виде.

Каковы характерные черты этого жанра? В относящихся к нему произведениях описывается процесс игры героя в виртуальные многопользовательские онлайн-игры недалекого будущего (ММОРПГ²). Многие компоненты литРПГ встречались и раньше: в фэнтези, фанфиках, «попаданческой» фантастике³ и т. п. Отличием литРПГ от прочих жанров является то, что путь развития героя — это путь игрока как такового, виртуального персонажа, аватары, чьи качества, способности и навыки — это «характеристики», обычно представленные в цифровом выражении. Его сражения и деяния описываются в «логах», его приключения — это «квесты». Эти особенности делают литРПГ литературой «на любителя», порожденной, как нередко считается, реальным феноменом популярности ММОРПГ, в которые у нас и во всем мире играют миллионы. Действительно, любители фантастики и фэнтези *stricto sensu* могут найти все интересующие их составляющие в других жанрах. Мотивы эскапизма, бегства в фантазийные миры, «попаданчества», пути героя, усеянного многочисленными ролями, и т. д. — ради этого произведения в жанре литРПГ читать не обязательно. Все это есть, к примеру, в той же «попаданческой» фантастике, от которой содержательно литРПГ отличается лишь тем, что в ней «попаданчество» обычно выступает как акт добровольный.

Так, подобно «попаданцу», герой литРПГ пользуется некоторым преимуществом, проистекающим из опыта прошлой жизни или вследствие удачного стечения обстоятельств; точно так же он одержим идеей расширения спектра личных возможностей; подобным же образом он обычно прикипает душой к иному миру — как более соответствующему его внутренним потребностям и т. п. В итоге получается, что поклонники литРПГ читают тексты, написанные в соответствующем жанре, именно ради специфической «геймерской» составляющей, логов и цифр характеристик.

Если мы попытаемся ответить на вопрос о том, почему жанр литРПГ стал столь популярным в последнее время, то анализ произведений, относящихся к этому жанру как таковых, даст немного. Необходимо понять, какие социально-психологические, культурные, технологические и прочие изменения в реальном мире (не только в России, но и за рубежом) обусловили появление феномена литРПГ. При этом наибольший интерес вызывают не столько виртуальные миры как таковые, сколько выступающие в качестве фона развития действия реальных миров будущего, которые выталкивают героев литРПГ в виртуальное пространство. Очевидно, что в этих «фоновых», лишь скуными штрихами обрисованных мирах будущего отражаются ожидания и опасения авторов и читателей — подчас смутные, но от этого не менее интересные.

² От *англ.* Massively multiplayer online role-playing game (MMORPG).

³ «Попаданческая» фантастика — жанр, который описывает приключения нашего современника («попаданца»), очутившегося в альтернативном мире или в прошлом и меняющего ход истории. См., например, об этом: **Фишман Л.** Мы попали // Дружба народов. 2010. № 4.

Реальный фон виртуальных миров

Итак, попытаемся реконструировать воображаемое будущее, которое вытаскивает героев в виртуальное пространство. Так, например, у Д. Колотилина описывается ситуация, в которой развитие индустрии виртуальных миров выступает как способ «утилизации» невостребованной рабочей силы и предотвращения социальных катаклизмов⁴. Вследствие повальной роботизации и автоматизации миру оказываются больше не нужны людские ресурсы, и от того людей повально «гонят» за пределы реального мира — то есть в мир виртуальный:

«— Сейчас гонят повально просто, спад бешеный, миру больше не нужны людские ресурсы, вся работа, даже интеллектуальная переводится под консервы.

— Подо что?

— Консервы — системы автоматизированного управления, контроля и развития или как-то так. Короче, нас заменили роботами с искусственным интеллектом, пока только в виде серверов расчета, но, думаю, скоро и в виде передвигающихся консервов, какие уже давно в шахтах и прочих опасных областях работают».

Альтернатива описана скупыми мазками: «...в Европе все большее число граждан недовольны нынешней политикой Европравительства, все больше городов захлебывается в хаосе беспорядков. Вчерашние благополучные горожане выходят на улицы и устраивают погромы. Полиция не способна справиться своими силами, в некоторые столицы, в том числе Париж, Берлин и Лондон, вошли регулярные войска с тяжелой бронетехникой...» Зато там, где перевод граждан в виртуал совершается успешно, ситуация не в пример лучше: «...Председатель Правительства Российской Федерации выступил с очередным отчетом об экономической ситуации в стране. Он отметил рост ВВП, снижение инфляции и заметное снижение безработности...»

У В. Ушакова мы встречаем сходную картину. Сама игра появляется как результат осмысления учеными происходящих в мире процессов. Каковы же их выводы? Они таковы: «...в условиях современной структуры общества, когда перепроизводство влечет за собой избыточное количество рабочих рук и, как следствие, потребительское восприятие мира, мы решили обратиться к вам как к главе государства. ...При сохранении существующего порядка вещей всего через 30—35 лет деградация общества выйдет на уровень, когда станет просто невозможно сохранить государство как структуру. Постепенно, но неуклонно будут разрушаться гражданские институты, наука, искусство, культура. Поскольку более 90 процентов граждан к тому моменту будут иждивенцами или крайне узкими специалистами, прогнозируется резкое падение уровня производства, в особенности в пищевой промышленности. В отсутствие полноценного обучения рабочим специальностям прогнозируется огромный, порядка 68 процентов, кадровый голод на уровне стратегически

⁴ См. Колотилин Д. Идеал. Холодные земли. — <http://fantasy-worlds.org/lib/id21517/read/>

важных производств. В данных условиях вероятность потери страной политической независимости и территориальной целостности составит через 30 лет 56 процентов, далее вероятность возрастает на 2—3 процента в каждый последующий год»⁵. Тот же мотив утилизации «лишнего» населения обнаруживается и у Д. Руса: «Совершенно Секретно. Из Указа президента РФ о создании закрытого комплекса “Шаражка”. ... Провести подготовительную работу и настоять на оцифровке всех, кто старше 70 лет, а также тех, чье состояние здоровья внушает опасение»⁶. То же самое мы видим у А. Арсеньева: «Продай, что у тебя есть, купи капсулу виртуальности и “десятиметровку” в государственном доме, оплати игру и играй до конца дней своих. Судя по всему, это была официальная политика правительства, думал я подавленно. Огромное количество Вселенных ждало своих игроков: Космические империи, Средневековые с магией или без. Миры разных писателей и придуманные разработчиками, бери один и наслаждайся... Я не понимал подобного подхода, ведь капсула, несмотря на автоматизацию, была недешевой. Кроме того, выделяли так называемую “десятиметровку” для жизни. Все удобства там были, но без роскоши. Мысль, которая возникала при этом, — это то, что молодежь, не имея возможности для самореализации, просто поднимет бунт, и так ИМ просто дешевле... Мир словно охватила лихорадка. Новые, “Свободные миры” оказались тем, что нужно. Миллионы людей подсели на него, после чего, делаясь невероятными впечатлениями, государства стали выталкивать людей в этот отстойник. Особенно людей, которые не могли интегрироваться в общество по каким-либо причинам. Самый легкий путь... Сядь, играй, добейся всего, и оба мира будут прекрасны! Это твой путь к признанию в обществе! Тут тебя ждут!»⁷

Нетрудно заметить, что здесь мотив утилизации переплетается с идеей необходимости удовлетворения потребностей людей, лишенных возможности самореализации в реальном мире. Причем тут подразумеваются и банальные потребительские потребности: очевидно, что затраты ресурсов на дорогую капсулу виртуальности в общественном масштабе гораздо меньше, чем на удовлетворение потребностей людей в реальном мире.

Словом, как это уже присутствует у считающегося первопроходцем жанра литРПГ Хесунг Нама, виртуальные миры будущего осмысливаются, в сущности, как «вторая», и едва ли не такая же полноценная, как и «первая», реальность, в которой осуществляются человеческие желания: «Королевская дорога» — это не обычная игра. Будь она лишь игрой, достаточно было бы одних боевых навыков?! Но с самого начала “Королевская дорога” создавалась как еще один мир. Как место, в котором можно провести еще одну жизнь. Виртуальная игра, взявшая за основу законы реального мира и оттого приобретающая еще большую глубину.

⁵ См. Ушаков В. Маноратха. — <http://f-w.in/lib/id22518/read/>

⁶ См. Рус Д. Играть, чтобы жить. — <http://fantasy-worlds.org/lib/id20006/read/>

⁷ См. Арсеньев А. Свободные миры. — <http://fantasy-worlds.org/lib/id22688/read/>

И каким образом там развлекаться и осуществлять свои мечты, придется решать каждому лично»⁸.

Реальные изменения как основа для предчувствий фантастов

Существенными представляются причины будущего ухода людей в виртуальные миры, тесно связанные с проблемой возрастания количества «лишних людей» или же перспективой такого увеличения. В более общих понятиях эта проблема осмысливается как проблема «технологического замещения», порожденная возникновением новых технологий, которые радикально сокращают потребность в человеческом участии в производстве товаров и услуг⁹. Так, например, Б. Гейтс предсказывает, что в скором будущем появятся «программные субституты для самой разной деятельности — будь то водители, официанты или сиделки. ...Эти технологии прогрессируют. ...Со временем технология будет снижать спрос в работе, особенно в нижней части профессионального спектра. ...Через 20 лет спрос на труд во многих областях деятельности будет существенно ниже, чем сегодня. И я не думаю, что люди удерживают этот нюанс в своей ментальной модели». И Гейтс — не единственный, кто предсказывает нерадужный сценарий для рабочих. В январе «Economist» опубликовал крупный материал, где названы больше дюжины профессий, которые практически гарантированно будут отданы роботам в ближайшие 20 лет, включая телемаркетинг, бухгалтерию и розничные продажи»¹⁰.

Другое предложение заключается в том, чтобы решить проблемы «лишних людей» путем банальной раздачи денег. Тем, кому не нравится идея раздачи наличности, «достаточно представить себе, что бедные домохозяйства неожиданно получили наследство или налоговые льготы. Наследство — это передача богатства, которое получатель не заслужил. Однако время и объем получаемого наследства не поддаются контролю со стороны бенефициара. Точно так же прямые трансфертные платежи со стороны правительства, в переводе с финансовой терминологии, — то же самое, что подарок, сделанный членом семьи»¹¹. Иными словами, тут уже почти прямо предлагается содержание людей за счет ренты.

В литРПГ, таким образом, присутствует смесь страхов и надежд, связанных с будущим. Угроза возрастающей безработицы, неполная занятость и другие подобные факторы у нас и за рубежом выталкивают людей на

⁸ Хесунг Н. Лунный скульптор. — http://samlib.ru/o/odinow_d_j/

⁹ См. Коллинз Р. Технологическое замещение и кризисы капитализма: выходы и тупики // Политическая концептология. 2010. № 1. С. 35—50.

¹⁰ Билл Гейтс: Люди не задумываются о том, что в ближайшие годы их работу отдадут программным роботам. — <http://scienceplus.ru/bill-geyts-lyudi-ne-zadumyvayutsya-o-tom-chto-v-blizhayshie-godyi-ih-rabotu-otdadut-programmnyim-robotam/>

¹¹ См. Блайт М., Лоунерган Э. Меньше печатать и больше раздавать. — www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/97238/

обочину реальной жизни, в ряды «прекариата»¹². Кроме того, надо учесть и факт падения значимости труда как средства, которое скрепляет собственно «общество». Возникает проблема: что будет играть аналогичную роль в обществе будущего? Не превратится ли социум, в котором большинство индивидов уже не занято общественно-полезным трудом, в сборище маргиналов или же найдет оправдание своего существования в чем-то ином? И может быть, такое оправдание найдено внутри виртуальных миров?

Эти страхи и надежды выражаются не напрямую; они проступают за фасадами увлекательных картин жизни героя в виртуальном мире, но от этого не становятся менее реальными. Ведь эти надежды и страхи обусловлены подсознательным ощущением все возрастающей (пусть даже применительно к поколению детей создателей литРПГ) угрозы оказаться «лишними» в реальном мире, когда возникнет необходимость искать свое место... да хотя бы в мире виртуальном. Мы имеем дело с неизбежными издержками становления нового культурного компенсационного механизма. И литРПГ, среди прочего, отражает и то, каким бы многие хотели видеть этот механизм в будущем.

Здесь может возникнуть впечатление, что описанный ход событий идет вразрез с капиталистическим статус-кво. По сути, мы видим реализацию старой марксистской идеи о постепенной автоматизации как начале конца капиталистического мира. Знаменитый футуролог Дж. Рифкин много пишет об этом применительно к проблеме «мира после работы». В этом будущем мире автоматического производства единственным способом создавать рыночную стоимость останется бытие в качестве творческого человека — создателя нового знания. Отсюда, казалось бы, всего один шаг до коммунизма. В своих современных утопических опусах Рифкин представляет мир, в котором люди будущего получают необходимый им для достойной жизни минимум благ, а потому их деятельность перетекает в так называемом третьем секторе — области экономической деятельности, существующей вне рынка и вне государства. Они занимаются творчеством и добровольной деятельностью, нацеленной на совершенствование мира (например, заботой об окружающей среде)¹³ и т. п.

Однако верны ли прогнозы Рифкина и подобных ему авторов о том, что автоматизация материального производства принесет людям райскую жизнь после капитализма?

Закат капитализма или его виртуальное торжество?

Стоит отметить, что в литРПГ виртуальные миры предстают как важная часть реальной экономики и общественной жизни. Практически у всех авторов, пишущих в этом жанре, экономика виртуальных миров будущего выступает в качестве важной части экономики реальной, порой — вплоть до ситуации, когда валюты реального мира ценятся гораздо меньше, чем

¹² См., например: Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014; Чего желает молодежный прекариат России. — www.chaskor.ru/article/chego_zhelaet_molodezhnyj_prekariat_rossii_34946

¹³ См. Rifkin J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. N. Y.: Putnam Publishing Group, 1995.

игровые. Последние конвертируются в реальные деньги, люди зарабатывают в виртуальной жизни средства к существованию и т. п.

Так, герой цикла «Лунный скульптор» Хесунга Нама, считающегося основоположником жанра, и вовсе начинает играть исключительно с целью решить материальные проблемы своей семьи. Виртуальная жизнь описывается как нечто, являющееся почти настоящей реальностью, даже скорее полноправной частью «реальной реальности», экономикой воспроизводства того, благодаря чему неполноценные чувствуют себя полноценными, а лишние — востребованными. Люди добиваются самореализации, живя и зарабатывая в виртуальных мирах.

Онлайн-игру («онлайн-жизнь»?) можно рассматривать как своеобразное капиталистическое предприятие, а вернее — «капитализм в капитализме». Речь идет о капитализме конкурирующих миров, в которых «рабочий класс» отчужден от средств производства (игрового механизма).

Но каким образом? В реальном мире есть три основных способа самореализации и заработка: общественная жизнь, творчество и труд, причем последний в разных его проявлениях является основным. Поскольку виртуальные миры — это «вторая реальность», изначально создававшаяся для проведения в ней досуга, то труд в ней трансформируется весьма специфическим образом.

В виртуальных мирах он воплощается в деятельность по сбору ресурсов и производству разного рода необходимых в игре «предметов». Но такой труд по своей сути является лишь симуляцией, которая не сопровождается развитием реальных навыков и знаний. Успех или неудача в «производстве» такого рода определяется выраженными в цифрах показателями уровня развития навыков в ремесле, наличия инструментов, затратами рабочего времени и материала, хотя на самом деле реальным оказывается лишь затраченное рабочее время. В этом смысле в литРПГ мы наблюдаем отражение принципов капиталистической экономики почти в марксовом смысле: труд оценивается в предельно абстрактном выражении затрат рабочего времени¹⁴.

¹⁴ «В процессе образования стоимости тот же самый процесс труда представляется исключительно с количественной стороны. Здесь дело заключается только в том времени, которое требуется труду для его операции, или только в продолжительности периода, в течение которого производительно затрачивается рабочая сила. И товары, которые входят в процесс труда, имеют здесь значение уже не как функционально определенные, вещественные факторы целесообразно действующей рабочей силы. Они учитываются лишь как определенные количества овеществленного труда. И труд, заключается ли он в средствах производства или же присоединяется рабочей силой, учитывается лишь по количеству времени» (Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 23. С. 207).

При этом далеко не последнее место в виртуальных мирах литРПГ занимают ценности самореализации и личностного роста. Но оба эти фактора выступают как нечто формальное и карикатурное, в виде перечня выраженных в цифрах уровней развития навыков и умений. Такой подход мало отличается, например, от представлений об успешности реальной социализации, оцениваемой по количеству «френдов» или «лайков» в социальных сетях.

Таким образом, онлайн-игру («онлайн-жизнь»?) можно рассматривать как своеобразное капиталистическое предприятие, а вернее — «капитализм в капитализме». Речь идет о капитализме конкурирующих миров, в которых «рабочий класс» отчужден от средств производства (игрового механизма). Не является здесь «рабочий» и тем, кто ставит перед собой реальные жизненные цели — то есть полноправным субъектом. Напротив, как и в современном обществе потребления, игровой «рабочий» трудится (а работа здесь неотличима от игры) для того, чтобы удовлетворять потребности, которые сам же игровой капитализм и порождает. В этой схеме нет ничего нового. Индивиды оказываются полностью отчужденными, зомбированными потребителями.

«Капиталист» здесь — автор игры, получающий прибыль от оплаты игроками месячной подписки или доната — вливаний игроками небольших сумм на приобретение игровых преимуществ. «Рабочий» — игрок, занимающийся прокачкой своего персонажа, добычей необходимых ресурсов, редких вещей, стремящийся к тем или иным достижениям. Все это, по сути, — работа, а товар — удовольствие, которое означенные субъекты получают, достигнув необходимого «успеха» (например, доминирования над другими игроками). Сохраняется в виртуальных мирах и свойственное капитализму статусное потребление. В результате игры человек обретает возможность получить многое из того, к чему в реальности не имел доступа, а также подтверждать свой растущий статус приобретением или добычей все более и более «продвинутой» экипировки (оружия, доспехов, бижутерии и т. д.). Сам же статус обычно определяется тем, насколько герою удалось встроиться в уже существующие социальные институты и связи виртуального мира. Чаще всего герою приходится лично или вместе с друзьями отвоевывать себе место под солнцем, ввязываясь в насыщенную схватками и интригами борьбу кланов, гильдий, королевств, богов и т. д. Борьба за утверждение своих позиций в виртуальном пространстве, как и в реальной жизни, представляет собой схватку за власть и богатство.

Новое в этой схеме то, что в текстах в жанре литРПГ игры как виртуальные предприятия практически воспроизводят *всеобъемлющий* цикл «производство—потребление». Иными словами, в рамках такой игры можно представить себе удовлетворение большей части человеческих потребностей — от сексуальных фантазий до экстремальных эпических битв. При этом принципы рыночной экономики сохраняются в том смысле, что между самими производителями игр (инвесторами в «игровой капитал») действует самая настоящая конкуренция. Перед индивидами остается выбор, в каком мире «жить», но это одновременно выбор и

«работы», и большей части потребностей и «товаров», получить которые дает возможность характер «труда». Но выбор виртуальной игры — это выбор мира, к которому «работник» привязан гораздо большим числом разных социальных, интеллектуальных, эмоциональных, статусных и прочих уз, нежели те, которые связывают его с традиционной работой.

Реальным аналогом таких связей выступают узлы, которыми отдельные корпорации и фирмы пытаются привязать к себе работников, создавая для них фактически самодостаточную среду, со встроенными в нее социальными и прочими гарантиями и корпоративным духом. Таким образом, работник привязывается к корпорации как экономическими, так и внеэкономическими методами, причем доля внеэкономических связей, не сводящихся к простой работе по контракту, которую можно прервать в любое время, возрастает. Теряя место в такой корпорации, работник утрачивает очень многое. Но будучи выброшенным из вымышленного виртуального мира будущего, «работник» зачастую *теряет все, ибо теряет он целый мир* со всеми накопленными в нем достижениями, связями и статусом. И в этом смысле он оказывается в положении, противоположном положению марксова пролетария, которому «нечего терять» и который, разбив цепи эксплуатации, напротив, *целый мир приобретает*.

Феномен отчуждения, таким образом, достигает своего апогея. В современном нам капитализме есть, по крайней мере, функциональная конкуренция между производителями, призванными удовлетворять формируемые потребности разными способами. Капиталисты засоряют дискурсивное пространство рекламой, разнообразной и рассеянной, а потому — расфокусированной. Виртуальные миры, напротив, позволяют капиталисту сконцентрировать все возможные усилия именно на том, чтобы отторгнуть индивида от внешнего мира (то есть от других виртуальных миров), построить «производство» в замкнутый цикл формирования спроса и его немедленного удовлетворения.

Утилизация рабочей силы капитализмом или рабочая сила, утилизирующая саму себя?

Однако тенденции, подспудно вдохновляющие авторов литРПГ, не обязательно воплотятся именно в том виде, в котором они описаны. Во многих текстах виртуальные миры выступают в качестве своеобразного отстойника, в который капиталисты «сливают» ненужную рабочую силу. Виртуальные миры — это вроде бы не очень хорошо (а может быть — и очень плохо), ведь люди в них отчуждаются не только от «средств производства», но и от реальной реальности. То есть во всех бедах оказывается виновной капиталистическая система. Общество сталкивается с реальной возможностью построить светлое посткапиталистическое будущее, в котором ценятся и развиваются творческие способности каждого, а в итоге — капитализм уводит нас в виртуально-потребительскую бездну. Где-то в виртуальных мирах люди, может быть, и оказываются героями эпических сражений, но их подлинная реальность представляет собой

жалкое зрелище уязвимых существ, закутавшихся в виртуальные коконы. Средством производства становится еще и здравый разум тех, кто живет в реальном, а не виртуальном мире.

Описанный сценарий допускает, что утилизация рабочей силы в «мусорное ведро» виртуальных миров происходит тогда, когда реальный капитализм будто бы исчерпал себя сам. Будто бы речь идет о сохранении культурного базиса капитализма в виртуальном пространстве. Требуется также сохранить и потребительскую психологию, но «потребитель времен расцвета «потребительского общества» — модель устаревшая. Его проблема состоит в том, что он «слишком много жрет и слишком много гадит, и у него слишком много всякого барахла и хлама, которое, просуществовав какое-то время у него дома без пользы и смысла, отправляется на свалку и там отравляет окружающую среду»¹⁵.

Одной из тенденций, характерных для современности, является рост числа одиноких людей¹⁶. Показательно, что образ жизни многих одиночек очень хорошо вписывается в картину будущего общества людей, переселяющихся в виртуальное пространство. Не менее показательно и то, что среди аргументов в пользу жизни соло не последнее место занимает возможность тратить меньше ресурсов и энергии. В такой перспективе грядущее переселение в маленькую виртуальную капсулу, стоящую в маленькой и экономичной квартирке, представляется всего лишь последовательным развитием уже имеющей место тенденции.

В виртуальном мире, который оказывается «мусорным ведром» (а может быть — отстойником) истории, устаревший потребитель может продолжить потребление, и даже потребление престижное, но оно оказывается гораздо менее затратным, чем реальное. Далее, чтобы отправить лишних людей в виртуальное пространство, их убеждают в том, что виртуальные миры столь же реальны, как и настоящие, хотя бы по степени своей экономической значимости. Необходимо, чтобы в виртуальных мирах оставались капиталистические ценности: псевдотрудовая этика и потребительская психология. Обе они скрываются под маской мира, призванной законсервировать значительную часть человечества в состоянии «предыстории», в котором люди по-прежнему сражаются за власть и богатство.

Тем не менее вполне вероятен сценарий, согласно которому рабочий, самостоятельно нажимающий на рычаг смыва в виртуальный отстойник, оказывается виноватым не менее, чем капиталист. Дело в том, что сегодня многие преувеличивают масштабы автоматизации производства. На Западе это явление навеяно иллюзиями постиндустриального общества, порожденными переносом производственной деятельности в страны третьего мира. На самом же деле современное западное общество вовсе не является постиндустриальным в полном смысле этого слова: по большому счету, оно существует на ренту — нетрудовой доход,

¹⁵ Чадаев А. Утилизация масс. — www.km.ru/world/2015/01/14/evropeiskii-soyuz-es/753444-utilizatsiya-mass

¹⁶ См. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М., 2014.

обусловленный привилегированным положением на мировой арене. Иными словами, сегодня речь идет не о капитализме, развившемся до своих естественных пределов, а о капитализме рентном, который примерил на себя продвинутую постиндустриальную шляпу. Можно предположить, что тенденция к формированию рентного капитализма сохранится и в дальнейшем.

Д. Рикардо в свое время писал о дифференциальной ренте. Он рассматривал разные участки земли, дающие неодинаковый урожай при равном приложении труда и капитала. Следовательно, дифференциальная рента — это та разница, которую получает индивид, овладевший более плодородным участком, с которого можно снимать такой же урожай, трудясь гораздо меньше, чем соседствующие конкуренты¹⁷. Виртуальные миры могут выступать подобием такой «более плодородной почвы», наличие которой *само по себе* станет препятствием для интенсивного развития капитализма и сопутствующего ему развития «производительных сил».

Современный реальный капитализм (при прочих равных условиях) еще может и должен развиваться, но рентные механизмы сдерживают это развитие. Потенциально еще может быть построена экономика, которая позволит нам вырваться в космос, осваивать новые миры и даже заботиться об экологии нашей планеты (как побочном продукте технологического прогресса, подстегиваемого экономическим ростом). Но такая экономика должна основываться на знаниях, для освоения которых необходим труд. Зачем, спрашивается, напрягаться, если перед нами дармовые симуляторы того же самого и без особых усилий и риска для жизни?

ММОПГ уже сегодня служит психологическому замещению. Игра создает иллюзию личностной самореализации. И литРПГ показывает нам это вполне наглядно. В сущности, новеллизации ММОПГ — это попытки игроков представить отупляющее игровое пространство в ином, более интересном, виде сказочного эпоса. Это есть отчаянная попытка каким-то образом вообразить данное пространство более реальным. Однако сами по себе современные ММОПГ, вроде World of Warcraft, Lineage 2 и многих других, представляют собой незамысловатые последовательные схемы достижения «успеха». Здесь нет никаких непредсказуемых факторов, все предельно упорядочено, а потому игра предстает как непрерывный поток небольших порций удовольствия.

Поэтому, как отмечают многие исследователи, «более низкая ценность общественного признания для игроков с интернет-зависимым поведением можно объяснить тем, что ролевая онлайн-игра позволяет в достаточной степени компенсировать недостаток реализации данной потребности в реальной жизни»¹⁸. Иными словами, уже в рамках совре-

¹⁷ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

¹⁸ Денисов А. Особенности ценностных ориентаций пользователей онлайн-игр // Медицинская психология в России : электрон. науч. журн. 2011. № 6. — [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru)

менного капитализма вырос тип потребителя-рантье, который охотно может удовлетвориться виртуальной, психологической и символической компенсацией того, чего он не может позволить себе в реальности.

Итак, литРПГ, на наш взгляд, является весьма интересным предметом для футурологических исследований политических и социальных трендов. В произведениях литРПГ даются некоторые «предсказательные» намеки и описание ряда аспектов жизни в будущем, из которых можно сделать выводы о том, каким предстанет мир будущего, утративший насущную потребность в труде. Картины этого мира предполагают возникновение нового механизма отчуждения в капиталистическом по своему существу обществе — отчуждения от реальной реальности в виртуальных игровых пространствах.

Однако мы полагаем, что процессы, описанные в произведениях жанра литРПГ, зайдут значительно дальше, чем это может представляться их авторам. Виртуализация капитализма ради сохранения в будущем не является пределом его возможной трансформации.

Разумеется, будущее видится нам отнюдь не коммунитаристским раем, о котором пишет Дж. Рифкин. Но и не *полноценным*. То, что изнутри будущих виртуальных миров кажется триумфом капитализма, снаружи окажется *рентным обществом*, развившимся до степени, которая ставит под сомнение само существование капиталистического мира. Военное и экономическое доминирование западных стран еще некоторое время сохранит для них существенную материальную ренту. Вкупе с частичной автоматизацией производства это позволит правительствам распределять какие-то гроши каждому. Разумеется, не обойдется и без борьбы патерналистских лозунгов типа «Дать каждому необходимый минимум благ!». Большинство населения постепенно превратится в рантье — тех, кто не совершает каких-либо существенных усилий, чтобы зарабатывать себе трудом и инвестициями. Рантье будущего — это минималист. Он стремится не к максимизации прибыли, а к минимизации усилий и извлечению нетрудовых доходов.

Капиталист по духу — это тот, кто, заполучив лучший «участок земли», попытается выжать из него максимальный «урожай»; рантье же, напротив, подстраивается под уже доступную ренту и стремится снизить прилагаемые усилия. Стремясь к легкодоступным прибылям на «более плодородных» виртуальных «землях», капитализм будет вынужден следовать этой господствующей установке. Максимизаторам и инвесторам останется только придумывать более изощренные способы извлечения прибыли там, где исчезают подлинное трудолюбие и творчество.

Чем еще обернется такой синтез старой капиталистической оболочки с новым рентным содержанием, кроме как еще более углубляющимся отчуждением? ◆

Борьба за историческую идентичность

Феномен «византизма» и его восприятие
в России и на Западе

Одним из оснований культурной, религиозной, политической и национальной идентичности российского общества на протяжении столетий выступал византизм. Он включал в себя целый комплекс поведенческих установок и социально-политических обычаев и тесно переплетался с еще одним феноменом российской истории — мессианизмом, или первым великим мессианским проектом России, ее имперским самосознанием.

Византизм служит обозначением авторитарного, деспотического аграрного государства. В российской исторической и социально-философской литературе этот термин прижился вследствие того, что существует распространенное мнение о том, что внешние формы подобной организации общества во многом были заимствованы Россией из Византии, хотя схожие черты имели и другие территориально интегрированные империи.

О Византии: историки, философы, политики и публицисты

Важно сразу отметить, что в русской философской, политической и религиозной мысли византизм рассматривался с разных позиций. *Философы* акцентировали внимание на византийском культурном влиянии на Россию, анализируя его социокультурные и религиозные аспекты, соотношение русской культуры с культурой Запада и Востока.

Политики и публицисты прежде всего интересовались Византией в контексте идеологии Третьего Рима и вытекавшей из нее уверенности в правах России на решение в свою пользу «восточного вопроса», законности русских притязаний на византийское наследие — Константинополь и Проливы. И даже на власть над православными народами, составлявшими когда-то Византийскую империю или входившими в орбиту ее влияния, а впоследствии поработенными турками.

СУРГУЛАДЗЕ Вахтанг Шотович — старший научный сотрудник Центра международных и региональных программ историко-культурного и природного наследия Российского института стратегических исследований (РИСИ), кандидат философских наук.

Ключевые слова: Россия, русская история, идеология, идентичность, византизм, Византия, национальный миф, национальное самосознание.

Религиозное рассмотрение вопроса о русском византизме тесно переплеталось с первыми двумя подходами (философским и политическим), но в значительной мере опиралось на перенятое у греков православие и восточное богословие — как живую традицию, уходящую своими истоками в византийское прошлое.

Совершенно особой областью исследований был *исторический подход* к рассмотрению византийских влияний на Россию и значения Византии для русского национального самосознания. Дело в том, что в истории российской социально-философской и политической мысли византизм служил, прежде всего, в качестве мощной идеологии, национального мифа, убежденность в объективности существования которого на протяжении трех столетий направляла внешнюю политику России и определяла ее общественное мнение. Вера в судьбоносное значение византийского влияния для судеб Русского государства, в мировую миссию России, в Святую Русь совершенно вытеснила анализ реального положения дел в их фактической, исторической перспективе. Являясь общепризнанной идеологией России, пик которой пришелся на XIX — начало XX столетия, русский византизм остался малоизученным явлением, так как всегда был связан с областью национальных мифов.

После падения Константинополя возникло множество легенд о том, при каких обстоятельствах город вернется христианам. Одной из них была легенда о священнике, проводившем службу в храме Святой Софии во время штурма города турецкими войсками. Когда турки ворвались, стены собора раздвинулись и укрыли священнослужителя. Легенда гласила, что в тот день, когда город будет освобожден от мусульман, этот священник закончит прерванную когда-то службу. Незадолго до Крымской войны в России широко распространилось предание, что именно через 400 лет после падения города, в 1853 году над Святой Софией снова воссияет крест. Именно в это время Николай I начал очередную русско-турецкую войну, незадолго до которой Ф. И. Тютчев писал в стихотворении «Пророчество» (март 1850 года)¹:

То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе, —
Свершится он — и грянет час!

И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь». —
Пади пред ним, о царь России, —
И встань как всеславянский царь!

Когда русские поэты, мыслители, философы и публицисты говорили о Третьем Риме и Святой Софии, слова их были настолько ясны и очевидны для каждого, что не возникало необходимости подводить под них какие-то глубокие исторические обоснования. При этом, если до

¹ Тютчев Ф. И. Сочинения : в 2 т. М.: Правда, 1980. Т. 1. С. 115.

Петра I русская книжная культура предполагала достаточно подробное знакомство с византийской историей и ее выдающимися светскими и духовными деятелями, то в послепетровские времена эти знания были практически утрачены. Зато идеология Святой Руси и Третьего Рима, выработавшаяся допетровскими книжниками в монастырях, наоборот, была взята на вооружение и стала государственной, открыто декларируемой идеологией Российской империи. В результате такого стечения обстоятельств ни идеолог панславизма и Третьего Рима И. С. Аксаков, ни певец всеславянского единения Ф. И. Тютчев, равно как и Ф. М. Достоевский, Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев, никогда, в отличие от русских историков-византинистов, не занимались серьезным изучением византийской истории, а исходили из политических и национальных чаяний своего времени, рассматривая Византию преимущественно в публицистическом ключе.

Русский византизм как национальный миф

Среди подходов к феномену русского византизма выделяется концепция К. Н. Леонтьева. Строго говоря, провозглашение «византийских идеалов» как образца для России носило у Леонтьева сугубо эстетический характер и было вызвано не столько историческим анализом параллелей в русской и византийской истории, сколько отчаянием из-за того, что подвергшаяся европеизации Россия стремительно теряла свое самобытное культурное лицо и самосознание. В условиях размытого культурного самосознания и неясности исторической миссии славянства (представители которого постоянно сравнивали себя с Западной Европой) проповедовавшийся Леонтьевым византизм выступал источником культурной самобытности, которая отличала Россию от Запада.

Сложность анализа русского византизма заключается в том, что, несмотря на убежденность русской общественности XIX — начала XX века в призвании России освободить православные народы и реставрировать Византийскую империю (в какой бы то ни было форме), действительно историческими знаниями по этому вопросу обладали единицы. Национальный миф практически не подкреплялся серьезными теоретическими обоснованиями. Борьба с Турцией за византийское наследие с лихвой оправдывалась в глазах современников моральным чувством защиты угнетаемых единоверцев.

К. Н. Леонтьев считал, что византизм (или «византизм», «византийность», «византийство») — это «прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои признаки, свои общие, ясные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия... Отвлеченная идея византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея складывается из нескольких частных идей — религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных»². Византизм вы-

² Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. С. 19.

ступает своеобразной основой российского культурно-исторического типа, неизменные характеристики которой сохраняются российским обществом на протяжении всей его истории. В этом же значении — как комплекс перенятых российским обществом социокультурных черт Византии и собственно византийских обычаев — рассматривали византизм Ф. И. Успенский и В. С. Соловьев.

Ведущий идеолог русского византизма К. Н. Леонтьев полагал, что византизм, как и славянство, — единственные надежные источники, которые могли бы лечь в основу духовного самосознания российского общества. Леонтьев писал о необходимости популяризировать Византию, а Успенский мечтал вооружить русского обывателя столь необходимыми для русского самосознания знаниями об истории Византии³. Оба они видели в Византии ключ к разрешению извечной «проблемы Востока и Запада», обострившейся после петровских реформ, а расширение в обществе знаний о Византии считали способом укрепления русского самосознания.

Расколовшись на западников и славянофилов, русское интеллигентское общество не смогло преодолеть реформ Петра, восстановить сильное культурное самосознание допетровской поры, напротив — переняло презрительно-снисходительный западноевропейский взгляд на славян и отечественную историю. Из-за отсутствия в массах сколько-нибудь глубоких знаний о византийской (да и отечественной) истории вопрос о русском византизме превратился в сугубо академический спор, развивавшийся в узкой среде специалистов и совершенно не затрагивавший общество в целом. Широкий общественный резонанс приобрела только идеология борьбы за византийское наследие, освобождение православных народов и водружение креста на храме Святой Софии.

«Всесторонней научной оценки культурного значения Византии, — писал в связи с этим Ф. И. Успенский, — еще не было сделано. А между тем ни для кого эта задача не представляет такой важности, как для нас. Для развития нашего исторического самосознания и для воспитания устойчивых взглядов на современные события нам следует серьезно считаться с тем, что оставила Византия в своих археологических памятниках и в своем наследстве. Византия для нас — не отвлеченная только проблема, а реальный предмет, изучение которого во многих отношениях связано с русской историей»⁴.

По мнению многих исследователей, кризис идентичности российского общества проистекает в том числе и из географического положения России, находящейся между Западом и Востоком. Однако, восприняв многое от Востока, российское общество отвернулось от него и уже давно стало смотреть только на Запад, усугубляя тем самым непонимание происходящих в государстве социально-политических и духовных про-

³ Успенский Ф. И. История Византийской империи. М., 2001. Т. 1. С. 5.

⁴ Там же. С. 57.

цессов. Между тем без объективного взгляда на собственную историю общество никогда не сможет проанализировать глубинные причины своего развития. Именно поэтому феномен византизма так важен для понимания не только истории России, но и ее современности, в том числе таких особенностей национального менталитета, как мессианизм и укоренившееся имперское мышление.

Характеризуя создавшуюся ситуацию, Ф. И. Успенский писал: «Если римские правовые воззрения оказывают очень сильное действие во всей истории Запада, византизм, с своей стороны, становится идеалом славянского царства, к какому стремятся передовые славянские народы. Византизм идет от Киева до Москвы, под его началами складывается историческая жизнь, т. е. государственное и военное устройство юго-восточных славян; в связи с этим принципом стоит разделение Европы на две половины — православную и католическую, в каковых названиях столько же скрываются религиозные, как политические и этнографические различия. Византизм есть исторический принцип, действия которого обнаруживаются в истории народов юга и востока Европы. Этот принцип заправляет развитием многих народов и до настоящего времени, выражая собой склад верований и политических учреждений, равно как особый вид организации сословных и экономических отношений»⁵.

Византия дала России православие, письменность, идеологию и художественные традиции, вдохнула волю в русских правителей и пробудила их амбиции, став для России тем, чем Рим был для Запада. Константинополь стал культурным центром, в сферу влияния которого долго входили славянские племена. Только здесь они могли получить импульс дальнейшего развития.

Византия дала России православие, письменность, идеологию и художественные традиции, вдохнула волю в русских правителей и пробудила их амбиции, став для России тем, чем Рим был для Запада. Константинополь стал культурным центром, в сферу влияния которого долго входили славянские племена. Только здесь они могли получить импульс дальнейшего развития. Византия стала особым типом цивилизации, поведения, социальных связей, которые и по сей день не утратили своего значения.

⁵ Там же. С. 552.

Оценки Византии

Анализируя взгляды русского интеллигентского общества на византизм в целом, можно сказать, что положительной оценки русского византизма придерживались в основном правительство и славянофилы-почвенники. Западники же рассматривали византийское влияние как катастрофу. Этот взгляд выражен в знаменитом «философическом» письме П. Я. Чаадаева: «По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии...»⁶

Еще более критично оценивал русский византизм В. С. Соловьев, который сравнивал византийское влияние с вековыми цепями, сковывающими тело православной церкви, с нечистым трупом, удушающим ее своим разложением⁷.

Негативная оценка Византии Чаадаевым (как, впрочем, и Соловьевым) определялась не столько историческими знаниями, сколько абстрактно-негативными представлениями о византийской цивилизации, господствовавшими в эпоху Просвещения. Так, Монтескье и Вольтер изображали византийскую историю «как самый мрачный эпизод средневекового варварства», а английский историк конца XVIII века Гиббон рисовал ее как непрекращающееся разложение⁸. К сожалению, этот поверхностный взгляд в дальнейшем получил определенное развитие. В результате даже в XX веке П. Лемерл имел все основания, чтобы бросить историкам упрек в том, что проще порицать Византию, чем ее изучать. Такое же предвзятое, пренебрежительное и невежественное отношение к византийской цивилизации долгое время демонстрировали и российские исследователи — прежде всего либерального и радикального направления, — упорно писавшие о византийском маразме и рабелепии⁹.

Из-за предвзятого отношения к Византии не замечалось главное, а именно — поразительная жизненная сила византийской цивилизации. В самом деле, хотя Западная Римская империя ушла в прошлое уже в конце V века н. э., но римский Восток в полной мере сохранил развитую городскую жизнь, процветающую экономику и культуру. «В силу странного противоречия, — писал Ш. Диль, — народы Запада, восхищаясь Византией, ее богатствами, ее великолепием, ее обаятельной цивилизацией, в то же время инстинктивно чувствовали недоверие к ее развращающей и порочной утонченности. Латинские принцы домогались наперебой чести вступить в брак с невестой из императорского дома — народ, к какой бы нации он ни принадлежал, страшился этих восточных красивых чаровниц, казавшихся ему созданными исключительно для того, чтобы изменять качества суровости и силы, какими он гордился. Византия на

⁶ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. СПб., 2004. С. 38.

⁷ Соловьев В. С. Русская идея // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2004. С. 239.

⁸ См.: Горянов Б. Т. Предисловие // Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 6; Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 2008. С. 374—375.

⁹ См. Герцен А. И. Былое и думы. Л., 1946. С. 134, 141, 284, 294.

весь Запад клала печать своего искусства, своей промышленности, своей роскоши. Тем не менее латиняне никогда не любили этих греков, слишком изобретательных, слишком изворотливых, слишком утонченных; признавая их превосходство, они в то же время опасались его... По мере того как благодаря крестовым походам соприкосновения между ними стали чаще, несогласия между греками и латинянами только возрастали. Никогда не дошли они до того, чтобы вполне понимать друг друга, и еще менее, чтобы дружески переносить друг друга; и на долю Византии, которой цивилизация была обязана такими крупными успехами, выпала странная судьба видеть одно недоверие и неблагодарность со стороны именно тех, кому она наиболее всего оказала пользы»¹⁰.

В целом рассмотрение Византии и ее влияния с европоцентричных позиций традиционно приводит к негативным, часто неосознанно *предвзятым* оценкам и имеет очень давнюю историю, восходящую ко временам крестовых походов. Примером такого шаблонно-поверхностного отношения могут, в частности, служить размышления известного британского историка А. Тойнби. Он попытался ответить на вопрос, почему имевшее невероятно благоприятные исходные позиции православие «не оправдало ожиданий, а Запад, не подававший никаких надежд в начале своего пути, достиг столь замечательных результатов в конце его»¹¹. Ограниченность православной экспансии А. Тойнби, как и многие другие исследователи, объяснял ориентацией Византии на сохранение традиционного образа жизни и мышления.

Имея все возможности для продвижения на Запад, православная цивилизация¹², как часто принято считать, не достигла успеха, так как все силы ее императоров направлялись на реанимацию Римской империи. Византия вела войны на Востоке, в Африке и на Балканах, пытаясь вернуть прежние территории. Государство, обладавшее регулярной армией и централизованным государственным аппаратом, стояло на недосягаемом для Запада уровне организации, но, несмотря на это, медленно клонилось к закату, в то время как Запад с каждым веком обретал все большую силу: «Западная Римская империя в течение многих веков была слабейшей из всех. Ничто в средневековой Европе не могло сравниться с великолепием и могуществом Византии, не говоря уже о халифате, в годы их расцвета. И, тем не менее, именно потомки средневекового западного христианства и их политические концепции в конце концов стали доминирующими в мире»¹³.

Между тем по сравнению с теологической тиранией папства византийское православие кажется достаточно либеральным. В отличие от ка-

¹⁰ Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994. С. 329–330.

¹¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2002. С. 328.

¹² У А. Тойнби также встречается наименование «русская цивилизация», которая входит в тот же подвид, что и цивилизация византийская. Некоторые исследователи делят Православную цивилизацию на субцивилизации, границы которых менялись с течением времени: Византийскую, Славяно-русскую и собственно Русскую, Российско-православную или Российскую.

¹³ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 54. Ср.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. С. 330.

толицизма, православие не навязывало всем крещеным народам единого языка богослужения¹⁴. Но это неоспоримое преимущество, по мнению А. Тойнби, никак не отразилось на успехах религиозного противостояния Западу. Восприняв христианство от Византии, страны *Византийского содружества наций* (по терминологии Д. Оболенского) использовали собственные языки для богослужения. Их наличие, с одной стороны, делало византийскую проповедь христианства намного более привлекательной для вновь обращаемых народов, в отличие от католического Рима, неусыпно отстаивающего латинскую Библию и литургию. Но одновременно с этим богослужение на национальных языках ослабляло потенциал византийского культурного влияния, проводником которого мог бы быть греческий язык. Его монополия по латинскому западному образцу теоретически могла бы упрочить влияние Византии и передать попавшим в его сферу народам значительно большее количество ценностей греческой философии и науки, чем они получили де-факто.

В результате отсутствия доминирования греческого языка в богослужении, а значит — и в культурной жизни новообращенных православных народов, византийское влияние было воспринято преимущественно в общих, подчас весьма грубых формах. Значительная часть цивилизующего потенциала Византии оказалась невостребованной народами византийского круга. Таким образом, Священное Писание и богослужение на разговорных языках можно рассматривать в качестве тормоза интеллектуального и духовного развития Православной цивилизации с большим основанием, чем будто бы «неправильный» стратегический выбор принятия христианства не у Западу, а у Византии.

В то же время было бы неверным и односторонним рассматривать латинский язык католического богослужения как проявление исключительно централизаторского устремления папского Рима, подавлявшее местные особенности. Вероятно, латынь в этом качестве сохранялась, в том числе и благодаря тому, что она не ассоциировалась с Римом как центром политической власти. Позиции латинского языка в средние века были далеко не так сильны, как в Римской империи эпохи Цезарей.

В целом опирающийся на европоцентричную картину мира взгляд А. Тойнби на мнимый неуспех православного противостояния Западу не учитывает достижений православной экспансии на Востоке¹⁵, где впоследствии возникло самое большое православное государство мира — Россия. В какой-то степени Тойнби прав, когда говорит о бесславном конце Православной цивилизации в ее византийской ипостаси, учитывая ее исходные позиции в начале противостояния с Западом. Но такая оценка исходит из принятия западных ценностей, и прежде всего — прогресса, в качестве абсолютных. Кроме того, возникает вопрос: может ли крах цивилизации в принципе быть «славным»? Тем более что любые цивилизации смертны, и только западная вера в прогресс и науку не желает

¹⁴ См., например: Мерчуле Георгий. Житие Григория Хандзтели // Древнегрузинская литература (V—XVIII вв.). Тбилиси, 1987. Гл. XLIII. С. 165.

¹⁵ Об успехах распространения православия см.: Успенский Ф. И. История Византийской империи. М., 2001. Т. 3.

осознавать этого и оценивает завершённые жизненные циклы ушедших цивилизаций с точки зрения современного состояния Запада или исторического опыта последних 400 лет его мирового доминирования.

Сталкиваясь с западными оценками Византийской империи, необходимо помнить о том, что к моменту выхода предков современных народов Европы на подмостки истории Византия была уже немолодой цивилизацией, обладавшей с глубокими традициями. И сравнивать эти молодые народы с Византией с точки зрения успехов последующих веков неправильно в первую очередь в силу того, что *у Западной Европы и Византии в реальности не было общей точки «исторического старта»*. В V, VI и VII веках Восточная Римская империя находилась далеко впереди народов Европы и закономерно завершила свой исторический путь раньше их, исчезнув в середине XV столетия.

Реальное место Византии в средневековом мире

Выдающийся французский византинист и знаток византийского искусства Ш. Диль следующим образом охарактеризовал место Византии и ее знаменитой столицы в средневековом мире: «...Константинополь привлекал к себе всеобщее внимание. Весь мир грезил о нем, как о городе чудес, окруженном золотым сиянием; о нем мечтали в туманах Скандинавии, на берегах русских рек, которыми северные искатели приключений спускались к несравненному Царьграду; о нем мечтали в феодальных замках далекой Франции, куда героические поэмы, например, поэма о путешествии Карла Великого в Иерусалим, доносили чудесную весть о славе Византии; о нем грезили в венецианских банках, где знали о богатстве византийской столицы и о выгодных сделках, которые можно совершать на Босфоре. И со всех сторон мира Константинополь привлекал к себе иностранцев. Скандинавские викинги приходили сюда, чтобы служить в императорской гвардии, и рассчитывали составить себе здесь состояние; русские записывались в императорскую армию и флот и давали им хороших солдат; армяне входили в состав лучших корпусов византийской армии. В Константинопольском университете вокруг знаменитых учителей толпились ученики со всей Европы, иностранцы, стекавшиеся сюда из арабского мира и даже иной раз с Запада. Константинополь, по одному меткому определению, был Парижем средних веков»¹⁶.

Несмотря на то, что влияние Византии на Запад постепенно ослабевало, и империя (или то, что от нее с течением времени осталось) становилась все более зависимой от него, это влияние — факт реальный, хотя и мало осознаваемый. В первую очередь это видно, если обратиться к искусству — мозаике, зодчеству, иконописи и даже фортификации: «Церкви Равенны, даже Рима, обнаруживали в своей архитектуре и мозаиках следы восточного влияния. В Риме существовал целый греческий квартал, где было несколько византийских монастырей. Рим VII и VIII веков представлял собой полувизантийский город, а базилика церкви Санта-

¹⁶ Диль Ш. Основные проблемы византийской истории / пер. с фр. Б. Г. Горянова : под ред. С. Д. Сказкина. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. С. 29.

Мария-Антиква у подножия Палатина и прекрасная часовня св. Зенона в церкви св. Праксиды показывают, что там еще долго оставалось в силе греческое влияние. Венеция, с другой стороны, по своим нравам и вкусам была вполне греческим городом; базилика св. Марка, построенная по образцу константинопольской церкви св. Апостолов, украшенная сверху донизу византийской мозаикой, еще и теперь дает нам в мерцании своего пурпура и золота наиболее точное отражение того, чем был в X и XI веках византийский храм. Аббаты Монте-Кассино и римские папы, норманнские короли Сицилии и венецианские дожи посылали в Константинополь за архитекторами для постройки храмов, за мастерами мозаики для их украшения и поручали привозить из столицы на Босфоре предметы роскоши, в которых они нуждались: двери, украшенные барельефами, драгоценные раки с блестящими украшениями из эмали, точеную слоновую кость, прекрасные ткани, из которых изготовлялись покрывала для алтарей или одежда для правителей. Во всей Южной Италии, которая до конца XI века составляла часть империи, господствовало греческое влияние. Греческие монахи, скрываясь от вторжений арабов или от преследований иконоборцев, основывали там сохранившиеся до сих пор монастыри и скиты, украшенные фресками с греческими надписями... В столице Сицилии Палермо норманнские короли с гордостью носили великолепное облачение византийских императоров и строили украшенные мозаикой церкви — Марторану и Палатинскую часовню, — в которых можно проследить влияние византийской иконографии и византийского искусства...»¹⁷

Следы влияния византийского искусства обнаруживаются и в Германии, и во Франции. Особенно велико для развития Западной Европы было значение падения Константинополя в 1453 году, которое не без основания считают одним из факторов, содействовавших развитию итальянского Возрождения. В это время искавшие спасения византийцы познакомили Запад с рукописным наследием своих библиотек. Во второй половине XIII века английский король Эдуард I воздвиг в Уэльсе замок Карнарвон, очертания башен, стен и зубцов которого были навеяны знаменитыми укреплениями византийской столицы, которая, выдержав за свою более чем тысячелетнюю историю множество осад, была взята только два раза — крестоносцами в 1204 году и турками в 1453-м. В VII веке Константинополь устоял перед натиском арабов, послужив мощным заслоном их продвижению в Европу.

Если Византия смогла оказать такое влияние на Запад, то ее влияние на Восток тем более нельзя недооценивать. По мнению Д. Оболенского, несмотря на все раздражение, которое могло вызывать «греческое великодержавие», в средневековой Восточной Европе не было ничего подобного тому вызову, который в XII веке бросил империализму Гогенштауфенов Иоанн Солсберийский, вопрошавший по поводу Священной Римской империи германскую нацию: «Кто назначил немцев судьями народов?» Как бы ни раздражала Византия воспринявшие от нее христианство народы, как бы они ни восставали против нее, даже ненавидели ее, авторитет Византии как

¹⁷ Там же. С. 31, 32.

наследницы Рима оставался неоспоримым: «В конце концов тот факт, что на протяжении всего существования империи ни одна нация Восточной Европы не смогла успешно бросить вызов ее религиозному и культурному превосходству, ее притязаниям быть воплощением римских традиций универсализма, — наилучшее доказательство того, что Византийское Содружество не было только выдумкой человеческого воображения»¹⁸.

В целом следует подчеркнуть: не следует транслировать реалии современности или более поздних эпох на отдаленные, более ранние периоды истории. Успехи византийской дипломатии долгое время являлись правилом, а не исключением. Религиозная пропаганда и миссионерская деятельность среди окружавших империю народов дали поразительные результаты. Болгарское царство и Русь пошли за Византией. Это был блестящий успех внешней политики империи и лично константинопольского патриарха Фотия, придававшего большое значение распространению христианства среди варварских народов. Выбор Владимира Святого (а до него — его бабки, княгини Ольги) был предельно актуальным, соответствовавшим международной обстановке тех лет, отвечал внешнеполитической конъюнктуре.

Хотя период вхождения в орбиту византийского влияния славянских народов можно отнести к началу упадка империи и едва забрезжившей заре западноевропейской истории, в VII—X веках эта часть мира еще не имела такого веса, который приобрела в дальнейшем. И у современных историков нет никаких оснований переоценивать значение Западной Европы того времени, перенося последующий блеск европейской истории на ее блеклое начало.

Демократические и меритократические черты византийской социально-политической системы

Отдельный интерес представляют некоторые «демократические» и «меритократические» черты византийской социально-политической системы. Византийским самодержцем мог стать любой человек, вне зависимости от своего происхождения, причем социальное происхождение его жены, императрицы, также отнюдь не обязательно должно было быть связано со знатью.

Как правило, поиск невесты осуществлялся путем рассылки императорских гонцов в разные концы империи с целью отбора наиболее красивых девушек определенного возраста, роста, телосложения, размера ноги, из числа которых впоследствии уже в самом Константинополе выбирали будущую супругу императора. Выбор мог осуществлять сам император или наследник (будущий василевс), либо это делали регенты и императрица-мать. В лучшие периоды своей истории Византия была настолько горда и так высоко ставила престиж своих правителей, что настоящей традиции династических браков с правящими семействами других государств не возникло, хотя в дальнейшем браки с женщинами иноземного происхождения и стали распространенным явлением.

¹⁸ Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453. L., 2000. P. 3.

Константин Багрянородный предостерегал сына от супружеских уз с уроженками чужих земель¹⁹. С другой стороны, императорский двор с пренебрежением рассматривал брачные предложения иностранцев, которых воспринимали как неверных, безвестных варваров, недостойных византийских принцесс. Киевскому князю Владимиру пришлось взять Херсонес (Корсунь), чтобы под угрозой дальнейшего похода на Константинополь вынудить византийского императора Василия II выдать за него свою сестру Анну. Причем последняя сохранила свои византийские титулы, осталась *царицей* и сыграла важную роль в крещении Руси. В этих условиях византийские принцессы рассматривали заграничное замужество как ссылку к варварам, да и в самой Византии принимали династические связи с иностранцами как необходимость, понижающую престиж императоров Нового Рима — Константинополя. До эпохи Комнинов и Палеологов жен, как правило, искали, исходя из их внешних данных, нравственных достоинств и иных факторов, в числе которых происхождение не имело первостепенного значения.

Если сравнивать Византию со средневековой Европой, важным отличием их политических традиций выступает факт *значительного влияния женщин на политическую жизнь Византии*. Интересно отметить, что бракосочетание следовало за коронацией, а не предшествовало ему; не император представлял новую императрицу народу, а она сама являлась и торжественно представлялась ему: «Перед ней склоняются знамена, великие мира и чернь падают ниц, простершись во прахе, вожди партий выкрикивают свои освященные обычаем приветствия. Она же, в строгой торжественности... склоняется сперва перед крестом, потом кланяется своему народу, и к ней летит его единогласный крик: “Боже, спаси августу!”»²⁰. Императрица, таким образом, получала свою власть не потому, что являлась женой императора, а потому, что была избранницей Бога, и значит — равной самому василевсу. Конечно, на практике многое в судьбе византийских цариц зависело от их собственного характера, как и от личных особенностей их мужей, а также конкретных обстоятельств. Больше того, многие из них впоследствии оказывались сосланы в монастырь. Все это, однако, не отменяет факта политического значения роли византийских императриц.

В случае смерти императора и отсутствия назначенного им преемника императрица оставалась носителем верховной власти²¹ и могла передать ее тому, кого считала нужным: «Хранительница власти, — писал Ш. Диль, — она по своему усмотрению может любого произвести в императоры, управлять в качестве регентши за своих несовершеннолетних детей или царствовать сама. В то время как германский Запад с негодованием отнесся бы к тому, чтобы власть перешла к женщине, восточная Византия без сопротивления признала царицу, которая в официальных актах с гордостью называла себя: “Ирина, великий василевс и автократор римский”»²².

¹⁹ См. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

²⁰ Диль Ш. Византийские портреты. С. 26.

²¹ См. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. С. 117.

²² Диль Ш. Византийские портреты. С. 28, 78.

Никакого аналога салического закона, согласно которому женщины не имели прав наследования власти, послужившего, например, поводом к Столетней войне между Англией и Францией на Западе Европы, в Византии не существовало.

Византийский престол знал немало властных женщин, правивших от своего имени или сменявших императоров: Феофано свергла выдающегося полководца Никифора Фоку (963—969) и содействовала восшествию на престол Иоанна Цимисхия (969—976); Ирина приказала ослепить собственного, достигшего совершеннолетия сына (Константина VI (776 (790)—797), чтобы не делить с ним власть; престарелая Зоя II Порфирогенита последовательно возвела на трон четырех императоров: Роман III Аргир (962 (1025)—1028), Михаил IV Пафлагон (1034—1041) и Константин IX Мономах (1042—1055) стали императорами посредством браков с ней, а племянник Михаила Пафлагона, Михаил V Калафат (1041—1042) был усыновлен ею и провозглашен официальным наследником. Совершенно необычным фактом византийской истории стало совместное правление Зои с Феодорой, когда гинекей (женская половина дворца) превратился в официальный государственный центр²³. Впоследствии Феодора назначила своим преемником Михаила VI Стратиотика (1056—1057).

К этому перечню примеров возможностей византийских женщин можно прибавить еще один эпизод: император Алексей I Комнин (1081—1118) доверил полноту власти своей матери Анне Далассине. Когда в 1081 году император отправился на войну с норманнами, он торжественным хрисовулом²⁴ поручил «своей святой, глубоко почитаемой матери» заботу об управлении империей, право управления судом, финансами, провинциями, право назначать на любые должности и посты²⁵.

Внучка Анны Далассины, Анна Комнина (1083 — ок. 1148), была одной из образованнейших женщин своего времени. Хотя ее «Алексиада» тенденциозна, пропитана нескрываемым восхищением императором Алексеем, это выдающийся исторический труд, необыкновенный литературный памятник. При работе над ним византийская принцесса пользовалась не только устными рассказами очевидцев и собственными воспоминаниями, но и императорскими архивами²⁶. Она внесла в свою книгу подлинные тексты некоторых дипломатических актов, документы частной переписки, а повествуя о крестоносцах, пользовалась латинскими, утраченными ныне источниками. Современник сказал об Анне, что если бы ее знала античная Греция, она присоединила бы «четвертую грацию к грациям, десятую музу к музам. Соглашаясь с этим утверждением, Ш. Диль писал: «Это была, во всяком случае, женщина замечательная, один из самых удивительных женских умов, когда-либо бывших в Византии, женщина, стоявшая выше большинства мужчин своего времени»²⁷.

²³ О перипетиях царствования Зои и Феодоры см., например: Пселл М. Хронография. М., 1978. С. 21—136.

²⁴ Хрисовул — документ, скрепленный золотой печатью.

²⁵ См. Диль Ш. Византийские портреты. С. 221.

²⁶ Анна Комнина. Алексиада. СПб., 2010.

²⁷ Диль Ш. Византийские портреты. С. 255—257.

Думаю, можно утверждать, не опасаясь погрешить против истины, что в Западной Европе XI—XII веков и средних веков в целом, не было аналогов такой женщины-политика и женщины-автора, какой была дочь Алексея Комнина Анна.

Роль женщин в истории Византии и в ее политических институтах, престолонаследии так же, как и некоторые *демократические признаки* византийской политической системы, демонстрирует, насколько неверно рассматривать Византию как исключительно авторитарное и «остановившееся в своем развитии» государство. Между тем, учитывая устоявшуюся антивизантийскую предвзятость многих ученых, дающую о себе знать при любом упоминании этого государства²⁸, было бы полезно провести отдельное исследование тех *прогрессивных* сторон ее жизни, которые так любят превозносить современные апологеты «западных ценностей». Не говоря уже о наличии в византийской политической практике своеобразного принципа *меритократии*²⁹ — продвижения по социальной лестнице на основе личных заслуг и достоинств, а не знатности происхождения³⁰.

К несчастью для популяризации Византии и ее живого и непредвзятого восприятия среди ученых оказалось не так много людей, которые подобно Ш. Диллю смогли увидеть и показать своим читателям многоликость Византии, буйство ее красок, яркость ее жизни, а не только церемониал византийского двора и высокомерие имперской идеологии.

При внимательном рассмотрении некоторые следы византийской культуры еще и теперь могут поражать своей актуальностью, необычайной современностью звучания: тексты Михаила Пселла и мозаики и фрески Хоры (Церкви Христа Спасителя в Полях) динамичны, ярки и дышат жизнью, несмотря на 900 с лишним лет, отделяющих нас от первых и 700 — от вторых. Труды Пселла по математике могут быть неинтересны и отражать упадок в Византии точных наук, зато его «Хронография» удивляет своей живостью и ясностью изложения. Мозаики и фрески Хоры совершенно необыкновенны и погружают в неизвестный загадочный мир давно исчезнувшей Византии. Отдельные изображения — как, например, фреска с ангелом, разворачивающим Вселенную, представленную в виде свитка в его руках, — кажутся настолько современными, что сложно поверить в то, что их создавала рука мастера, жившего многие столетия назад³¹. Только отдаленное, поверхностное знакомство с Византией может создавать господствующее представление о ней как неживом, застывшем в веках организме.

В условиях, когда Россия в возрастающей степени сталкивается с враждебным идеологическим давлением Запада, представляется необходимым укреплять в обществе собственные уникальные ценности, отстаивать свои идеалы, знать, любить и уметь ценить свое историческое и культурное наследие, неотъемлемой частью которого является колоссальное культурное наследие, воспринятое Русью от Византии. ◆

²⁸ Каждан А. П. Византийская культура (X—XII вв.). СПб., 2006.

²⁹ Меритократия — власть наиболее одаренных людей, независимо от их социального происхождения.

³⁰ См. Диль Ш. Император Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. Минск, 2010. С. 40—41.

³¹ См. Aksit I. Museum of Chora. Mosaic and Frescoes. Istanbul, 2003. P. 135, 136—137, 142.

ЕАЭС и проблемы энергетической интеграции Армении

Известный советский историк и этнограф Лев Гумилев в своей пассионарной теории этногенеза выдвигает понятие «суперэтнос». Оно включает в себя группу этносов, одновременно возникших в определенном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическим общением. Согласно Л. Гумилеву, суперэтнос определяется не размером, не мощностью, а исключительно степенью межэтнической близости¹. Так, наряду с византийским, мусульманским (исламским, арабским) и христианским (западноевропейским) суперэтнотами, Л. Гумилев выделяет славянский суперэтнос. Фактически, именно эта идея положена в основу идеи неоевразийства, столь актуальной в наши дни.

Само по себе евразийство как геополитическая концепция, появившаяся на руинах философии славянофильства и ставшая ее своеобразной трансформацией, направлено на реализацию идеи многополярного мира и соответственно — на ликвидацию монополярности в мировой политике и экономике. Эта концепция приобрела особую актуальность после распада СССР, повлекшего за собой глубокую переоценку всей системы международных отношений, ставшего, по словам президента России В. Путина, «крупнейшей геополитической катастрофой века», вследствие чего «эпидемия распада» едва не перекинулась на саму Россию².

Воплощение евразийской идеи в жизнь имеет для современной России действительно ключевое значение как с точки зрения международного позиционирования, так и для решения целого спектра внутренних задач. Прежде всего, важно понимать, что Россия, будучи многонациональной страной, всегда стояла перед необходимостью выработки и

ДАВТЯН Ваге Самвелович — преподаватель Российско-Армянского (Славянского) университета, член-корреспондент Инженерной академии Армении, кандидат политических наук.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Республика Армения, энергетика, единый рынок, интеграция, военная безопасность, политические и культурно-цивилизационные аспекты.

¹ См. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. СПб.: Кристалл, 2001. С. 123.

² См. В. В. Путин: «Распад СССР — крупнейшая геополитическая катастрофа века». — www.regnum.ru/news/polit/444083.html#ixzz3ULtaHbc4

реализации соответствующей концепции как средства объединения и сплочения населения вокруг базовых ценностей (что, безусловно, наблюдалось при Советской власти). С другой стороны, Россия, традиционно позиционирующая себя как государство с державными амбициями и имеющая зоны своего влияния, нуждается в закреплении за собой статуса ключевого геополитического игрока, способного объединить вокруг себя ряд стран со всем спектром их внутренних и внешних проблем, став гарантом их безопасности и экономического развития.

И в том и в другом случаях мы имеем дело с проблемой формирования суперэтноса, а вернее — с выполнением суперэтнической функции, которая изначально свойственна России. Как пишет российский философ и один из главных идеологов евразийской интеграции А. Дугин, сама концепция национальной безопасности России включает в себе фундаментальный принцип евразийства: «Мы существуем как целое благодаря участию в нашем государственном строительстве многих народов, в том числе мощного тюркского фактора. Именно такой подход лежит в основании философии евразийства»³.

Таким образом, вполне понятно, почему идея осуществления евразийской экономической интеграции фактически зародилась на базе Содружества Независимых Государств (СНГ), объединяющего в себе исторически взаимосвязанные страны, традиционно воспринимающие Россию в качестве суперэтноса. Общецивилизационные ценности дополняются общей исторической памятью, сознанием принадлежности к общей Родине, непосредственными межличностными контактами и, как следствие, знанием менталитетов друг друга⁴.

Многие исследователи указанной проблемы призывают не сосредоточивать основное внимание на экономических аспектах ввиду их спорности, а апеллировать преимущественно к общности или близости культурно-цивилизационных основ. Тем не менее все более очевидной становится актуальность экономической и особенно геоэкономической составляющих процесса евразийской интеграции. В частности, большой интерес в этом смысле представляет уже свершившийся факт вступления Республики Армения (РА) в Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Существуют различные точки зрения относительно экономической и геоэкономической целесообразности подобного цивилизационного выбора. Сложность этой проблемы, наличие многочисленных ее аспектов, невозможность рассмотрения всего круга вопросов в рамках небольшой статьи обязывают автора остановиться на наиболее сложном и актуальном из них. На наш взгляд, таковым является вопрос обеспечения энергетической безопасности республики — сферы, наиболее чувствительной к колебаниям во внешнеполитических процессах. Вместе с тем попробуем разобраться с вопросом, насколько Армения сегодня готова к энергетической интеграции со странами — членами ЕАЭС.

³ Дугин А. Евразийство: от философии к политике : доклад на Учредительном съезде ОПОД «Евразия» (21 апреля, 2001 г., Москва). — www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=734

⁴ См. Саркисян О. Л. О ценностных основаниях интеграционных процессов в Евразии // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета. 2014. № 2. С. 17.

* * *

Одним из наиболее важных этапов евразийской интеграции является формирование Единого экономического пространства (ЕЭП), которое подразумевает обеспечение четырех свобод:

- движения товаров,
- движения капиталов,
- движения услуг,
- движения рабочей силы.

Наряду с этим, полноценное функционирование Единого экономического пространства предполагает координацию экономической политики государств-членов в отношении ключевых отраслей. В их числе — макроэкономика и финансовый сектор, транспорт и энергетика, промышленность и агропромышленный комплекс, торговля и пр. 1 января 2012 года были введены в действие 17 базовых международных соглашений, призванных лечь в основу Единого экономического пространства⁵. Особое значение, на наш взгляд, имеют:

— *Соглашение № 15* — об обеспечении доступа к услугам естественных монополий в сфере электроэнергетики, включая основы ценообразования и тарифной политики. Оно предусматривает принцип обеспечения доступа к энергосистемам сопредельных стран — участниц ЕЭП. Доступ предоставляется в пределах технических возможностей при условии обеспечения приоритета передачи энергии для удовлетворения внутренних потребностей стран;

— *Соглашение № 16* — о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики. Оно предусматривает принцип взаимного обеспечения доступа к газотранспортным системам стран—участниц ЕЭП после выполнения комплекса мер, в том числе после перехода на равнодоходные цены на газ. Доступ к газотранспортным системам предоставляется в пределах технических возможностей с учетом согласованного сторонами индикативного баланса и на основании договоров, заключенных хозяйствующими субъектами гражданских;

— *Соглашение № 17* — о порядке организации, управления, функционирования и развития общих рынков нефти и нефтепродуктов. Оно предусматривает неприменение государствами—членами ЕЭП количественных ограничений и вывозных таможенных пошлин в отношении взаимной торговли нефтью и нефтепродуктами. При этом порядок уплаты таможенных пошлин на нефть и нефтепродукты при вывозе с единой таможенной территории Таможенного союза определяется отдельными двусторонними соглашениями стран-участниц; соглашение также определяет условия доступа к услугам по транспортировке нефти, унификацию норм и стандартов на нефть, информационный

⁵ См. Евразийская экономическая интеграция: цифры и факты. 2014. С. 14. — www.eurasiancommission.org/ru/Documents/broshura26_RUS_2014.pdf

обмен сведениями о добыче, экспорте, импорте и внутреннем потреблении нефти⁶.

Каждое из перечисленных соглашений предусматривает интеграцию энергетических систем стран—членов ЕАЭС. Для того чтобы представить, насколько Армения сегодня может быть привлекательна для этой интеграции, необходимо обратиться к некоторым комплексным показателям энергетической сферы России, Казахстана и Беларуси.

Согласно данным Евразийской экономической комиссии, ЕАЭС занимает в мире первое место — по запасам природного газа (20,7 процента от мирового уровня) и запасам нефти, включая газовый конденсат (14,6 процента от мировой доли), третье место — по производству электроэнергии (9 процентов от мирового уровня) и четвертое место — по запасам угля (5,9 процента от мирового уровня)⁷. Подобные позиции на мировом рынке, безусловно, являются важной предпосылкой для реализации единой энергетической политики, прописанной в представленных соглашениях. Под этой политикой, как правило, понимаются формирование общего электроэнергетического рынка, создание общих рынков энергоресурсов, разработка балансов энергоресурсов и пр.

При рассмотрении представленных выше показателей в отдельности для каждого из государств-участников, но уже в сопоставлении с Арменией, нетрудно заметить, что последняя представляет интерес лишь по одной позиции — производству электроэнергии (см. табл. 1).

Таблица 1

Производство электроэнергии в 2014 году	млрд кВт·ч
Республика Армения	7,8
Республика Беларусь	34,5
Республика Казахстан	94,6
Российская Федерация	1058,7

Очевидно, что Единое экономическое пространство предполагает интеграцию на уровне не только производства, но и потребления. Что касается объемов потребления — причем не только электроэнергии, но также газа, нефтепродуктов и угля, — то и здесь позиции Республики Армения далеко не самые лучшие. И на то есть свои естественные причины. Сегодня ЕАЭС позиционирует себя как экономическое пространство, занимающее громадную территорию — более 20 миллионов квадратных километров, или 15 процентов мировой суши с населением 175,7 миллиона человек. Согласно официальным данным, население Республики Армения составляет порядка 3 миллионов человек, что представляет собой весьма ограниченный потребительский рынок для реализации как энергоресурсов, так и других товаров. С другой стороны, сложившиеся на Южном Кавказе геополитические реалии — Нагорно-карабахский

⁶ См. там же. С. 21.

⁷ См. там же. С. 12.

конфликт, закрытая армяно-турецкая граница, невозможность выхода республики к абхазской железной дороге с подключением к транспортно-логистической системе России через Грузию, активная работа соседнего Азербайджана по изоляции Армении из региональных проектов (трубопроводы Баку—Тбилиси—Джейхан, Баку—Тбилиси—Эрзерум, железная дорога Баку—Тбилиси—Карс и пр.), а также ряд проблем сугубо культурно-цивилизационного характера («островок христианства в мусульманском мире» и пр.) — являются серьезными препятствиями для полноценной экономической интеграции.

Евразийский выбор Армении — сугубо цивилизационный и представляет собой политический проект, краеугольным камнем которого является военная безопасность.

Отсюда напрашивается следующий вывод: евразийский выбор Армении — сугубо цивилизационный и представляет собой политический проект, краеугольным камнем которого является военная безопасность. Возможно, именно поэтому в рамках заявления о вступлении Республики Армения в Таможенный союз в сентябре 2013 года президент С. Саргсян неоднократно апеллировал к деятельности ОДКБ: «20 лет назад Армения выстроила систему своей военной безопасности в формате Договора о коллективной безопасности в партнерстве с Россией и рядом других государств СНГ. За эти десятилетия система доказала свою жизнеспособность и эффективность. Сейчас наши партнеры по ОДКБ формируют новую платформу экономического взаимодействия. Я не раз говорил, что, находясь в одной системе военной безопасности, невозможно и неэффективно изолироваться от соответствующего геоэкономического пространства»⁸.

Проблемы энергетической безопасности Армении сегодня практически невозможно рассматривать вне контекста геополитических интересов России. Уже в 2000 году в ответ на укрепление американского влияния в регионе Москва стала воспринимать Армению как «российский форпост» на Южном Кавказе. Ереван согласился на уступки в интересах взаимной безопасности и принял на своей территории российские военные базы, что воспринималось как мера, направленная на обеспечение военного равновесия в регионе⁹. Аналогичным образом выстраивалась и продолжает сегодня выстраиваться и энергетическая политика России в Армении.

⁸ Речь Сержа Саргсяна по итогам переговоров с президентом РФ Владимиром Путиным. — <http://voskanapat.info/?p=3311>

⁹ См. **Минасян Г.** Армения — российский форпост на Кавказе? // *Russie. Nei. Visions.* 2008. № 27. С. 12.

* * *

На момент вступления Республики Армения в ЕАЭС в начале 2015 года уровень влияния российского капитала и российского менеджмента в энергосистеме страны был невероятно высок. ОАО «Газпром» уже выкупил оставшиеся 20 процентов акций компании «АрмРосГазпром», тем самым окончательно сконцентрировав в своих руках импорт и распределение природного газа в республике и переименовав саму компанию в «Газпром—Армения», а российская компания «Интер РАО» к тому времени обладала контролем над 80 процентами электрогенерации Армении. Россия в лице Международной энергетической корпорации владеет в Армении Севан-Разданским каскадом ГЭС, переданным ей в собственность за счет погашения долга за поставленное для Армянской АЭС ядерное топливо. Крупнейшая теплоэлектростанция страны, Разданская, также находится под контролем российской «Разданской энергетической компании» и т. д.

Данный список можно продолжить, но думаем, что представленных примеров участия российской стороны в армянской энергосистеме вполне достаточно. Правда, в 2011 году «Интер РАО ЕЭС» заявило о прекращении финансового управления Армянской АЭС в связи с изменениями в политике компании, направленной на избавление от непрофильных активов. Однако и по сей день вопрос строительства нового блока Армянской АЭС в республике напрямую связывается с российскими инвестициями.

Итак, перечисленные энергетические объекты подтверждают представленный ранее тезис об уровне влияния российского капитала в энергосистеме РА. Возникают вопросы: каким изменениям может подвергнуться подобная расстановка сил на энергетическом рынке Армении после ее вступления в ЕАЭС? и можно ли считать наличие российского капитала проявлением интеграции?

На наш взгляд, расстановка сил останется неизменной, поскольку Россия продолжает стремиться к статусу ключевого энергетического игрока в регионе. Армения, в свою очередь, воспринимает Россию как гаранта своей безопасности и демонстрирует открытость для российских инвестиций в любой сектор экономики. Доказательство тому — наличие крупного российского капитала не только в энергетическом секторе республики, но и в сфере транспорта, связи, промышленности. Итак, для Армении соображения военной безопасности в настоящее время являются основополагающими в вопросе выбора экономического союзника, проявление чего мы наблюдаем на протяжении последних 20 лет. Именно поэтому евразийский выбор Армении был столь предсказуем и понятен. Таким образом, вступление Армении в ЕАЭС вряд ли повлечет за собой крупные казахстанские или белорусские инвестиции в энергетику республики.

Что же касается вопроса о том, является ли наличие крупного российского капитала в энергосистеме Армении свидетельством интеграционного процесса, то, как было отмечено ранее, указанные инвести-

ции были осуществлены задолго до решения о вступлении в ЕАЭС и, на наш взгляд, представляют собой не взаимоинтеграцию двух экономик, а весьма прагматичную политическую кооперацию по схеме «геополитический интерес России на Южном Кавказе — укрепление военной безопасности Армении». С данной точки зрения выбор Армении в пользу евразийской интеграции также можно считать политически прагматичным решением.

Возвращаясь к представленным выше международным соглашениям, призванным регулировать энергетический рынок Единого экономического пространства, отметим, что приведенные ранее примеры российской энергетической политики в Армении в целом демонстрируют определенное соответствие энергосистемы РА ряду принципов, прописанных в этих соглашениях. Многолетнее присутствие российских энергетических компаний в Армении существенно адаптировало энергосистему республики под российские стандарты, которые в свою очередь рассматриваются в качестве основополагающих при формировании базовых основ работы «Единого энергетического пространства». При этом вступление Армении в ЕАЭС автоматически не повлечет за собой возможность приобретения российского или казахстанского газа по внутрироссийским или внутриказахстанским ценам. С учетом этого обстоятельства необходимо, на наш взгляд, выработать новые механизмы, закрепляющие за Арменией определенные преференции из-за ее особого положения (отсутствие общей границы, блокада, прямое соседство с зоной ЕС) в получении дешевых энергоносителей.

Такой механизм может быть достигнут как в формате ЕАЭС, так и в формате российско-армянского газового соглашения, привязывающего тарифы на поставляемый в Армению газ к внутрироссийским ценам¹⁰. Что касается указанного в соглашениях доступа к энергосистемам сопредельных стран, к газотранспортным системам государств—участников ЕАЭС, то в случае с Арменией мы вновь сталкиваемся с проблемами геополитического характера, о которых говорилось выше. Впрочем, в самих соглашениях дана оговорка, согласно которой доступ предоставляется в пределах технических возможностей.

Итак, вполне понятно, почему в риторике официального Еревана при публичных обсуждениях вопросов, связанных со вступлением в ЕАЭС, превалирует политический фактор, а также тесно связанный с ним фактор культурно-цивилизационный. Именно поэтому столь часто упоминаются ключевые исторические события, наиболее ярко иллюстрирующие характер армяно-российских отношений. И столь же часто основные аргументы сводятся к принадлежности к общей, объединяющей системе ценностей, степени межэтнической близости, о которой пишет тот же Л. Гумилев. Тем самым подчеркивается роль современной России как суперэтнуса, выступающего в данном случае как культур-

¹⁰ См. Армения и Таможенный союз: оценка экономического эффекта интеграции / ЦИИ ЕАБР, 2013. С. 35.

но-цивилизационный оплот и гарант безопасности. Обращаясь к концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона¹¹ и применяя ее к поднятой нами проблеме, легко прийти к выводу, что выбор главного союзника в современной системе международных отношений должен осуществляться именно на основе этих принципов.

Вместе с тем очевидно, что, если ни одна попытка экономической интеграции не может быть успешной без культурной, гуманитарной составляющей, точно так же ни одна попытка политической или культурной интеграции не может завершиться успешно без реализации конкретных экономических программ. Именно поэтому выработка специальных условий членства Республики Армения в ЕАЭС, создание новых механизмов интеграции энергосистемы Армении, отмеченных нами ранее, являются необходимым условием для полноценной организации интеграционного процесса. ◆

¹¹ См. **Huntington S.** The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Summer. P. 22–49. — www.foreignaffairs.com/articles/48950/samuel-p-huntington/the-clash-of-civilizations

Феномен социальной реальности

Прагматизм современной общественной жизни принес с собой множество далеко не самых положительных перемен. В частности, он сделал не только научную, но и естественнонаучную (не говоря уже о философской) проблематику не столь значимой по сравнению с экономикой, текущей политикой, биржевыми курсами валют и спекулятивными операциями мировых банков. Такое положение вещей не может продолжаться долго, не становясь тормозом общественного прогресса, ибо отодвигает на задний план не только духовное, но и материальное производство как основу всего прогресса.

Со времен Сократа человек становится центральной философской проблемой и остается таковой до наших дней. Автор рассматривает эту проблему в контексте более широкой темы — темы *социальной реальности*, неотъемлемой составной частью которой человек стал вместе с обществом. Общество и вся социальная реальность — способ человеческого бытия, который с учетом его отличительных черт становится *сверхбытием* по сравнению с бытием природным. Поэтому следовало бы обратить более пристальное внимание на человека и всю социальную реальность с точки зрения специфических особенностей их бытия.

В отличие от природы, которая, похоже, достигла предела в своем развитии к моменту появления человека на Земле, социальная реальность, по всей видимости, таких пределов не знает. Человек пугающе неограничен в своих способностях развивать окружающий мир и развиваться самому.

Где границы его развития и пределы его творчества? Их нет. Он *беспределен и безграничен* в своих возможностях — прежде всего возможностях творчества, основанных на познании и практике. «Три кита», на которых базируются особенности человеческого бытия, давая ему право называться *сверхбытием*, — это чувственность, рационализм и креативность (включающая практику преобразования действительности). Именно они позволяют сравнить человека с джинном, вырвавшимся из природного сосуда и совершающего волшебные превращения мира.

Если в основе всех временных процессов лежит процесс обновления, то креативная функция общества «переводит» исторический процесс

ПЕРНАЦКИЙ Виктор Иванович — профессор, доктор философских наук (Нижний Новгород).

Ключевые слова: природа, человек, общество, социальная реальность, социогенез, политогенез, социальная дифференциация, социальное неравенство, homo sapiens.

в иные, по сравнению с природными — временные, координаты. В связи с этим развитие с участием человека заметно ускоряется.

У истоков социальной реальности

Природная эволюция подвела к началу человеческой истории. Явилась ли эта история продолжением природных процессов? Видимо, да. Но сама она природной уже не была. Человек, а значит и общество, природными образованиями назвать уже трудно. У них свои, отличные от природных, механизмы существования и развития, своя организация и формы бытия, имеющие *надприродный*, социальный характер.

Вопрос этот не праздный и касается сущности природы и социума, а также перехода от одного к другому. О том, что это подразумевает переход *от одной реальности к другой*, свидетельствует смена всех парадигм развития. Так, одной из парадигм природной жизни служит *приспособление всего живого* к окружающей среде. Напротив, в социально-историческом процессе это уже *приспособление человекам природной среды* к своим потребностям. Для этого нужны совершенно иные механизмы и средства, иные способы жизнедеятельности, доступные лишь человеку: труд, познание и многое другое, чего нет и быть не может на природном этапе развития.

Природа «выдохлась и выложила» на этапе формирования животного предка человека и подготовки последующей за этим человеческой истории. Но сама эта история была уже делом другого субъекта, которым стал (должен был стать) сам человек. Осталось лишь выяснить: являлся ли человек при этом природным существом, ведь его предка создавала все-таки природа?

Органическая теория¹ отвечает на этот вопрос положительно. Ответ этот согласуется с распространенным предрассудком, согласно которому животные и люди ничем принципиально не отличаются друг от друга, разве что уровнем развития в рамках все той же природной эволюции. Продолжением и приложением такой точки зрения можно считать приписываемый человеку «биосоциальный» или «социально-биологический» статус.

Сложность вопроса в том, что социальное и биологическое действительно присутствуют в человеке, но составляют при этом *иерархию*, в которой сам человек как личность находится на верхнем, надстроечном этаже, а биологическая основа остается на нижнем, природном уровне. Различать эти уровни необходимо, ибо все попытки найти и выделить социальное (то есть специфически человеческое) качество в биологических структурах и функциях человеческого организма не увенчались (а теперь ясно: никогда не увенчаются) успехом. Такие попытки представляют собой заурядный редукционизм, то есть сведение высшего (в данном случае социального) к низшему, биологическому уровню. *Нет и не может быть социального качества в биологическом, как нет биологического в физическом.*

Социальность есть *наивысший уровень материальной организации*, воплощенный в человеке и обществе и выросший из природно-

¹ Органическая теория — почти общепринятое обозначение биологизаторской точки зрения на развитие человека и общества, наиболее характерная для прошлого и современного позитивизма.

биологических форм, созданных природной эволюцией. Человек и общество в буквальном смысле этого слова «вышли из природы», то есть оставили ее позади, образуя при этом иной, надприродный вид реальности, названный *социумом*. Именно этот, социально-философский взгляд на человека выражен Марксом в формулировке: сущность человека есть «совокупность всех общественных отношений». Можно было бы после этого утверждать, что сущность человека — в обществе, если бы она не трансформировалась при этом в интеллект самого человека, вернее — в его личностное начало, имеющее общественный характер. Показательно, что научное определение сущности общества является в точности таким же, как и определение сущности человека, то есть содержит указание на *совокупность всех общественных отношений*.

Личность и общество не имеют аналогов в природе. Они являются исключительно *аналогами друг друга*. Феномен социальности воплощен в них обоим и представлен общественными отношениями. А все попытки биологизировать их вызваны недооценкой специфики и своеобразия социального феномена, в корне отличающегося от всей остальной, в том числе живой, материи.

Из всех природных объектов живая материя действительно находится ближе всех к социальной реальности. Но и она — плохой ее аналог, хотя и является *высшей формой природного движения*. Даже наиболее сложноорганизованные «дети природы», высшие животные, остаются за пределами реальности социальной, вне системы общественных отношений, даже если живут рядом с человеком. Социальная реальность остается для них недоступной, а расстояние, отделяющее их от этой реальности, — непреодолимым.

В основе отношений, образующих общество, лежит трудовой процесс, в ходе которого складываются эти отношения (точнее говоря, *материальные производственные отношения*). Эти отношения играют особую роль в формировании общества. Источником и основой социальной реальности является труд, который «создал, — по словам Ф. Энгельса, — самого человека». Слова эти можно взять эпиграфом к теме «Феномен социальной реальности». При этом можно сказать, перефразируя Энгельса, что труд создал и само общество.

Упомянутые *производственные отношения* составляют *социально-экономический базис* общества. Остальное в *структуре* общества относится к *надстройке*². Существует также еще общественная инфраструктура. Это не принадлежащие социальной реальности, но смежные с ней структурные и вещественные образования — например созданный человеком предметный мир, не совсем правильно именуемый «второй природой». Впрочем, «второй природой» можно назвать относящиеся к этой предметной области флору и фауну, существующие «рядом» с человеком как результат его селекционно-биологической и хозяйственной деятельности.

² Кроме того, существует еще и так называемый *производственно-технический базис*. Но он напрямую к структуре общества не относится.

В то же время железные дороги, фабрики и заводы, машины и оборудование едва ли подходят под определение «второй природы». Аналогов или генетических корней у этих и множества других искусственно созданных предметов в природе нет. Большинство из них — это средства производства или производительные силы общества, тот производственно-технический базис общества, на который опирается социальная реальность и который является ее платформой, возвышающей эту реальность над природной средой.

На самом деле эта реальность начинается с *социально-экономического базиса* — совокупности всех материальных производственных отношений, которые складываются в обществе как результат и предпосылка коллективной трудовой деятельности. Труд изначально коллективен. Даже индивидуальная трудовая деятельность носит, по существу, коллективный характер, поскольку предполагает участие множества людей в процессах, делающих индивидуальный труд возможным. Топор дровосека, перо, бумага и язык писателя, все технологии индивидуальной трудовой деятельности создаются обществом и передаются от поколения к поколению, от человека к человеку, от учителя к ученику.

Уже в орудиях труда, поскольку эти орудия не существуют в готовом виде, а должны быть созданы людьми, — воплощаются в скрытом и свернутом виде трудовые (производственные) отношения их создателей. Такое воплощение есть везде, начиная с простейших и до сложнейших современных орудий.

По орудиям труда мы судим о системе производственных отношений в обществе людей, их создавших. Это значит, что в зашифрованном, «опредмеченном» виде производственные отношения воплощаются в производительных силах общества, выросших из орудий труда первобытного человека.

* * *

С разделением труда и появлением профессионального умственного труда производственные отношения усложнились настолько, что базис и надстройка утратили четкие границы, а материальное общественное бытие частично слилось с нематериальным общественным сознанием. Произошло это на основе сближения и слияния материального и духовного производства.

В духовном производстве, будь то художественно-культурная или инженерно-техническая работа, или сфера научного познания, — везде, как и в производстве материальном, решающее значение имеют орудия труда. *Труд — это всегда орудийная деятельность.* В духовной сфере это верно так же, как и в материальной, что позволяет расширить смысловое значение формулы Энгельса «труд начинается с производства орудий труда» и распространить ее на интеллектуальную сферу.

Чем же тогда являются орудия этой деятельности? *С самого начала таким орудием служит язык*, создание которого начинается с началом человеческой истории, а совершенствование продолжается и сейчас. Кроме разговорного и литературного это множество специализированных, как и само духовное творчество, языков — например музы-

кальный. Подчеркнем еще раз: *язык — орудие духовного производства*, которого нет и быть не может в природе, за пределами социальной реальности.

Сама эта реальность, в отличие от природы, *дуалистична*: она не только материальна, но и духовна. В основе как одного, так и другого лежит *система общественных отношений*, образующая «ткань» социальной реальности в целом, а также по отдельности — материальной и духовной составляющих. Развитие этих отношений, а значит, и самого общества (социальной реальности), — внутренне связано с развитием орудий труда, средств материального и духовного производства. В языке даже лучше, чем в орудиях материальной производственной сферы, представлена коллективность как система общественных отношений, ибо язык, будучи орудием индивидуального мышления, по определению коллективен. Его коммуникативная функция столь же важна, как и мыслительная. А поскольку индивидуальное сознание есть не что иное, как мышление, то сознание отдельного индивида тоже в сущности своей коллективно.

Выходит, тождество индивидуального и коллективного, личностного и общественного в духовной сфере даже более наглядно и очевидно, чем в материальной. И все же индивидуальное и общественное сознание — не одно и то же. Разница между ними в том же, в чем разница между отдельным человеком и обществом. Система духовных (идеологических) отношений, которой принадлежит язык, связывающая сознание отдельных людей в единое целое, составляет «ткань» той новой, по сравнению с индивидуальным сознанием, духовной реальности, которую мы называем *общественным сознанием*.

В отличие от индивидуального, общественное сознание не привязано к мозгу мыслящего человека. Его непосредственной материальной основой становится не мозг как таковой, а общественное бытие. Это прежде всего материальный трудовой процесс, в ходе которого складываются материальные производственные отношения, лежащие в основе всех общественных отношений, образующих общество.

К сказанному ранее о труде добавим, что он значительно расширяет границы реальности, созданные эволюцией природы. Эта реальность «создавалась» миллионы лет. И если сегодня в религиозной догматике природную эволюцию относят к «промыслу божьему», то это мало что меняет в ее нынешнем статусе. И как природный, и как божественный продукт эта реальность представляет собой бесконечно разнообразный, но застывший и неизменный в качественном своем состоянии и измерении материальный мир. Судя по тому, что мы сегодня знаем о дочеловеческом мире, он почти остановился в своем развитии на путях биологического совершенствования и качественного роста флоры и фауны, не говоря уже о неживом веществе. Остановился, создав наиболее совершенное из живых существ, предшествовавших человеку, — его животного предка. Животное это по ошибке было названо «*homo sapiens*», но фактически еще не было человеком, тем более — человеком «разумным». Главное, в чем состояло его отличие от всех остальных животных, — это способность встать на тот путь, который привел его к превращению в человека.

Наибольшая трудность заключается в понимании того, как организм животного превращался в организм человека, когда еще не сложились основные навыки и стереотипы трудовой деятельности. Единственное предположение при объяснении такого перехода состоит в том, что, начиная *приспосабливать* с помощью простейшего труда окружающую природу, животный предок человека продолжал *приспосабливаться*, но теперь уже к труду, совершенствуя тем самым и свою трудовую деятельность, и себя самого. Если это так, то рука человека, это «орудие орудий» труда (равно как и мозг), стала результатом такой приспособительной деятельности.

Следует поэтому уточнить, что в дальнейшем речь идет о приспособлении *homo sapiens* к множеству новейших видов трудовой деятельности, все более связанных с деятельностью интеллектуальной. Характерная для животного и предка человека *приспособительная* к окружающей природной среде деятельность постепенно превращалась в деятельность *приспособляющую*. Лишь вследствие этого морфологические и физиологические изменения в организме начавшего трудиться человеческого предка имели результатом современную универсальную приспособленность сформировавшегося человека к труду.

Рука человека, это «орудие орудий» трудовой деятельности, и мозг приспособившегося к труду человека (это был уже действительно *homo sapiens*) — главный и последний результат эволюции приспособления. Далее последовала *приспособляющая* деятельность человека. Вот как писал об этом Ф. Энгельс: «Начинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство человека расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства». И далее: «...объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным»³.

Приспособление к труду — наивысшая из приспособительных способностей, достигнутая предком человека, в отличие от всего остального животного мира. Это *первый и исходный пункт движения, ведущего к новой, социальной реальности, и последний*, завершающий этап эволюционно-природного развития, исчерпывающий возможности этого развития, возможности природы. «Рука, таким образом, — отмечает Ф. Энгельс, — является не только органом труда, *она также и продукт его*»⁴.

Если эволюционная теория Дарвина в чем-то и ошибочна, так это в трактовке пограничного перехода от обезьяны к человеку. Этот переход не является эволюционно-природным. Он связан с глубоким качественным превращением природной реальности в *надприродный* социальный феномен, с *восхождением* от низшего к высшему. С появлением человека эволюция природы заканчивается, а развитие материального мира продолжается начавшейся человеческой историей уже на другом «этаже», на более высоком уровне и в совершенно иных формах.

³ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 20. С. 489.

⁴ Там же. С. 488.

* * *

Природное бытие на вещественном уровне мы еще понимаем. Неживая материя, а также живая — флора и фауна, ее составляющие с четко обозначенными границами и, как нам кажется, с более или менее определенным содержанием. Есть трудности в понимании природных вещей на границах познания. Но это понятный, приемлемый и объяснимый факт.

Однако вопрос о том, что такое *социальная реальность*, во многом остается открытым.

Приспособление к труду — наивысшая из приспособительных способностей, достигнутая предком человека, в отличие от всего остального животного мира. Это *первый и исходный пункт движения, ведущего к новой, социальной реальности, и последний, завершающий этап эволюционно-природного развития, исчерпывающий возможности этого развития, возможности природы.*

Проблема состоит в особенностях того бытия, частью которого являемся мы сами. Скорее всего, человек и общество — не часть, а составляющие, исчерпывающие почти весь феномен социальности его, и мы вынуждены судить о нем «изнутри» в надежде на наличие аналога этого феномена где-нибудь в другом уголке Вселенной. Пока, однако, мы с ним не знакомы и вынуждены формировать представление о таком аналоге самих себя без особых надежд на контакты и общение с разумными существами в ближайшем будущем.

Остается *интроспектива* — познавательная процедура, весьма затруднительная и мало разработанная, но, увы, неизбежная при существующем положении вещей. А раз так, то придется по ходу дела рассматривать и саму эту процедуру на предмет ее эффективности. В этой работе исходным пунктом должно послужить сократовское «познай самого себя». Процесс этот идет уже давно, идет с переменным успехом и результатами. Последние пока не позволяют составить четкого представления о социальной реальности в сфере сознания и самопознания.

После разрушения античной культуры монополистом в трактовке человека (и самой социальной реальности) стала религия. Человек предстал в ее интерпретации как «раб божий» и сделался им на самом деле на целое тысячелетие, вплоть до начала эпохи Возрождения. Понятно, что в этой роли его сущность могла проявить себя лишь в извращенном виде. Человек по совету Сократа взглянул внутрь самого себя и увидел там бога, испугался и стал рабом этого бога, то есть рабом самого себя. Это была первоначальная форма освоения человеком своей собствен-

ной сущности, о которой значительно позже будет сказано: «Каждый человек сам себе бог». Однако в условиях рабства этим богом для него долгое время оставался другой человек. Рабство — альтернатива и продукт религиозного синдрома. Если есть бог, должны быть и его рабы, поскольку обе эти противоположности — стороны одной и той же сущности, состоящей в духовном родстве раба и господина.

Корни этой сущности — в социальной реальности, состоящей в отношениях господства и подчинения. Божество — концентрированное выражение совокупности таких общественных отношений, иерархия которых гипертрофирует возвышение одного и уничижение другого человека. К сказанному надо добавить сократовские идеи о единобожии.

Между прочим, судьбы Сократа и Христа весьма схожи. И тот, и другой были казнены за свои взгляды, от которых они не стали отказываться и еще более усилили их своей смертью. Сократ едва ли не первый ввел в предмет философии учение о человеке («досократики» видели в этом предмете лишь природу, развивали главным образом натуралистические взгляды). Сократом же (скорее интуитивно, чем осознанно) человек был выведен за пределы природной реальности и помещен в начавшую обозначать себя реальность социальную.

Между тем эта реальность, хотя и в мифологической форме, являлась предметом языческих религий. Возможно, правильнее сказать, что это был античный атеизм наивно-антропологического свойства, когда все боги жили, как люди, вели земной образ жизни, женились, рожали детей, враждовали, интриговали т. п. При этом каждой сфере социальной реальности соответствовал свой бог, так что вся жизнь людей на земле оказывалась «под присмотром» и «покровительством» свыше. Человек создал бога по своему образу и подобию; но уже древние римляне отправили своих богов на небо и сделали тем самым важный шаг к созданию монотеистической религии.

Возвращаясь к античному язычеству, отметим, что эта религия была к тому же исторически первоначальной (мифологической) формой социального познания и самопознания, где боги составляли своеобразную социальную общность и вели себя так, как должны были вести себя люди того времени. Религия и мифы, боги и люди слились в античном представлении о прошлом и настоящем — как сказка и реальность в детском сознании. Это было раннее детство европейской цивилизации, когда недавнее (по историческим меркам) прошлое, родовой строй, еще не могло быть осмыслено в научных категориях и в лучшем случае существовало как эмпирический факт. О том, что такое осмысление уже началось, свидетельствуют социальные проекты Платона, схожие с современными представлениями о первобытном коммунизме.

В любом случае, в этих проектах уже можно обнаружить появление исторической памяти, когда ушедшие в прошлое родовой строй и первобытная община становятся материалом для конструирования будущего. Прошлое и будущее могут встретиться и впервые встречаются в настоящем, если это настоящее — духовная составляющая социальной

реальности достаточно высокого цивилизационного уровня, впервые достигнутого древними греками.

Более ранние, деспотические цивилизации не оставили нам свидетельств на этот счет. Можно предположить, что таковых не существовало вообще. Как не было того, что можно было бы считать началом научно-философского познания. Тем более не могло быть познания социально-философского, которое и в Древней Греции вполне определенно начинается лишь с Сократа. В досократовский период социальное познание (если оно вообще существовало) могло проявиться лишь в религиозно-мифологической или софистической форме. Скорее всего это были лишь предпосылки того, что стало реальностью во взглядах Сократа, а затем Платона.

Если это так, то феномен социальной реальности как таковой начал осознаваться с сократовского «познай самого себя» и «я знаю, что ничего не знаю». С учетом сократовского скептицизма по поводу натурфилософского и всего позитивного знания в обеих установках можно увидеть явный антропологический акцент. В первом случае это очевидно, поскольку речь идет о самопознании. Во втором случае мы видим, что, как и всякое познание, самопознание вынуждено начинать с пункта, который стал «знанием о незнании». «Но другие не знают и этого», а потому остаются за пределами познавательного процесса, не достигнув его первого пункта.

Пока предметом познания оставался объективный природный мир, сочетание знания и незнания имело чисто гносеологическое звучание. Теперь же в сократовском «я знаю, что ничего не знаю» выделилось социально-философское звучание, в рамках которого, кроме того, кому принадлежит «знание о незнании», подразумевались и другие люди, которые «не знают и этого». Термин «другие» указывает на общечеловеческую сущность сократовского «Я» и тем самым обозначает социальный статус его суждения.

Характерно, что в познавательной процедуре, рассматриваемой Сократом, присутствует не только его «Я», но и другие «Я», что значительно раздвинуло панораму познавательного процесса, сделало его коллективным. С учетом диалектики этой процедуры (знание тождественно незнанию) можно сказать, что это обстоятельство подчеркивает еще одну особенность (черту) социальной реальности: *личность и общество черпывают эту реальность*, если не выделять в ней и не рассматривать отдельно *систему (совокупность) всех общественных отношений*, связывающих эти две стороны социального целого, воплощаясь по-своему в каждой из них.

Система вообще не фиксируется (и, очевидно, не существует) отдельно от предметов, совокупность которых она составляет. Она есть лишь *определенный порядок вещей*, благодаря которому складывается сама целостность. Она же формирует и качественную определенность этой целостности, отличая ее от составляющих ее элементов.

Особую роль эти количественно-качественные превращения играют в социуме, где благодаря меняющейся системе общественных отношений

не только рождается новое общество, но и формируется новый тип человека как порождение и воплощение этой новой целостности. Разнообразии и богатстве общественных отношений несравненно больше того, что существует в природе. Совокупный результат этих отношений — *общество и человек*, то есть социальная реальность как таковая, превосходящая все созданное до этого природой и в этом смысле представляющая собой феномен, не имеющий на Земле аналога или эквивалента.

* * *

Общественные отношения, образующие общество, уникальны, как и само это общество. Будучи материальным в своей основе, они не вещественны, что затрудняет их понимание и рассмотрение. Не воспринимаемые чувственно, не измеряемые физически, они, как человек-невидимка, оставляют лишь следы, по которым мы можем косвенно судить об их существовании и ролях, которые они исполняют в жизни общества. Мы можем также иметь дело с последствиями их «работы» в разных сферах общественной жизни, поскольку она протекает с участием человека.

Начиная свой анализ экономических отношений в «Капитале», К. Маркс приводит как пример таких отношений «стоимость», которую, как он пишет, не за что «ущипнуть», в отличие от всем известной вдовицы Квикли. «Стоимость» — это типичный пример экономических, то есть материальных, отношений в обществе, не имеющих даже отдаленного аналога в природе. В обществе же, в отличие от последней, такой аналог (назовем его «измеритель») существует. Им являются деньги, воплощенные в материально-вещественную форму. В природе экономических отношений, а стало быть, и стоимости быть не может. Животный мир не знает этих отношений, ибо это *общественные отношения*.

Значительная часть общественных отношений, а именно — производственные (трудовые) отношения — носит функциональный характер и может лишь «опредмечиваться» (по другому: «овеществляться») или «распредмечиваться», воплощаясь в результаты человеческого труда, или снова принимать невещественный, функциональный характер.

Таким образом, материальность социальной реальности — новое для классической философии социально-философское понятие, означающее, как и в общей философии, *объективность*, а значит — независимость от человека и его сознания производственных отношений. Чтобы трудиться, люди вступают в эти отношения, которые воплощаются затем в результатах труда, овеществляются и в таком виде присутствуют во всех вещах, сотворенных человеческой рукой. Эти вещи окружают жизнь человека и составляют необходимое условие человеческого существования, становясь продолжением его разума и чувств. Поскольку они вырабатываются в нужных человеку объемах и формах, постольку служат звеньями технологических процессов в материальном производстве. А потому тоже становятся «концентрированным выражением» человеческих отношений в окружающем нас, искусственно созданном предметном мире, ставшем частью нашего внеприродного бытия.

Даже в предельном случае, сделавшись «робинзоном», живя отдельно от общества и в отрыве от цивилизации, человек вынужден поддерживать свое человеческое (в сущности своей внеприродное) существование, используя для этого минимум доступных ему форм и норм человеческой жизни. А для этого он должен, обустроивая свою жизнь, применить весь доступный ему человеческий опыт и использовать предметы домашнего обихода, сотворенные другими людьми. Или, напротив, лишенный такой возможности и выпав из системы общественных отношений с их материально-предметной инфраструктурой, «робинзон» неизбежно деградирует и распадается как личность, перестав быть принадлежностью социальной реальности и клеткой «общественной субстанции». Стало быть, не только «маугли» и «тарзанов», но и «робинзонов» в собственном смысле этого слова, в отличие от литературных героев, нет и быть не может.

Искусственно созданные предметы, окружающие человека, включают не только неживую материю, но флору и фауну. Культурное творчество человека в этой сфере существенно изменяет и дополняет все созданное в этой области природой без участия человека. Не всегда это участие позитивно, нередко результат оказывается отрицательным. Это прежде всего уничтоженные человеком виды растительного и животного мира. В какой-то степени «компенсацией» этому служат созданные с помощью селекции, а теперь и генетической модификации новые формы биологической жизни. Их можно назвать «второй природой»: в отличие от первой они имеют *искусственное* происхождение. Впрочем, в подобных случаях правильнее было бы говорить о «совместном» творчестве человека и природы.

Сегодня почти все сельское хозяйство основывается на выведенных человеком и приспособленных к его потребностям «культурных» сортах и видах живых организмов. В этой сфере особенно заметна созидательная составляющая в отношении человека к живой природе. Природа выступает в сельском хозяйстве партнером человека, «трудится» вместе с ним. А человек «привязан» к природе так, что еще не возвышается над ней подобно тому, как это имеет место в промышленном производстве. Этим определяется и характер производственных отношений в сельскохозяйственной деятельности.

Этим и сегодня отличается организация общественной жизни сельского и городского типа друг от друга. Но отличия эти имеют исторический характер. Урбанизация привела к качественным сдвигам не только в образе жизни, но во всем жизнеустройстве, и, стало быть, — к радикальной перестройке всех общественных отношений. Итогом ее стало современное общество, в котором город играет ведущую роль. С появлением городов природа начала выводиться из общественных отношений как непременный их соучастник. Речь, конечно, идет не столько о природе в целом, сколько о земле, которая в период становления человека служила главным средством производства и важнейшим посредником в отношениях людей друг с другом в трудовом процессе. В этот период отношения их диктовались в решающей степени простым

обстоятельством: равные в природном отношении люди были равны и социально — насколько можно говорить о социальности в первобытном обществе.

С зарождением городов начался процесс оттеснения деревни на задний план общественного бытия. Урбанизация коренным образом изменила ситуацию в сфере общественных отношений. Уйдя за городские стены и утратив непосредственную связь с природой и землей, люди должны были изменить и свой образ жизни. А вместе с ним должен был измениться и характер трудовой деятельности, включая общественные (прежде всего трудовые, производственные) отношения.

Одновременно обитатели городов заняли привилегированное положение в отношении тех, кто остался за городской стеной и продолжал жить и трудиться на земле. Это было едва ли не первое социальное возвышение одной общности людей над другой. Привилегия жить за городскими стенами и быть защищенным от набегов и грабежей со стороны враждебных племен повысила статус первых обитателей новых социальных образований, ставших прообразами будущих городов.

В этих образованиях стала складываться *иерархия* в построении общественных отношений, где начали появляться и все более явно обозначаться *выше и ниже* лежащие слои обитающих в этом обществе людей. Этому способствовало усложнение новых видов трудовой деятельности, прежде всего ремесленничества. Здесь впервые уже не природа (растения и животные), а сам человек стал определять и задавать содержание трудовых операций. Так что, если труд, как гласит классическая формула, начинается с производства орудий труда, то новый труд должен был начаться с создания новых средств трудовой деятельности, не связанных напрямую с сельским хозяйством.

Пока преобладал ручной труд, человек — главная производительная сила общества — был привязан к труду так, что вместе со средствами производства сначала принадлежал общине, а затем стал принадлежать собственнику этих средств. Так что, если частная собственность — плод городской культуры, то и рабство — тоже. Быть может, и даже скорее всего, первой частной собственностью (на средства производства) была собственность на раба.

Вследствие урбанизации труд остался уделом сельского жителя и сделался обязанностью раба. Изменившиеся трудовые отношения привели к отношениям господства и подчинения, то есть к иерархии в отношениях общественных. Вместо отношения к природе, делавшего людей равными, определяющей этих отношений стало *неравенство* в их отношении друг к другу, которое дополнило и продолжило отношение господства и подчинения между городом и деревней.

* * *

Корни рабовладельческого общества — в родовом строе. Тем не менее, в натурально-чистом виде рабство появилось значительно позже. Но происходил раб от обезличенного члена общины, который, как и раб, не обладал (и не должен был обладать) личностными свойствами.

Не удивительно поэтому, что на смену распавшемуся родовому строю пришел рабовладельческий строй. Более того, рабовладельчество продолжилось и распространилось и на более поздний период феодализма, воплотившись в крепостном праве.

В России крепостное право задержалось благодаря сохранившейся общине, которая так же, как род и племя, поглощает и нивелирует личность. Конечно, это не первобытная, а трудовая, производственная община. Вырабатываемые ею коллективистские черты отчасти действительно напоминают рабскую психологию и стереотипы поведения, на чем «споткнулись» в своих оценках российского менталитета многие русофилы, не говоря уже о русофобах. Но коллективистская природа общинной трудовой деятельности имеет и другую сторону. Она близка к общественному характеру современного производства и жестко противостоит частной форме присвоения, что породило в общинной психологии устойчивую неприязнь к частной собственности на средства производства.

В советские времена крестьянская община приняла колхозно-совхозную форму и распространила свое влияние на городской уклад жизни и трудовой деятельности, особенно в малых и средних городах России. Этим стали заметно определяться цивилизационные особенности и черты всего российского общества, в отличие от общества западноевропейского типа. Исключение составили лишь большие города. Но и они не избежали влияния общероссийского антибуржуазного менталитета, отличаясь от всего российского общества лишь степенью своего евразийства в отношении к буржуазному европеизму. Впрочем, опасность углубления этих различий и связанных с этим социальных противоречий остается.

Цивилизационные особенности буржуазной Европы и гипербуржуазной Америки (США) таковы, что соответствующая их уровню исторического развития социальная реальность радикально отличается от социальной реальности российского общества. В основе той и другой лежат во многом различающиеся ценности. При всей их схожести различия эти носят принципиальный и потому неустранимый характер, порождая политические, по сути цивилизационные противоречия. В чем же они состоят?

Водораздел проходит в сфере отношений *личности и общества*. Со времени античности гуманистическое направление цивилизационного развития, основателем которого можно считать Сократа, претерпело значительные трансформации. К настоящему времени сложились две противоположные доктрины практикуемого гуманизма: *коллективистский* и *индивидуалистический*. Этому соответствуют две столь же противоположные и непримиримые идеологии, имеющие свои преимущества и недостатки, обнаруживаемые при сопоставлении их друг с другом. Такое сопоставление и сравнение в явной и неявной форме происходит постоянно, определяя в немалой степени содержание цивилизационной борьбы.

Ведущей сферой этой борьбы сегодня является сфера *политическая*. Политические измерения современной социальной реальности, быть

может, лучше других позволяют судить об отличиях этой реальности от природной. Впрочем, столь же значимы и измерения экономические, культурные, нравственно-эстетические, юридические и многие другие, не применимые к природе и природным процессам.

Иерархическое построение современного социума начинается «снизу» экономикой и завершается «вверху» политикой и идеологией. Такая структурность, в отличие от природной, делает социальную реальность новым, надприродным образованием при отсутствии естественных аналогов и предпосылок. При всем том преемственность между ними все же должна существовать. Правда, пока неясно, в чем она конкретно заключается.

В природе тоже существует собственная организация, и даже собственная иерархия. Это прежде всего неживая и живая материя, состоящие друг с другом в соотношении «выше—ниже». Последняя тоже содержит множество иерархично связанных между собой и стоящих на разных ступенях эволюционной лестницы видов, подвидов, отрядов и других подразделений и структурных единиц. В иерархичных отношениях между собой состоят также растительный и животный миры. Но то, что мы видим в социальной организации, не имеет никакой связи с природой.

Несколько позже, говоря о *человеке*, мы попытаемся найти и измерить эту связь через его организм, который ошибочно было бы отрывать от природы. Что касается другой ипостаси социальной реальности — *общества*, то здесь еще более очевидно, что у него, вопреки органической теории, нет ничего общего с природой. Какая связь между политикой и онтогенезом? У общества мы можем взять для сопоставления с природой юриспруденцию, религию и т. д., но они не сопоставимы с РНК и ДНК точно так же, как политика и филогенез.

Политика лучше других воплощает собой структурную иерархию социальной реальности. Она «выше» и в этом смысле «важнее» и «влиятельнее» всех иных составляющих общественную организацию. Сама организация эта есть не что иное, как «вертикальная» структура, в которой есть «выше» и «ниже» лежащие элементы и слои, состоящие в соподчинении друг с другом. Государство занимает верхние этажи такой структуры, распространяя свое влияние на все этажи и уровни «сверху донизу», включая экономическую, социальную, а также гражданскую сферы.

При всех сложностях и трудностях наглядной трактовки такого предмета, как *общественные отношения*, наибольшее затруднение вызывает «вертикальная» составляющая этих отношений. Это отношения между «выше» и «ниже» лежащими элементами (слоями, общностями и отдельными личностями). Эти элементы образуют иерархию, где в отличие от *координации* («горизонтальных» отношений) преобладает *субординация*, (отношения «по вертикали»), предельным случаем для которой становятся отношения *господства и подчинения*.

Типичным примером отношений субординации служат уставные отношения в армии, где права и обязанности регламентируются зва-

ниями и должностями и определяются строгой дисциплиной, обеспечивающей ее целостность и боеспособность. Столь же характерным примером, но противоположного свойства, являются отношения координации. Это отношения между родственниками, коллегами по работе, друзьями, знакомыми. Гражданское общество — атрибутивное основание социальной реальности — не выстроено, подобно политической системе, в многоуровневую иерархию, которая нуждается в регулировке взаимоотношений его разного уровня слоев. Это общество можно сравнить с баней: все равны, а звания и должности остаются вместе с одеждой в государственном гардеробе, где на время как бы утрачивают свои полномочия. Здесь иные регуляторы отношений, главным из которых является *мораль*. При этом под моралью понимаются обычные общепринятые нормы поведения и отношений между людьми, не подлежащие юридической регламентации. Это, к примеру, обычная вежливость, порядочность, стыд, совесть, сочувствие, сострадание.

Собственно говоря, социальная реальность ничего другого собой не представляет, кроме людей, образующих общество, и общества, определенным образом составленного из людей, если не считать систему общественных отношений, связывающих этих людей и образующих тем самым общественную целостность.

* * *

Подходя все ближе к пониманию того, что обозначает категория «социальная реальность», мы выяснили ее происхождение и ознакомились с содержанием, приблизившись к раскрытию сущности этого явления.

Аналоги социальной реальности существуют, но они находятся «внутри», а не «вне» этой реальности. Чтобы лучше понять это, необходимо уточнить границы предмета. Границы социальной реальности определяются тем, что это, прежде всего, само *общество и люди*, его составляющие. К этой реальности относят еще *систему* (совокупность) отношений, образующих общество из суммы составляющих его людей. Целое (общество) отличается от элементов, то есть отдельных индивидов, его составляющих. Превращение суммы в целостность происходит при посредстве системы общественных отношений, придающей социальной реальности *структурный* характер. Структура эта в свою очередь распадается на экономические (производственные), социальные и идеологические (духовные) отношения, которые становятся наиболее крупными подразделениями общественного целого.

Рассмотрение многообразных структурных и функциональных связей внутри социальной реальности впереди. Пока же обратим внимание на одну, но самую значимую и содержательную из этих связей, имеющих к тому же аналоговое значение. Это связь и отношения между личностью и обществом. Будучи *живым* существом, человек еще отнюдь не является существом *разумным*, носителем разума, а значит — и не может быть признан человеком в строгом смысле этого слова. Тем самым ставится под сомнение и правомерность отнесения термина «человек разумный» к биологическому виду, который как часть природного

мира, вопреки органической теории, не может быть ни тем, ни другим. И «человечность», и «разумность» в этом *homo sapiens* выступают лишь как потенции, которые вполне могут и не реализоваться. И эта отрицательная возможность, поскольку она тоже, увы, существует, подчеркивает отнюдь не автоматический, не запрограммированный генетически процесс превращения человеческого ребенка в человеческую личность в процессе взросления.

Обязательный акт становления каждой человеческой личности — «второе рождение»⁵, одно из характерных проявлений социальной реальности в ее отношении к природе. Ведь «первое» рождение человека — все же *природное* рождение, которое есть всего лишь переход из небытия в природное бытие. Поэтому в строгом смысле этого слова «человеческим» рождением оно стать не может, но предпосылкой, «первым шагом» в этом направлении все же становится.

«Первое рождение» объединяет человеческое существо со всем природным миром, ибо оно детерминировано природой, хотя и может подлежать человеческому контролю. При этом для всех живых существ (кроме человека) первое рождение является *единственным и последним*. Продолжением его становится естественный жизненный процесс, в котором онтогенез воспроизводит основные стадии предшествующего филогенеза, а завершением — воспроизводство и продолжение жизни в последующих поколениях. Но в этих программах и процедурах их реализации нет ничего социального.

Совсем иначе осуществляется бытие социальное. Это бытие *надстраивается* над природно-биологическим и осуществляется на его основе, но по другим законам. Законы эти становятся *ведущими*, определяющими по отношению к биологической основе человеческого бытия. Таким образом, это бытие, то есть весь человеческий организм, функционирует под влиянием и контролем социального фактора. ◆

(Продолжение следует)

⁵ «Второе рождение», по мнению автора — акт становления человека после природного («первого») рождения каждого ребенка, который, вопреки распространенным в органической теории предрассудкам, не имеет никакого отношения к биологии, а является результатом воздействия общества через посредство семьи, ближайшего окружения и в конце концов — социума как такового.

Гайдар против собственной политики

Егор Гайдар возглавил отдел экономики «Коммуниста» в 1987 году и, по воспоминаниям старожилов, шокировал редакцию тем, что публиковал статьи в основном рецензентов своей диссертации. «Заскорузлым реакционерам» главного теоретического издания ЦК КПСС подобную демонстрацию либеральных ценностей «свободной конкуренции» было трудно даже вообразить.

Одним из важных эпизодов его пребывания в редакции стало решительное выступление против проекта одновременного начала пяти крупных строек в Западной Сибири. Причиной, насколько можно судить сейчас, являлась жестокая межведомственная конкуренция за ресурсы, весьма ограниченные из-за уже развернувшегося тогда кризиса советского народного хозяйства: как значимый функционер партхозноменклатуры, Гайдар выступил на стороне конкурентов нефтегазового лобби. Однако нельзя забыть, что эти проекты, призванные качественно повысить глубину переработки сырья и решительно увеличить добавленную стоимость, извлекаемую нашей страной из ее природных ресурсов, объективно обеспечивали повышение эффективности советской экономики. Многие проекты, приводимые им в качестве примеров неэффективности, сегодня являются не только гордостью, но и опорой российской экономики.

Выступление Гайдара не могло остаться незамеченным: шесть министров во главе с министром нефтяной и газовой промышленности СССР В. С. Черномырдиным написали в журнал письмо, в котором обвинили Гайдара в том, что он «в поспешном и недостаточно взвешенном экономическом обозрении.., не утруждая себя аргументами, ставит под сомнение необходимость комплексного развития производительных сил Западной Сибири».

Вновь публикуемая статья является ответом Гайдара на это письмо. Поскольку финансовое положение страны стремительно ухудшалось, ЦК КПСС отказался от планов строительства новых заводов: поле боя осталось за Гайдаром, и уже в следующем, 1990 году он стал редактором отдела экономической политики «Правды».

Читатель оценит, с какими умениями и виртуозностью, опираясь на реальную неэффективность советского управленческого организма и подчеркивая тактические проблемы для уничтожения стратегических

проектов, Гайдар уже в 1989 году выступал против экономического развития нашей страны.

Однако поразительно, что вместе с тем он выступал и против своей собственной, правда, тогда еще будущей, социально-экономической политики.

Энергично разоблачая советский корпоративный лоббизм на уровне министерств и ведомств, Гайдар не жалел и западные корпорации, с которыми срачивались советские внешнеэкономические структуры, и прямо подчеркивал: «Современные западные корпорации могут приспособлять рынок к своим целям», — за 2,5 года до того, как, придя к власти, стал вместе со своими помощниками пропагандировать этот самый приспособляемый к нуждам корпораций рынок как панацею от всех бед общества.

В 1989 году Гайдар справедливо издевается над теми, кто «на фоне ломки стереотипных представлений о современном капитализме» начинает путать «западные фирмы... с благотворительными обществами», и даже выносит в заголовок статьи предостережение против западных займов! Политкорректно пользуясь примером Мексики, он показывает опасность, в том числе и коррупционную, «бесконтрольного привлечения иностранных займов».

Трудно представить себе, что этот же человек через 2,5 года будет рассматривать привлечение иностранных инвестиций и получение иностранных кредитов в качестве смысла существования государства! Правда, уже российского...

С едкостью, достойной сатирика, Гайдар описывает четыре цикла принятия решений о реализации крупного проекта; похоже, они так хорошо врезались в его память, что были с фотографической точностью воспроизведены при подготовке либерализации цен и далее — при подготовке почти всех либеральных реформ. Особенно показательной в этом отношении стала реформа электроэнергетики, основанная на запугивании грядущим дефицитом электроэнергии на основании абсолютно произвольных и заведомо недостоверных прогнозов.

И наконец, подлинное умиление вызывает апелляция Гайдара к необходимости расширить социальную помощь. Это через 3 года в адрес ее получателей будет сказано бессмертное «они не вписались в рынок», — а тогда их интересы были хорошим аргументом для противодействия реиндустриализации нашей страны.

Статья Гайдара 1989 года не теряет своей актуальности — и не только как описание неизбежных опасностей реализации крупных проектов, которые предстоят нашей стране в случае ее оздоровления, но и как блистательный обвинительный акт в адрес его собственной политики последующих лет. ◆

«Зря денег не дают»

КОММУНИСТ
1989 № 2

В конце двадцатого века даже самая богатая ресурсами страна не может отгородиться от мирового рынка. Бюрократические препоны на пути интеграционных процессов, приступы наивного протекционизма («рисовая независимость», «хлопковая независимость») приводят лишь к деформации структуры внешнеэкономических связей и ослаблению позиции в конкурентной борьбе. Падение цен на важнейшие товары советского экспорта, совпавшее по времени с началом перестройки, ярко высветило и меру зависимости народного хозяйства от конъюнктуры мирового рынка, и уязвимость наших позиций.

Сейчас к сфере внешнеэкономической деятельности приковано пристальное внимание общества. Именно с ней, и не без оснований, многие связывают надежды на приостановку усиливающихся инфляционных процессов, стабилизацию критического положения на потребительском рынке. Вопрос: брать или не брать иностранные кредиты, на что их использовать — стал предметом острой дискуссии, по существу, приобрел политический характер. В его обсуждении обе стороны, как правило, исходят из неявной посылки о рациональности структуры нашей внешней торговли, о том, что серьезно повысить ее эффективность в ближайшее время невозможно и если уж решать вставшие перед страной вопросы на путях увеличения импорта, то за счет внешних займов. В свете информации о неудачах масштабных внешнеэкономических операций, которая стала общедоступной, этот тезис никак нельзя принять за аксиому. Более того, с точки зрения экономического здравого смысла динамику наших закупок в развитых капиталистических странах вообще понять непросто.

Казалось бы естественным предположить, что государство, в котором существует монополия внешней торговли, должно особо заботиться о доходах бюджета. Между тем структура импорта с финансовой точки зрения крайне неэффективна, закупается очень много убыточной или малорентабельной для государства продукции. В условиях быстрого роста бюджетного дефицита резко сократились закупки как раз по наиболее высокодоходным товарным группам.

ГАЙДАР Егор Тимурович (1956—2009) — редактор и заведующий отделом экономической политики журнала «Коммунист» (1987—1990), и. о. Председателя Правительства Российской Федерации (1992), доктор экономических наук.

Можно предположить, что изменение объема импорта определяется остротой дефицита той или иной продукции. Но и эта гипотеза не выдерживает проверки логикой. Трудно поверить, что самым остродефицитным в стране ресурсом является неустановленное импортное оборудование, как и в то, что лекарств у нас — избыток.

Ситуация проясняется, если вспомнить об интересах. Ведь цели западных корпораций и отечественных ведомственных структур могут прекрасно дополнять друг друга. Первым необходимо прибыльно реализовать свою продукцию, для вторых соображения, связанные с ее ценой, реальной экономической эффективностью, играют второстепенную роль. Важно доказать необходимость контракта, получить под него валютные ресурсы.

I

Современные западные корпорации, с которыми приходится вести дело на мировом рынке, мало похожи на частнокапиталистические предприятия середины XIX века, описанные в «Капитале» К. Маркса. Это, как правило, крупные организации, обладающие способностью адаптироваться к изменяющимся требованиям рынка и вместе с тем приспосабливать рынок к своим целям.

То, что корпорации активно формируют спрос, в том числе и спрос зарубежных партнеров, стало после ряда крупных политических скандалов общеизвестным. Корпорация «Локхид», признавшаяся в уплате 106 миллионов долларов только известному посреднику в таких сделках А. Кашоги за помощь в заключении контрактов с богатыми нефтью иностранными государствами, отнюдь не является исключением. Это заставило многие страны искать средства борьбы со злоупотреблениями во внешнеэкономической деятельности, пути защиты национальных интересов. Бытовавшая когда-то твердая уверенность в том, что у нас подобное — по крайней мере в крупных масштабах — невозможно, позволяла следить за перипетиями этой борьбы с чувством снисходительного превосходства. Сейчас, когда мы пытаемся понять, куда же, собственно, ушли огромные валютные поступления тех лет, когда цены на нашу нефть были высокими, почему из периода максимально благоприятной конъюнктуры мы вышли со значительным внешним долгом, становится очевидным, что оснований для такой уверенности не было.

Как и любой крупный рынок сбыта, Советский Союз давно притягивает к себе пристальное внимание западных корпораций. Наряду с масштабами страны для них заманчивы и традиционно низкие требования к эффективности поставляемой техники, и гарантированная богатейшими природными ресурсами платежеспособность. Но особый интерес проявляют фирмы, действующие в кризисных отраслях, где конъюнктура мирового рынка неблагоприятна, где спрос на продукцию падает. Именно там экономические и политические интересы переплетаются особенно тесно, используются любые возможности отстоять позиции, прорваться на новые рынки.

Анализ взаимозависимости развития внешнеэкономических связей СССР с процессами структурной перестройки в мировой экономике позволяет многое понять в динамике наших закупок. Пожалуй, наиболее яркий пример крупной отрасли, испытывающей затяжной (в течение последних пятнадцати лет) кризис, — черная металлургия развитых капиталистических стран. В условиях быстрых структурных изменений в мировой экономике, роста конкуренции других конструкционных материалов трудности действующих в этой сфере корпораций стали хроническими. Колеблущееся под действием конъюнктурных факторов производство проката черных металлов в США и Великобритании сокращается с начала семидесятых годов, в ФРГ, Франции, Японии — с конца семидесятых. Государства, защищая свои компании, ограничивают импортную конкуренцию, стимулируют экспорт, грозят друг другу санкциями.

Советский Союз — давно бесспорный мировой лидер по объему производства проката. Тем не менее дефицит его качественных видов приводил к тому, что импорт проката из развитых капиталистических стран традиционно превышал наш экспорт (в 1970 году соответственно 0,5 и 0,3 миллиона тонн). Характерно изменение положения с началом кризиса в черной металлургии Запада. В то время как объем экспорта остается примерно на прежнем уровне, закупки в развитых капиталистических странах быстро растут: за 1970—1980 годы увеличиваются в 8 раз.

В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов структурные проблемы распространяются и на рынок стальных труб. С 1980-го по 1986 год их производство сокращается в США в 3,3 раза, во Франции — на 26 процентов, в Японии — на 14 процентов. Из крупных капиталистических стран-производителей лишь ФРГ удается сохранить достигнутый объем производства. СССР — ведущий производитель стальных труб в мире. Тем не менее их импорт из развитых капиталистических стран быстро растет, в том числе за счет кредитов, полученных под сделку «газ-трубы». В 1970—1980 годах он увеличивается в 3 раза, а в 1980—1986-м — еще в 2 раза. В 1986 году общий объем закупок труб за рубежом уже заметно превысил их совокупный выпуск в США, Великобритании и Франции. Видимо, страсть наших ведомств к благотворительности настолько велика, что они сразу спешат на помощь попавшим в трудное положение компаниям со своими заказами.

Особый случай — свертывание производства под давлением общественного мнения, по соображениям экологической безопасности. Здесь приходится решать две задачи: кому продавать оборудование и откуда получать необходимую продукцию? Лучший выход — компенсационные сделки. Например, в последнее время внимание привлечено к авариям, связанным с выпуском, хранением и транспортировкой аммиака. То, что это вредное, опасное производство, в развитых странах осознали уже давно. Объем выпуска там колеблется по годам с общей тенденцией к сокращению. В США производство в 1986 году упало по сравнению с 1975-м на 15 процентов, в Японии — на 49, в ФРГ — на 22 процента. Одновременно активизируются усилия, направленные на

перенос предприятий отрасли в развивающиеся страны. Так, объем выпуска в Индии увеличивается в три раза, в Мексике — в два раза. В те же годы наша страна в массовых масштабах закупила соответствующее оборудование, в два раза увеличила объем производства и стала мировым лидером по выпуску синтетического аммиака, в значительных масштабах поставляет его на мировой рынок.

В двух крупных отраслях промышленности, находившихся к началу пятидесятых годов в СССР в зачаточном состоянии, в последующем периоде были обеспечены темпы роста производства, существенно превышающие среднемировые показатели. Это — производство минеральных удобрений и газовая промышленность. В их развитии широкое использование простейших технологий, которые, как известно, хорошо даются нашим ведомствам (земляные, трубоукладочные работы, перемещение породы), сочеталось с масштабными закупками продукции, в сбыте которой на западном рынке возникали сложные проблемы.

II

Структурные изменения — болезненный процесс. С трудностями в загрузке мощностей нередко сталкиваются мощные, солидные компании, имеющие хорошую деловую репутацию. Например, фирма «Мак Дермотт» — крупная международная корпорация, в которой занято более 40 тысяч человек, располагает современной техникой, высококвалифицированными кадрами. Однако начиная с 1986 года в связи с сокращением спроса на оборудование для добычи и переработки нефти и газа финансовое положение фирмы резко ухудшилось, прибыли сменились крупными убытками, портфель заказов перестал пополняться, пришлось реализовать часть принадлежавших фирме ценных бумаг, резко сократить административно-хозяйственные расходы и численность управленческого аппарата. Только найдя новые рынки сбыта, корпорация могла получить кредиты, выйти из кризиса.

По счастливому для корпорации стечению обстоятельств именно в это время наши государственные органы стали проявлять глубокую озабоченность потерями попутного газа. Проблема, в решении которой не удавалось продвинуться в течение десятилетий, вдруг стала настолько безотлагательной, что строительство серии гигантских нефтегазохимических комплексов решили начинать немедленно, не теряя времени на разработку технико-экономического обоснования.

Тот факт, что наше государство столкнулось с тяжелейшим финансовым кризисом, что у него, попросту говоря, нет денег (а чтобы свести концы с концами, откладывается увеличение оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, родового отпуска, срока выплаты пособия на детей в малообеспеченных семьях, норм расходов на питание в детских дошкольных учреждениях, минимального размера пенсий рабочим и служащим), не заставил проанализировать, посилен ли сегодня этот проект народному хозяйству. Строительно-монтажные работы начаты, а выделенные на них средства в 1989 году примерно равны среднегодо-

вой экономии, которую намечено получить в 1989—1990 годах по перечисленным статьям социальных расходов.

Активно ведутся переговоры о закупках импортного оборудования. «Мак Дермотт» (совместно с еще одной мощной компанией — «Комбасчен инжиниринг») подписала с Министерством нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР протокол по развитию двух гигантских комплексов в Западной Сибири (Тобольского и Сургутского). Вопрос о ее участии в создании еще одного комплекса (Новоуренгойского) пока не решен, но компания надежды не теряет. Активно ведутся и переговоры с Миннефтепромом СССР об участии в разработке месторождений нефти на северо-восточном шельфе Сахалина, а также о ее подключении к Тенгизскому проекту. Финансовое положение фирмы уже не кажется безнадежным. Она может уверенно смотреть в будущее.

Мощная двусторонняя поддержка масштабных строек, предусматривающих как осуществление советскими ведомствами земляных, бетонных, трубоукладочных работ, так и крупные поставки капиталистическими корпорациями техники, в реализации которой на мировом рынке возникли серьезные трудности, почти обрекает проекты на реализацию.

Обосновывая целесообразность подобных проектов и связанных с ними закупок, ведомство наряду с тем доводом, что строительство уже предусмотрено предшествующими решениями высших органов управления или необходимо для выполнения этих решений, обычно подчеркивает:

— дефицит соответствующего вида ресурсов. Как правило, это отвечает действительности, так как в условиях хронического расстройства денежного обращения подавляющая часть производственных ресурсов дефицитна, по крайней мере относительно предъявляемого на них платежеспособного спроса. Но если сейчас дефицита нет — не беда, доказывают, что в долгосрочной перспективе он неизбежно появится, если немедленно не принять решительных мер. При сложившихся масштабах отклонений реальных тенденций от запланированных, произвольности гипотез роста потребностей и эффективности использования средств, закладываемых в долгосрочные отраслевые прогнозы, можно при желании доказать предстоящую нехватку чего угодно;

— отставание отрасли от произвольно избранного аналога (капиталовложения в другие быстро растущие отрасли; уровень развития в зарубежных странах; ранее принятые решения) и неисчислимы бедствия, которые обрушатся на страну, если немедленно не выделить дополнительные ресурсы для исправления положения;

— огромную экономическую эффективность проекта. Для ее доказательства также используется стандартный набор приемов. Это завышение ожидаемых результатов, отказ от учета сопутствующих затрат и потерь, выбор абсолютно произвольных альтернатив, с которыми сопоставляется предлагаемое решение, и т. д. Расчеты, как правило, не подтверждаются практикой, что, впрочем, не оказывает никакого влияния на обоснование аналогичных проектов в последующие годы;

— наконец, наличие реальных возможностей начать работы.

Наиболее весомым является именно этот аргумент. Если ведомство заинтересовано в проекте, а корпорация — в поставке, и возможность начать работы реальна, никакие изменения, перечеркивающие аргументацию по трем первым пунктам, не имеют принципиального значения, они лишь заставляют перестроить систему доказательств.

Гораздо более серьезная задача — обеспечение поддержки или по крайней мере нейтрализация противодействия других органов, интересы которых проект затрагивает. Для этого используется перераспределение доли ресурсов в их пользу (передача части валюты, проектных, строительных работ, в которых заинтересована смежная отрасль, расходование ресурсов на территории смежных регионов и т. д.), оказание взаимных услуг (другие отрасли также нуждаются в содействии их проектам).

Содержательные аргументы, связанные с фактической эффективностью использования ресурсов в реализованных проектах, как правило, не обсуждаются, дискуссия переводится в заведомо бессмысленную форму рассуждений о необходимости развития отрасли для народного хозяйства и «кознях» ее врагов.

Очень важно обеспечить максимально возможную закрытость готовящегося решения. Конечно, в условиях гласности предотвратить утечку информации, избежать обсуждения сложнее. В новой ситуации оружием ведомства являются упорство (в отличие от средств массовой информации и общественности ведомство не знает усталости в защите своих интересов) и точное знание законов аппаратной борьбы, возможность выбрать удачный момент и форму, позволяющую переложить ответственность на политическое руководство. Если дискуссия оказалась неизбежной, то и здесь применяются отработанные приемы. Содержательные аргументы, связанные с фактической эффективностью использования ресурсов в реализованных проектах, как правило, не обсуждаются, дискуссия переводится в заведомо бессмысленную форму рассуждений о необходимости развития отрасли для народного хозяйства и «кознях» ее врагов.

После того как решение состоялось, в дальнейшем развитии событий условно можно выделить четыре этапа.

Этап первый. Накануне широкомасштабного начала работ и подписания контрактов с иностранными фирмами (в начале текущего года в этой фазе находились проекты сибирских нефтегазохимических комплексов, на создание которых, по официальным данным, потребуется

41 миллиард рублей). Решение принято, детальной технико-экономической проработки еще нет, тон в полемике — агрессивно-оптимистический. Любые сомнения в целесообразности осуществления проекта рассматриваются как вызов и потрясение основ.

Этап второй. Работы начаты, выявились серьезные проблемы. В качестве примера проекта, находящегося на этом этапе, можно назвать газохимический комплекс «Тенгизполимер» (оценка капитала, необходимого для его создания, на начало 1989 года — 7,2 миллиарда долларов).

Журнал обращал внимание на то, что эта стройка, выгодность которой иностранным корпорациям и ведомствам очевидна, а стране — отнюдь нет, начата без технико-экономического обоснования, которое должно было поступить на экспертизу лишь в конце 1988 года («Коммунист», 1988, № 8). На деле к намеченному сроку был готов только проект его предварительного варианта. Документ в рабочем порядке был направлен на рассмотрение совместной фирме «Внешнеконсульт». Приведем несколько фрагментов из ее заключения: «Можно с уверенностью предположить, что ни прибыли, ни готовой продукции советский участник не получит... В дополнение к капиталовложениям на создание производства советская сторона в одностороннем порядке вынуждена будет финансировать создание инфраструктуры, транспортной сети, соцкультбыт... С учетом того, что, помимо совместного предприятия “Тенгизполимер”, в СССР создается еще целый ряд предприятий, продукция которых будет в больших количествах продаваться на зарубежных рынках (сера, полиэтилен, полипропилен, метанол), можно с уверенностью предполагать, что выход на мировой рынок с этой продукцией в массовом количестве неизбежно повлечет падение цен на 30—40 процентов, что практически нанесет непоправимый ущерб рентабельности проекта, поскольку в ТЭО отсутствует анализ чувствительности проекта к изменению цен на готовую продукцию... Если же попытаться спрогнозировать развитие ситуации с учетом появления на рынке дополнительного количества продукции из СССР, то размер убытков может превысить 5—6 миллиардов долларов... Принятие решения по проекту “Тенгизполимер” без наличия полномасштабного ТЭО... может привести к непредсказуемым последствиям для экономики страны».

Оптимизм защитников проекта уже более сдержанный, тон спокойнее, примерно такой: да, предварительный вариант ТЭО неудачен, но, пока идет стройка, подготовим другой, гораздо лучший. Не останавливать же начатые работы.

Этап третий. Произведены крупные закупки импортного оборудования, оно поступило на строительную площадку, страна связана финансовыми обязательствами, строительство в разгаре, обратного пути нет. Яркий пример — Астраханский газовый комплекс.

Представление о сложившейся там обстановке дает письмо, направленное советским партнерам канадской фирмой «Лавалин»: «...работа выполняется очень быстрыми темпами с применением дешевых технологий без должного контроля за качеством. В результате получились сварные швы, качество которых является неприемлемым в условиях

промысла по добыче сероводорода... Проанализировав создавшуюся ситуацию, администрация «Лавалин» решила, что мы не можем дальше продолжать работу на промысле при этих условиях... Мы имеем совершенно четкое убеждение, что природа сложившейся обстановки настолько тревожна, что необходимо предпринять безотлагательные меры. Компромиссные решения не могут быть приемлемыми в том случае, когда вопрос касается жизни людей, как ваших, так и наших. Мы не можем больше быть задействованными в развитии проекта, который может с большой долей вероятности завершиться аварией, смертью людей, а также мы не можем ни в коем случае гарантировать безопасную эксплуатацию никакого оборудования или установки, смонтированной при сложившихся условиях».

В Канаде, где базируется фирма «Лавалин», сосредоточены большие запасы высокосернистого газа с характеристиками, близкими к Астраханскому месторождению. Там их разработка сдерживается опасением непредсказуемых экологических последствий и неподъемно высокими затратами на обеспечение гарантированной сохранности окружающей среды. Нас эти соображения не остановили.

Этап четвертый. Провал проекта очевиден, сроки сорваны, обещанных прибылей не получено. Теперь лучше всего, если о нем никто не вспоминает. Ведь впереди столько новых, масштабных строек. К тому же виноватых искать поздно, да и ни к чему.

Рассмотрим в качестве поучительного примера историю одной из сделок, обслуживавших перенос в нашу страну производства аммиака: строительство Тольяттинского азотного завода (стоимость по проекту — 862 миллиона рублей).

Работы начались в 1974 году. Перспективы тогда открывались широкие. Предусматривалось создание на основе компенсационных соглашений и контрактов с фирмами США, Франции, Италии крупнейшего в мире предприятия по производству аммиака (мощность 2,7 миллиона тонн в год). Товарная продукция завода в основном предназначалась для поставок за рубеж. Годовая прибыль должна была составить 147,7 миллиона рублей в год, а капиталовложения — окупиться за 5,3 года.

Поставщиком основного технологического оборудования стала фирма «Кемико», известная тем, что она в это время не смогла выполнить контракт на строительство завода в Алжире, понесла крупные убытки и оказалась на грани финансового краха.

Тот факт, что сроки строительства в СССР намного превышают нормативные, общеизвестен, тайной он, похоже, является лишь для органов, принимающих решения о крупномасштабных закупках импортного оборудования. Но зато такие решения открывают широкие возможности для сбыта нам низкокачественной техники. Так и произошло в Тольятти. Пуск первого агрегата намечался на четвертый квартал 1977 года. В марте 1979 года истекли сроки предоставленной фирмой гарантии. Фактически агрегат был введен в действие 29 ноября 1979 года. Неожиданностей не произошло и позже. Аналогичная история, только с другими сроками, повторилась и со вторым агрегатом, и с последующими.

Затем выявились существенные конструктивные недостатки и дефекты импортного оборудования. Оказалось, что системы парового обогрева, датчики, воздушные конденсаторы неработоспособны в климатических условиях города Тольятти (кто же знал, что там бывает температура ниже -8°), что нестабильная работа установок по производству аммиака серьезно осложняет выпуск на его базе карбамида. Что вместо подсчитанных с такой убедительной точностью прибылей (147,7 миллиона рублей в год) завод за четыре первых года деятельности принес 170 миллионов рублей убытков. Но все это случилось, когда истекли гарантийные сроки, и фирма была свободна от каких бы то ни было обязательств по обеспечению нормальной работы агрегатов.

Приведем несколько примеров стилистики официальных документов периода подведения итогов провалившегося проекта, когда на смену картинам безоблачных перспектив приходят поиски объективных причин неудачи и взаимное перекладывание ответственности:

«Низкая квалификация технического персонала завода в период пуска и освоения отдельных видов оборудования... приводила к частым остановкам, что не позволяло выйти на устойчивый режим работы агрегатов аммиака... Выявленные в процессе монтажа и отладки отдельные недостатки оборудования не оказывали существенного влияния на достижение устойчивой работы агрегатов».

(Из письма Минвнешторга СССР)

«Сложившееся положение объясняется не только низким уровнем технологической дисциплины и эксплуатации оборудования, но и дефектами закупленных машин и агрегатов, а также недостаточным обеспечением производства запчастями и ремонтным обслуживанием. В письме Минвнешторга вопрос о недостатках закупленного оборудования не акцентируется, об уменьшенной производительности турбокомпрессоров даже не упоминается».

(Из документа Госстроя СССР)

«Это был первый опыт возведения четырех агрегатов аммиака одновременно на одной площадке, не имеющий прецедента в мировой практике... Работа агрегатов аммиака фирмы “Кемико” находится на постоянном контроле со стороны министерства... Несмотря на оказание помощи и внедрение целого ряда технических мероприятий, агрегаты на мощность 450 тыс. тонн в год не вышли... Исходя из этого, Госпланом СССР, Госстроем СССР и Минудобрений мощность каждого агрегата аммиака была скорректирована...»

(Из письма Министерства по производству минеральных удобрений СССР)

Обратим внимание на то, сколько спокойного достоинства в тоне последнего письма, где подводятся итоги провала. Чувствуется готовность министерства приступить к реализации других, беспрецедентных в мировой практике проектов.

Теперь свой вклад в дальнейшее наращивание выпуска аммиака должны внести сибирские нефтегазохимические комплексы. Министерство по производству минеральных удобрений является заказчиком одного из них, расположенного в поселке Уват.

III

Фирма вынуждена заботиться о своей деловой репутации — это важнейший компонент ее капитала. Даже если доверчивость или некомпетентность партнера позволят навязать ему явно невыгодную сделку, мысль о том, как это скажется на престиже корпорации, на отношениях с другими клиентами, нередко встает на пути извлечения максимальных краткосрочных выгод. Опыт же взаимодействия с некоторыми нашими ведомствами убеждает в том, что о таких мелочах здесь можно не вспоминать. В откровенных разговорах западные предприниматели иногда признаются, что вопрос о том, будет ли поставленное в СССР оборудование работать, их не беспокоит. Известно: даже если не будет, советские контрагенты заблудятся в лабиринте межведомственных противоречий и почти никогда не предъявят претензий.

В Советском Союзе базирующуюся в ФРГ фирму «Денсо» знают. Поставленная ею изоляционная лента для трубопроводов оказалась настолько некачественной, что контракт пришлось расторгнуть. В мировой практике этого вполне достаточно, чтобы прервать отношения с утратившей престиж компанией. В данном случае события развивались иначе. Начинается строительство завода по производству изоляционной ленты в Новокуйбышевске (сметная стоимость 178,3 миллиона рублей). Комплектное импортное оборудование фирмы «Берсторфф» (ФРГ), изготовленное по технологии фирмы «Денсо», уже поступило на строительную площадку. Недостатка в неустановленном импортном оборудовании в Куйбышевской области и раньше не наблюдалось. Но в 1988 году по темпам роста запасов область вышла на одно из первых мест в стране, они увеличились в 2,5 раза.

Отечественные предприятия имеют давнюю традицию сотрудничества с фирмой «Лурги» (ФРГ). Например, богатую коллекцию неустановленной импортной техники, собранную на складах саратовского объединения «Нитрон», украшает долгое годы хранящееся здесь оборудование для выпуска метилового эфира ацетоуксусной кислоты, поставленное фирмой «Лурги» (стоимость 15,4 миллиона рублей). С 1984 года лежит в Волгограде на складах производственного объединения «Каустик» поставленное ею же оборудование для выпуска высокотоксичного препарата «базудин» (стоимость 81,9 миллиона рублей). Стоит ли удивляться, что, когда разворачивается работа над Тенгизским проектом, в числе ведущих поставщиков импортного оборудования оказывается эта фирма.

Характерно изменение тона зарубежных партнеров на разных этапах реализации масштабных проектов. Стиль, принятый до того, как мы обязались закупить оборудование, заставляет вспоминать лису Алису,

убеждающую Буратино зарыть золотой на Поле Чудес в Стране Дураков. Экономическая аргументация нередко на том же доступном уровне. Чтобы понять, а что же, собственно, нам предлагают, нужен серьезный анализ, — но разве до него, когда голос, убеждающий как можно быстрее заключить контракт, звучит так зазывно: «Мировой спрос на высокомолекулярный полиэтилен в настоящее время равен 9—10 миллионам тонн в год, и он растет более чем на 5 процентов в год. Спрос уже превосходит оценочные производственные мощности, и ожидается недостаток мощностей примерно в 500 000 тонн к 1992 году... Это потребует строительства нескольких производственных предприятий мирового масштаба... Важно, чтобы Уренгойский проект был запущен как можно скорее, для того чтобы использовать преимущества благоприятных условий рынка сбыта». Сразу ясно — надо немедленно начинать стройку.

А потом, годы спустя, можно ведь и не вспоминать, что советские специалисты по конъюнктуре предупреждали о вероятном избытке предложения над спросом на этом рынке в 1991—1992 годах, о том, что загрузка мощностей, по всей видимости, упадет с 95 процентов в 1988-м до 80 процентов в 1992—1993 годах, а выход в этой ситуации СССР на рынок в качестве крупного экспортера вызовет снижение цен.

На данном этапе советских участников переговоров убеждают, насколько лучше финансировать строительство так, чтобы переложить всю ответственность за успех проекта только на Советский Союз (фирма «Мак Дермотт» о Новоуренгойском нефтегазохимическом комплексе), насколько естественно и логично, если западные партнеры, получив назад с процентами свои деньги, останутся совладельцами совместного предприятия, а его возможные убытки будут компенсироваться поставками сырья из нашей страны (консорциум иностранных фирм о проекте уставных документов по «Тенгизполимеру») и т. д.

После того как финансовые обязательства подписаны, выяснилось, что дела идут отнюдь не столь блестяще, — и стиль корреспонденции западных контрагентов радикально меняется. Тут уже нам напоминают и о сорванных сроках, и о некачественном выполнении строительных работ, и о несвоевременном прибытии наших специалистов за рубежом, и об их некомпетентности, и вообще о том, что нам никто ничего не должен.

Вот фрагмент из письма корпорации «Томсон» советским партнерам, характерный для этого этапа реализации контракта: «Имеем честь направить вам в приложении карточку с детальным описанием дополнительных затрат, которые произошли из-за позиции советской стороны... Эти дополнительные затраты вызваны неподготовленностью объектов... что потребовало от фирмы «Томсон» дополнительной работы по моделированию регионов во Франции, так как это было невозможно сделать на объектах. С другой стороны, несвоевременное прибытие советских бригад во Францию на приемку... отсутствие обучения у некоторых привело также к значительной задержке приемки математического обеспечения... Мы просим вас принять необходимые меры для возмещения

этих дополнительных затрат в размере 101,5 миллиона французских франков в возможно короткие сроки».

Речь идет о сооружаемой компанией с 1981 года системе управления газопроводом Уренгой—Ужгород. Она должна была вступить в строй в 1985 году. До сих пор не работает. Более 100 миллионов инвалютных рублей уже уплачено. Как видно, нам не только не собираются возвращать эти деньги, но объясняют, что мы должны за нее еще приплатить «в возможно короткие сроки».

IV

Весомый фактор, затрудняющий защиту интересов страны во внешнеэкономической деятельности, — традиционно покрывающая ее завеса таинственности. Даже сейчас, когда ограничение информации не в чести, применительно к крупным контрактам оно оправдывается необходимостью соблюдения коммерческой тайны. Это не ординарная ситуация даже для развивающихся стран.

Вот что пишет в связи с этим в редакцию журнала кандидат экономических наук И. Г. Писарец, долгие годы проработавший торгпредом СССР за рубежом:

«В мировой практике принято, что никакое строительство, особенно крупномасштабное, не может быть разрешено властями страны до разработки технико-экономического обоснования. Так, например, когда в Бразилии начали думать о строительстве крупнейшей ГЭС на реке Парана, государственная организация по электрификации приступила к тщательному изучению проблемы. Через несколько лет были подготовлены альтернативные варианты, а затем окончательное ТЭО. Все это освещала пресса. В мире также принято, что после получения разрешения властей на строительство объекта, которое выдается после изучения ТЭО и других документов, организация объявляет торги на будущие работы или покупаемое оборудование, в которых могут участвовать заинтересованные отечественные и иностранные претенденты. Объявление торгов производится через газеты. У нас же при заключении соглашения по Сибирскому проекту министерства вместо объявления торгов на базе технико-экономического обоснования, сбора предложений, их рассмотрения и проведения переговоров отдали бразды правления в руки иностранных корпораций. Немыслимо, чтобы подобный образ действий позволил себе орган любого капиталистического государства. Ведь власти тут же заподозрили бы неладное и назначили бы расследование».

Конечно, и предварительная разработка ТЭО, и его широкое обсуждение, и публичные торги не гарантируют от злоупотреблений. Почтителен опыт Латинской Америки. Когда в Мексике в период бурного повышения цен на энергоносители были открыты новые крупные месторождения нефти, говорили об историческом шансе, которым страна может и должна воспользоваться. После того как хлынувший поток нефтяных доходов стал мелеть, выяснилось, что бесконтрольное привлечение

иностранных займов, неэффективное использование средств поставили страну в тяжелейшее положение. Внешний долг превысил сто миллиардов долларов. Там распространение коррупции в государственной нефтяной промышленности было осознано как политическая проблема, а борьба с ней выдвигается сейчас на передний план в деятельности нового правительства Мексики. У нас же, на фоне ломки стереотипных представлений о современном капитализме, западные фирмы, кажется, начинают путать с благотворительными обществами.

Обсуждается принципиальный вопрос экономической политики страны. В поддержку вызывающей серьезные сомнения сделки в центральной газете выступает областной партийный руководитель. Его экономические аргументы просты. Сроки окупаемости определяются не только советской стороной, но и зарубежными участниками совместного предприятия. На Западе, не рассчитывая получить прибыль, кредитов не дают. Ну что возразить на это? Можно, конечно, напомнить, что западные банки соглашаются предоставить кредиты только под гарантию Внешэкономбанка. И если проект не принесет обещанных прибылей, то это ударит по интересам нашей страны, но никак не скажется на их прибылях. Но надо ли объяснять, что, когда заключаешь сделку, лучше самому проверить расчеты окупаемости своих затрат, а не передоверять это партнеру?

Сложившаяся структура внешнеэкономических связей обслуживает расширенное воспроизводство архаичной, ресурсоемкой структуры народного хозяйства, обрекающее страну на отсталость. Если не сойдем с этого пути, то и богатые ресурсы не помогут.

Вспомним, как попытки возможно быстрее, любой ценой использовать нефтяные ресурсы Западной Сибири потребовали массовых закупок оборудования, труб, привели к форсированной эксплуатации месторождений. Сейчас, когда явно обозначилась угроза падения добычи и приостановить ее удастся, лишь постоянно наращивая поток направляемых в отрасль ресурсов, оказываются ненужными огромные сети нефтепроводов, ведущих к истощающимся месторождениям. Встает вопрос: что делать с преждевременно одряхлевшими городами? И вот уже готова потянуться новая цепочка масштабных закупок. Та же история, похоже, повторяется с запасами газа. Трудностями, с которыми сталкиваются нефтяники, обосновывают необходимость форсажа и в этой отрасли. Зарубежные аналитики прогнозируют в первой половине девяностых годов резкий рост экспорта советского газа на рынок Западной Европы и, соответственно, снижение цен на него.

Страна, где нет нормально функционирующего внутреннего рынка, не может эффективно интегрироваться в мировой. Наш собственный опыт доказывает это со всей очевидностью. Без успеха экономической реформы закупки даже самого высокопроизводительного импортного оборудования внешнеэкономическое положение не поправят.

Главное препятствие на пути углубления реформы — усиливающиеся инфляционные процессы. В подобной ситуации наиболее эффективным является такое использование валютных ресурсов, которое

приносит наибольшие доходы бюджету, создает в сочетании с другими антиинфляционными мерами предпосылки развития рыночного регулирования. Хотя это и непросто понять технократу, но сегодня импорт бытовой электроники или одежды куда больше работает на решение стратегических задач народного хозяйства, чем закупки труб или минеральных удобрений.

Надо как можно скорее избавляться от наивной веры, что зарубежные партнеры, заботясь о своей выгоде, не забудут и про нашу, освободят от необходимости самим думать, самим принимать оптимальные решения. Ведь в любом случае отвечать за них приходится уровнем народного благосостояния. Именно поэтому народ имеет право получить ответ на простые вопросы: как были промотаны нефтяные деньги? Кто готовил обоснования, сулил золотые горы, пробивал решения по проектам, реализованным в этот период? Все ли в порядке с нашим зерновым импортом? Кто ответствен за комплекс сделок, связанных с контрактом «газ—трубы»? За убытки Астраханского комплекса и сложившуюся там экологическую обстановку? За потери от несвоевременного ввода комплектного импортного оборудования, составившие в 1988 году только по расположенным в РСФСР предприятиям Минудобрений СССР 902 миллиона рублей, Минхимпрома СССР — 413 миллионов, Мингазпрома СССР — 446 миллионов? За валяющееся по всей стране неустановленное импортное оборудование, учтенные запасы которого к началу 1989 года достигли 4,6 миллиарда рублей?

Мировая практика знает механизм выявления политической ответственности — парламентские расследования. По-видимому, вновь избранным высшим органам государственной власти стоит учесть этот опыт. Растраченные деньги не вернешь. Но важнее другое — разорвать порочный круг безответственности, позволивший, провалив одно дело, с удвоенным упорством браться за новое, более масштабное.

Пульс времени

В Санкт-Петербурге вышла в свет книга публициста Александра Щипкова. Автор — главный редактор интернет-журнала *Religare*, директор Московского центра социальных исследований. Он известен также как составитель и автор публицистического сборника статей о справедливости традиций «Перелом» и многочисленных публикаций по вопросам взаимоотношения церкви и общества, христианской демократии и социальной справедливости.

В своей новой работе А. Щипков рассматривает опасные процессы политической деградации общественной жизни, анализирует новые угрозы и вызовы гуманистическим ценностям человеческой цивилизации. В их числе — активизация террористических фундаменталистских движений на Ближнем Востоке, проявления неонацизма и неофашизма, моральный террор «актуального искусства», разрушение традиционных нравственных ценностей. Большое место в книге уделено также трагическим событиям на Украине, исследованию феномена украинского радикального национализма.

В центре внимания автора — идеология неолиберализма, ее сползание к самым реакционным и опасным тенденциям. В первой главе, озаглавленной «Смысловая эволюция современного неолиберализма», говорится

Щипков А. Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики. СПб.: Алетейя, 2015. 88 с.

РОМАНОВ Борис Савельевич — политический аналитик интернет-журнала «Социалист» (Вестник института «Справедливый мир»).

Ключевые слова: правые, неолиберализм, национализм, неонацизм, традиционализм, фашизм, диктатура, тоталитаризм, капитализм, коммунизм.

о разрушении моральных критериев в мировой политике. Ответственность за это Щипков возлагает на неolibералов. «У современных либералов, — пишет он, — нет иной морали, кроме самой архаичной античной идеи противостояния “цивилизации и варварства”» (С. 6). И связано это с обращением западных элит к новым формам колониализма, которые были абсолютно невозможны в период соперничества двух социальных систем во второй половине прошлого века. До XX века идеология европейского колониализма находила выражение в категориях типа «бремени белого человека» и «необходимости цивилизовать дикарей». «Этот лексикон устарел именно тогда, когда набирал силу марксизм, — отмечает Щипков. — Под влиянием марксизма такие явления, как мировая зависимость и мировое неравенство, были впервые описаны на языке политэкономии» (С. 7). Сегодня, однако, с окончанием «холодной войны», с ее противостоянием идеологий и социально-политических систем, либеральный мейнстрим вновь возвращается к доктрине открытого колониализма.

Обращаясь к анализу причин роста влияния крайне правых, неофашистских и неонацистских движений в современной Европе, Щипков подвергает резкой критике разделяемый многими западными политологами миф, будто фашизм являлся всего лишь ответной реакцией на коммунизм. «С исторической точки зрения фашизм отнюдь не является реакцией на коммунизм, вытекает из условий и политико-экономических факторов либерального капитализма» (С. 22). Автор убедительно доказывает, что наиболее точное определение классовой сущности фашизма было дано в 1930-е годы лидером болгарских коммунистов Георгием Димитровым: «Фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» (*Там же*). Главное в этом определении, по мнению автора, состоит в установлении прямой связи между фашизмом как идеологией и властью финансового капитала: «Из этой связки следует, что фашизм есть продолжение ультраправой неолиберальной идеологии — идеологии крупного капитала. В связи с этим становится понятно, почему левые социал-демократы и коммунисты всегда подчеркивали связь между фашизмом и капитализмом, а либеральная теория “тоталитаризма” эту связь принципиально отрицала» (С. 23).

В главе «Бинарная теория тоталитаризма: пределы применимости» А. Щипков характеризует эту концепцию как устаревший в своих основных положениях реликт «холодной войны»: «Возникает естественный вопрос. Зачем, имея в своем распоряжении понятия “коммунизм” и “фашизм” (причем любое из них может быть предметом моральных оценок), вводить третье понятие, занимающее метапозицию по отношению к первым двум и нивелирующее их видовые признаки? Вероятно, затем, чтобы уйти от исторической конкретики» (С. 31). Тем не менее, отмечает автор, «в России морально устаревшая и в значительной мере паранаучная теория двух тоталитаризмов до сих пор имеет приверженцев в среде либеральной интеллигенции» (С. 34).

Анализируя многочисленные идеологические проявления неонацизма, русофобии и прямые преступления современных украинских неофашистов-бандеровцев, А. Щипков выявляет причины сближения респек-

табельных представителей западной демократии и крайне правых сил на Украине. Он высказывает мнение, что союз неолибералов и крайне правых радикалов — это не случайность и не временная тактическая уловка, а закономерность, вытекающая из их все возрастающей идеологической общности. В основе этого парадоксального на первый взгляд симбиоза лежит апология идей социального, национального, культурного и цивилизационного неравенства. На современной Украине можно наблюдать, как под проевропейскими и националистическими лозунгами и одновременно при поддержке западных демократий целенаправленно разрушаются реальные демократические институты, подрываются межнациональное согласие и основы государственности. В связи с этим на память приходит пример Чили времен Пиночета, где для реализации праволиберального экономического курса при прямой поддержке США была установлена военная диктатура фашистского типа.

В то же время вряд ли в полной мере можно согласиться с мнением автора, что «в России, в отличие от США, либерализм не вытекает, а идет вразрез с национальной традицией» (С. 69). Как известно, истина всегда конкретна. В современной России речь скорее следует вести о реакционной роли компрадорского либерализма и таких его политических представителей, как действовавшие в прошлом партии Союз правых сил и «Правое дело». Обе они закономерно утратили поддержку избирателей, завоевать которую не удастся и их продолжателям и идейным наследникам из партии РПР — ПАРНАС. Что же касается исторической традиции отечественного либерализма, то следует заметить, что возникший в царской России Союз освобождения, а затем либеральная партия кадетов (конституционных демократов) в период первой русской революции 1905 года, вполне соответствовали по своим программным установкам национальным задачам, стоявшим в тот период перед страной.

Строго говоря, либерализм в эпоху буржуазных революций (а в России произошла одна из самых запоздалых буржуазных революций в Европе) безусловно играл прогрессивную роль. Со времен Великой французской революции с ее лозунгами «Свободы», «Равенства» и «Братства» либерализм выступал как идея формального равенства всех граждан — в противовес феодальному консерватизму, отстаивавшему привилегии аристократии и монархический абсолютизм. Социалистическое движение добавило к либеральным ценностям юридического равенства людей еще и идею борьбы за социальное равенство и права угнетаемого пролетариата.

Не случайно в годы Второй мировой войны именно союз западных либеральных демократий и советского патриотического коммунизма активно защищал общечеловеческие ценности и основы цивилизации от расовой теории германского национал-социализма с его идеологией арийского превосходства, разделения людей на высшие и низшие расы. В то же время политические силы как крайне правого, так и крайне левого толка в разные исторические периоды, особенно в 1920—1930-е годы, используя антилиберальную риторику, выступали против принципов демократии вообще. Не следует забывать, что в ЕС до сих пор ведущую роль играет Европейская народная партия, объединяющая консервативные и христианско-демократические партии, в социально-экономической по-

литике тяготеющие к неолиберальным подходам. При этом большую роль в захвате власти на Украине и установлении там правоконсервативного националистического режима сыграл, как известно, германский Фонд Конрада Аденауэра, тесно связанный с правящей ХДС/ХСС.

Обращаясь к разбору традиционных ценностей в главе «Борьба за традицию: новая форма политической легитимизации», А. Щипков показывает, что защита их может носить как справедливый, так и глубоко реакционный характер. «Фактически правый и левый традиционализм исключают друг друга». Первый, по его словам, стремится к «неоязычеству — “новому Средневековью” без христианства», а второй ставит целью восстановить в правах «христианский этический слой европейской традиции» (С. 53). В книге критикуются концепции консервативного философа А. Дугина и его интерпретация комплекса идей отечественного традиционализма, а также архаичные взгляды правых консерваторов, выступающих под лозунгами реставрации дореволюционной монархии.

Щипков поднимает актуальный вопрос о возможности синтеза социалистической идеи и традиционализма, сближения социалистов и сторонников традиционных ценностей. Будучи приверженцем идей левого традиционализма, автор закономерно обращается к наследию русских славянофилов, народников и эсеров, христианских социалистов. «Для приверженцев традиционных ценностей путь только один — влево» (С. 69), подчеркивает А. Щипков, выступая как поборник социалистических, христианских и гуманистических ценностей человеческой цивилизации. Он напоминает, что крупный русский философ первой половины XX столетия Н. Бердяев считал христианские идеалы совпадающими лишь с системой «персоналистического социализма», «соединяющего принцип личности, как верховной ценности, с принципом братской общности людей»¹. «Традиция, — полагает Щипков, — неоценимый капитал истории. Это механизм поддержания моральных норм и накопления коллективного опыта, культурных и социальных достижений» (С. 48).

Идеологию КПРФ, которую некоторые современные исследователи определяют как левый консерватизм или традиционализм, Щипков оценивает критически и видит в ней лишь неосуществимое желание реанимировать «советский проект» (см. С. 71). С подобной точкой зрения также можно поспорить, поскольку КПРФ, несмотря на очевидную архаичность ряда ее идеологических постулатов, уже состоялась как системная левая партия, имеющая устойчивый электорат и социальную базу.

В заключении А. Щипков делает основной по значению вывод, согласно которому, для того «чтобы выйти из кризиса, мировой системе придется перестраиваться, менять идеологическую компоненту. Но сделать это в рамках “классического либерализма” уже невозможно» (С. 74). Автор замечает, что «на примере Украины мы видим, как местные нацистские традиции становятся послушным орудием в руках глобальных мировых игроков» (С. 52). Поэтому возникает реальная угроза перехода магнатов транснационального капитала, которых он называет «диспетчерами системы», к антидемократическим и репрессивным формам правления. И с этим предупреждением трудно не согласиться. ◆

¹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., Наука, 1990. С. 152

Консервативная революция

Мих. Лифшиц на уроках Гегеля

История — великая поэтесса, пишущая свои трагикомедии железом и кровью.

Мих. Лифшиц

Как многие диалектические натуры, Лифшиц любил парадоксальные формулировки. Дабы сделать «наш материализм вполне современным», он предлагал взять урок у давно усопших идеалистов — Платона и Гегеля. Давайте посмотрим, чему же именно материалист Лифшиц хотел научиться в школе абсолютного идеализма.

Главная тема урока истории — революция. И самого себя, и Гегеля Лифшиц называл «сынами революции». Для него, как и для Гегеля, революция стала тем «первопереживанием» (Urerlebnis), с которым каждая личность входит в сознательную жизнь. Вся остальная жизнь, весь жизненный уклад — это лишь оболочка, ряд наслоений, скрывающих «первоначальное ядро». Такое представление о формировании личности Лифшиц вычитал у «представителей школы Дильтея» — вероятно, не без наводки со стороны выпускника этой школы Георга Лукача.

Лифшиц «материализует» дильтеевский взгляд, толкуя личностное ядро как «функцию или рупор определенной ситуации, определенных обстоятельств»¹. Под этими словами наверняка мог бы подписаться Гельвеций, но едва ли — Маркс, учитывая его знаменитую поправку к созерцательно-материалистическому взгляду на человека («обстоятельства изменяются людьми»)². Не обстоятельства как таковые, но изменяющая их *практика, общественный труд* создает «ансамбль общественных отношений» — личность. Марксист Лифшиц наотрез отказывается ставить «деятельную сторону» (die tätige Seite) во главу угла и принимать

МАЙДАНСКИЙ Андрей Дмитриевич — профессор Белгородского государственного университета, доктор философских наук.

Ключевые слова: М. А. Лифшиц, Гегель, революция, патос, термидорианство, резиныция, идеальное, советская философия, марксизм.

¹ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. М.: Искусство-XXI век, 2012. С. 19—20.

² См. Маркс К. Тезисы о Фейербахе (текст 1845 года) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 42. С. 262.

«праксис» за субстанцию и субъект человеческого бытия, а тем более — за первооснову идеального, как «истины бытия» вообще.

Отсюда проистекает и кардинальное отличие в прочтении Гегеля Лифшицем и Марксом. На уроках Гегеля Маркс учился «схватывать *труд* как *сущность*, как удостоверяющую себя сущность человека»³. Лифшиц же хочет научиться у Гегеля совсем другому — отыскивать идеальное где угодно, повсюду в мире, независимо от человека, человеческого труда и от «деятельной стороны» вообще. Даже при исследовании истории общества понятию труда отводится у Лифшица второстепенная роль. Он предпочитает «материализовать» Гегеля на манер Белинского, передавая властные полномочия Мирового духа — «патосу», за которым стоит объективная сила исторической ситуации, некой мозаики жизненных «обстоятельств».

«Когда наш замечательный критик XIX века Белинский искал пути к материализму от своего первоначального гегельянства, он заменил понятие “идея” понятием “патос”. Эта категория на более старомодном языке представляет собой именно то, что хотели выразить исследователи дильтеевского направления своей формулой “первичное переживание”»⁴. «Под именем патоса Белинский имел в виду нечто реальное, некую сильно действующую на чувственную организацию художника объективную силу, вдохновляющую его»⁵.

Вот и на революцию Лифшиц смотрит «патетическим» взором художника и философа, а отнюдь не «практическим» глазом экономиста. Неудивительно поэтому, что Великая Октябрьская революция у него так тесно сближается с Великой французской. Сходные «обстоятельства» и общий революционный «патос» оттесняют на второй план формационные различия двух революций. В обычном марксистском представлении они различны по своей общественно-экономической природе, так сказать, классово противоположны: французская революция была буржуазной, а русская — пролетарской. Лифшиц же подчеркивает и прослеживает их *сюжетно-драматическое подобие*. Этим для него обусловлена и современность Гегеля: «Между тем периодом, когда жил и мыслил Гегель, и современностью есть известное сходство. Как и тогда, почва, на которой воздвигнуто здание собственности и порядка, колеблется от подземных толчков»⁶.

Разумеется, Лифшиц не забывает о разнице: если Гегель был очевидцем революционного утверждения буржуазного миропорядка, то теперь мы видим революционный кризис капитализма, его предсмертную судорогу. Современными гегельянами движет стремление спасти его от крушения, сплотив все силы буржуазного общества для противостояния

³ «Er <Hegel> erfasst die Arbeit als das Wesen, als das sich bewährende Wesen des Menschen» (Marx K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844 // Marx K., Engels F. Werke. Ergänzungsband, Erster Teil. Berlin: Dietz Verlag, 1990. S. 574).

⁴ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 69.

⁵ Лифшиц М. А. Очерки русской культуры (Из неизданного). М.: Наследие : Фабула, 1995. С. 113.

⁶ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 67.

бродячему призраку коммунизма: «Вместе с английскими экономистами, которых он изучал на пороге XIX столетия, Гегель признает развитие капитализма неизбежным и в то же время без малейшего прикрашивания изображает противоречие между богатством и бедностью, неукротимую анархию производства и все отрицательные черты цивилизации. <...> Напротив, современные гегельянцы — настоящие апологеты буржуазного миропорядка, противники нового, более высокого общественного строя. Их сходство с Гегелем есть сходство начала и конца»⁷.

В Советской России дела с пониманием гегелевской философии обстояли еще плачевнее: «от нее осталась только некая схема логических категорий»⁸. Криминальная повесть о том, как система Гегеля «душит метод» (при этом несчастная диалектика еще и «стоит на голове») входила в обязательную программу любого марксистского учебника философии. А термин «идеализм» сделался позорным клеймом и излюбленным ругательством в устах «красной профессуры». На философском Олимпе верховодил ученик Плеханова А. М. Деборин, инициировавший издание собрания сочинений Гегеля. В редакционном вступлении к первому тому дана суровая партийная оценка гегелевскому Предисловию ко второму изданию «Малой логики»: «...оно имеет очень отдаленное отношение к логике и носит по существу чисто богословский характер»⁹. Вследствие чего редакция передвинула неблагонадежное Предисловие в самый конец тома. А главный советский читатель Гегеля Ленин и вовсе «выкидывал боженку».

Внимание Лифшица в сочинениях Гегеля приковывали совсем иные вещи, прежде всего — «историческая диалектика». Никто больше ею в те годы у нас не интересовался (да и на Западе она только начала входить в моду: в Париже приступал к чтению лекций о Гегеле и «конце истории» Александр Кожев). Деборина Лифшиц характеризовал как «человека безвкусного и лишенного всякой оригинальности», а созданный им и его учениками диамат — как «род катедер-марксизма»: «Гегель в освещении Деборина и его школы был малоинтересным, абстрактно мыслящим школьным философом. <...> Наш интерес к Гегелю носил совершенно другой характер. Для нас в учении немецкого мыслителя важно было его реальное содержание и глубоко трагическое отношение к событиям Французской революции и послереволюционной эпохи. Все это имело много общего с теми проблемами, которые стояли перед людьми, стремившимися осмыслить громадные исторические перемены, совершавшиеся в наши дни»¹⁰.

Как Ленин «советовался с Гегелем» перед принятием важнейших политических решений в разгар Мировой войны и перед поворотом от «военного коммунизма» к новой экономической политике, так

⁷ Там же. С. 68.

⁸ Там же. С. 84.

⁹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Часть I: Логика // Он же. Сочинения : в 14 т. М.; Л.: Госиздат, 1929—1959. Т. 1. С. X.

¹⁰ Лифшиц М. А. На доело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 84.

Лифшиц ищет в трудах немецкого философа логику постреволюционного развития культуры. С художественно-эстетической точки зрения развитие это *трагично*. Каждая великая революция есть великая трагедия, суть которой Лифшиц описывает шекспировским «the time is out of joint» («распалась связь времен»). Отсюда гегелевский лейтмотив: конец истории, конец искусства и самой философии... Подобно Гегелю, Лифшиц бьется над гамлетовской сверхпроблемой: «Порвалась дней связующая нить. Как мне обрывки их соединить?» (*перевод Б. Л. Пастернака*).

«Мы ничего другого не можем сделать. Но если мы сделаем это, мы сделаем все и будем достойны своей роли, своей миссии. Повсюду порванные нити! Даже внутри самого революционного движения, чья задача до некоторой степени состоит в том, чтобы порвать старую нить... Разве сталинщина — это не разрыв революционной нити, хотя эта нить, как уже было сказано, сама предполагает разрыв? Разрыв в искусстве, разрыв нравственный, разрыв в теоретическом мышлении. Всюду “одни концы”. Да где они? Дайте их, чтобы можно было их связать»¹¹.

Свою миссию Лифшиц видел в том, чтобы вплести лучшие нити прежней, дореволюционной культуры в новую ткань революции. Его заветный девиз — «Великое восстановление истины старой культуры без ретроградных идей»¹². Он любил повторять слова Герцена: грядущая революция должна стать «силой хранительной», а не только лишь «мечом рубящим», как того требовал анархист Бакунин. Нанося удар старому миру, революция должна спасти все то, что в нем достойно спасения, бережно сохранив все «немешающее, разнообразное и своеобычное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту», — восклицал Герцен¹³.

* * *

В глазах Лифшица Октябрьская революция была столкновением двух «патосов»: анархической «страсти к разрушению» — с «хранительной силой» Герцена. Такой взгляд имеет мало общего с материалистическим пониманием истории, но очень родствен гегелевской «Феноменологии духа».

Лифшиц видит в истории драму идей и страстей, не вдаваясь в серьезный анализ стоящих за ними производственных отношений и не пытаясь выводить формы общественного сознания из условий экономической жизни людей в духе марксова анализа «фетишизма товаров». В работах Лифшица мы встречаем, самое большое, апелляции к «реальной жизни», «практике», «общественному бытию» плюс указания на «классовые корни» тех или иных идей. Ровно так же обстоит дело и с его прочтением Гегеля.

¹¹ Лифшиц М. А. *Varia*. М.: Grundrisse, 2010. С. 99—100.

¹² Лифшиц М. А. В мире эстетики. М.: Изобразительное искусство, 1985. С. 297.

¹³ Герцен А. И. К старому товарищу // Он же. Сочинения : в 2 т. М.: Мысль, 1985—1986. Т. 2. С. 536.

Лифшиц столь сильно жаждет вписать все творчество Гегеля в контекст Великой французской революции, что местами сбивается в тоналность вульгарной социологии, которую сам и разоблачал. Вместо *выведения* тех или иных идей из конкретного анализа истории революции он *сводит* эти идеи к некоему абстрактному «принципу». Редукция вместо дедукции, без серьезного, самостоятельного исторического исследования. Так, в беседе с Ласло Сиклаи Лифшиц заявляет: «“Большая логика” Гегеля является системой категорий, которую Гегель ясно представлял себе как развитие “нового принципа”, утвержденного Французской революцией»¹⁴.

Здесь, конечно, вспоминается хрестоматийная метафора «алгебра революции». Только у Герцена речь идет не о политической революции, а об освобождении человеческого духа от старых, отживших мифов «мира христианского»¹⁵. Лифшиц же говорит о *преднамеренном, текстуальном* воплощении революционного идеала в «Большой логике». Отсутствие прямых доказательств такого умысла в работе Гегеля вынуждает Лифшица прибегать к изощренной экзегезе. Он ссылается на Предисловие к первому изданию «Науки логики», в котором речь идет о закате, крушении (Untergang) старой метафизики и формальной логики, учиненном наукой и «общим человеческим рассудком» (der gemeine Menschenverstand). Гегель ратовал там за сохранение и переработку содержимого этих философских дисциплин в «диалектическом разуме». Поистине, нужна пылкая любовь советского интеллигента к чтению между строк, чтобы усмотреть в этом Предисловии разговор о Великой французской революции.

Поиски революционной подоплеки «Науки логики» начались еще в ранней статье Лифшица «Эстетика Гегеля и диалектический материализм» (1931). Старая логика, говорится там, представляла собой «систематизацию» феодально-патриархальных порядков (античный, полисно-демократический первоисток формальной логики Лифшиц проигнорировал). Новым принципом общественного бытия становится *противоречие* — столкновение противоположных интересов, классов, и проистекающие отсюда «общественные антагонизмы». Сама жизнь требовала новой логики, теории возникновения и разрешения противоречий — диалектики.

«Категории логики — это формы, в которых отвердевает раскаленная лава революционных событий», — утверждает молодой Лифшиц¹⁶. Ну а молодой Маркс, со своей стороны, видел в категориях гегелевской логики «деньги духа» или «абстрактное мышление», отчужденное от природы и человека¹⁷...

¹⁴ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 85.

¹⁵ «Философия Гегеля — алгебра революции, она необыкновенно освобождает человека и не оставляет камня на камне от мира христианского, от мира преданий, переживших себя» (Герцен А. И. Былое и думы // Он же. Сочинения. Т. 2. С. 195).

¹⁶ Лифшиц М. А. О Гегеле. М.: Grundrisse, 2012. С. 62.

¹⁷ См. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 156.

Лифшиц всячески подчеркивает неприятие Гегелем абстрактной революционности и «дурной», лишенной всеобщего содержания новизны. Не голое отрицание, но *конкретное снятие* всех накопленных Мировым духом богатств, — такова генеральная установка философии Гегеля. Ни один другой философ не осуществил данный принцип с такой последовательностью и полнотой. Этот урок Гегеля Лифшиц выучил назубок.

Однако выводы, к которым привел Гегеля анализ судеб революции, коммуниста Лифшица устроить не могли. Для Гегеля революция — пройденный этап, поучительный урок, который мировому духу больше нет нужды повторять практически. С окончанием ее наступает эпоха синтеза, примирения старой и новой форм жизни духа: «Таким образом, философия Гегеля является теоретическим оправданием останковки революционного процесса на буржуазном его этапе, утверждением новой, устойчивой системы взамен утраченной во время революции. <...> Сама по себе революция представляет, с точки зрения Гегеля, только *фурию исчезания*¹⁸. С точки зрения международного опыта Гегель ясно сознает себя философом послереволюционной, *органической* эпохи и считает всякую попытку *возобновления* и углубления революции обращением вспять. Отсюда его отрицательная оценка июльских дней 1830 года»¹⁹.

Связать разорванные «концы» истории Гегелю не удалось, утверждает Лифшиц. Примирить пролетариат с буржуазией — дело абсолютно невозможное. История поставила в повестку дня новую, пролетарскую революцию, которая призвана раз и навсегда покончить с классовыми противоречиями — учредить общество без классов и разбить машины эксплуатации человека человеком — такие, как рынок, церковь и государство. Доказать это теоретически доведется лишь Карлу Марксу. Гегель же, решив, что революция себя исчерпала и свершился финальный синтез, впал в «резиньяцию» и возвестил о конце истории. «В силу своего исторического положения, в силу патоса, стоявшего за гегелевской философией, в ней был неизбежен мотив исторического крушения, катастрофы, капитуляции перед стихийным ходом исторического процесса, но с оговоркой и при условии, что эта капитуляция перед стихийным, несущим в своем чреве громадное количество жертв, расточением миллионов жизней историческим процессом была единственно возможной ценой за понимание необходимости исторического подъема в форме капиталистической, буржуазной цивилизации»²⁰.

* * *

Таков критический вывод, сделанный Лифшицем на уроке истории у Гегеля. Посмотрим теперь, как ученик справился с домашним заданием: какими философскими узлами Лифшиц вязал нити истории, порванные

¹⁸ Выражение из «Феноменологии духа»: «die Furie des Verschwindens».

¹⁹ Лифшиц М.А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 63—64.

²⁰ Там же. С. 99.

пролетарской революцией в октябре 1917 года, а затем еще раз — во времена сталинского «большого скачка»?

Первым делом бросается в глаза тональность его писаний на эту тему. Глубокое смирение и терпимость, воздержание от каких-либо резких жестов и, тем более, обвинительных резолюций — даже когда речь идет о неволе и гибели миллионов простых людей. Какой резкий контраст с филиппиками Лифшица против модернистского искусства, с насквозь пропитанными презрением и сарказмом «анализами» путевых заметок Мариэтты Шагинян, личности Солженицына, эстетических изысканий Гулыги и прочими «очерками по истории пустозвонства»!

Марксу подобные контрасты не были свойственны. Его критика действительности, «общественного бытия», не уступает в жесткости и остроте критике идеологических «испарений» материальной жизни людей. Лифшиц отлично знал, как нетерпим был Маркс к коммунизму уравнительному, «грубому и неосмысленному», несмотря на то, что видел в нем «необходимую форму и энергический принцип ближайшего будущего»²¹. И вот теперь, когда это «ближайшее будущее» настало, что и как о нем пишет марксист Лифшиц? Исследовал ли он новые экономические отношения людей — экономический «базис» советского общества? Нет. С высоты его «эстетического» взгляда на мир различимы в лучшем случае «принципы» и «патосы» общественного бытия.

В размышлениях над историей Страны Советов Лифшиц демонстрирует резиньяцию почти евангельской глубины. Тут он сам мог бы преподавать Гегелю урок. Девизом своего толкования истории революции Лифшиц избрал слова Пушкина «Понять необходимость и простить оной в душе своей». Часто их повторял. Он был готов понять и простить своей матери-революции буквально все, включая кровь, ложь и ужасы сталинизма. Этот путь революции не был ошибкой, уверяет он. Альтернативы, по сути, не было: «Есть глубокое основание, не ошибка какая-нибудь, не просто замысел злодейский чей-нибудь в этом, а тяжкий противоречивый ход истории, сознание отсутствия альтернативы... Дальнейший подъем страны мог совершаться только ужасным, иррациональным, варварским путем, в котором переплетались черты великого энтузиазма и темной энергии»²².

Божество революции не могло миновать Голгофы: се Человек — распни, распни Его! Нельзя воскреснуть, не умерев. Лагерный труд, террор и океаны лжи — такова жестокая цена, которую История заставляет платить за грядущий ренессанс человеческой личности. Социалистической революции Лифшиц отпускал все грехи, великодушно прощал их как необходимое зло. Мол, ничего не поделаешь, такова *иррациональная логика* истории — «простим оной в душе своей». А вот в искусстве он лжи не терпел. От художника он требовал правды, одной только правды и ничего, кроме правды.

²¹ См. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 127.

²² Лифшиц М. А. Очерки русской культуры. С. 234.

Один его ученик подробно рассуждает о том, как Лифшиц оценивал сталинский «термидор»²³. Но основная мысль философа ясна и не нуждается в комментариях: термидоры типичны исключительно для *буржуазных* революций. «Революция социалистическая раз навсегда устраняет возможность термидора», — категорически, со ссылкой на авторитетное слово Ленина заявляет Лифшиц²⁴. Так что напрасно Арсланов записал Лифшица в одну компанию с самим собой, Троцким и другими теоретиками «сталинского термидора».

Могут возразить, что Лифшиц писал те строки, пытаясь спасти себя и своего друга Лукача от расправы в 1940 году. Такую возможность не стоило сбрасывать со счетов, если бы Лифшиц не оставил нам многочисленных, ясных как божий день характеристик сталинской «*революции сверху*». Ее исторические (буржуазные) аналоги, по Лифшицу, — «плебисцитарная империя Луи Бонапарта и цезаризм Бисмарка», добавим сюда японскую «революцию Мэйдзи» тех же примерно лет. Все это — именно *социальные революции*, а вовсе не контрреволюции, не «термидор».

Термин «революция сверху» Лифшиц позаимствовал у Энгельса. Охотно использовал этот термин и Сталин для описания «крутого поворота» 1929 года. «В знаменитом “Кратком курсе” говорилось, что ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации была революцией сверху при поддержке снизу. Элемент “революции сверху” был во всех общественных движениях конца 30-х годов. Отличие от Октябрьской революции несомненное»²⁵.

Особо подчеркнем, что Лифшиц не считает это отличие свидетельством останковки революции, а тем более ее поворота вспять. Нет, он видит в Сталине *продолжателя* дела Октябрьской революции. Его политику в деревне поддержали и провели в жизнь крестьянские дети Октября «в гимнастерках и кожаных куртках». Их отцы экспроприировали помещиков, ну а дети взялись за отцов. Такова железная логика революции. «Все подтасовано», — как любили повторять вслед за аббатом Галиани Дидро, Герцен и Лифшиц.

О сталинском «термидоре» говорят поверхностные умы, неспособные видеть мощнейший всеобще-уравнительный «патос», который вдохновлял и восставший народ в семнадцатом, и «хунвейбинов тридцатых годов». Благодаря ему коллективизация только и могла быть практически осуществлена: «Разве этот разгром был бы возможен без жадного уравнительного раздела помещичьей земли, без уравнительной волны октябрьских времен. Разве он не был его продолжением? <...> “Революцией сверху”, как говорит Сталин в “Кратком курсе”, но все же революцией, воплощением уравнительно-всеобщего начала»²⁶.

²³ См. Арсланов В. Г. Проблема «термидора» 30-х годов и рождение «теории тождеств» // Михаил Александрович Лифшиц, М.: РОССПЭН, 2010. С. 338—366.

²⁴ Лифшиц М. А. Почему я не модернист? М.: Искусство-XXI век, 2009. С. 368—70.

²⁵ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 91.

²⁶ Лифшиц М. А. Varia. С. 104.

Приверженцами и идеологами революций сверху были, в большинстве своем, французские просветители. Вольтер опасался подъема народной стихии, фанатичных и отсталых в культурном отношении масс. История дает все основания для опасений: с античных времен восстания черни всегда заканчивались жестокой тиранией какого-нибудь демагога. В ответ на эти доводы марксист Лифшиц замечает, что революции сверху, не опирающиеся на революционную самостоятельность масс, оставляют нетронутым ядро старых порядков — казенную государственность, — как это хорошо видно на примере «социальной системы» Гольбаха. Народным массам не стоит питать иллюзий относительно навязанных сверху благодеяний. (Весьма актуальная и сегодня ремарка — не правда ли?)

Начатая Сталиным сверху, «урavnительная революция» 1930-х годов привела в движение огромную часть народа, открыла массам новые возможности образования и новые горизонты социальной активности. Лифшиц расценивает эту революцию как «громадный шаг в будущее» и призывает «судить о таких грандиозных явлениях <...> только с исторической точки зрения, а не с точки зрения формальной целесообразности и домашней морали»²⁷. Новая форма революционности представляется ему более универсальной и конкретной в сравнении с революционностью 1920-х, пытавшейся навязать обществу свои абстрактные идеалы и шедшей вразрез с реальным многообразием и полнотой жизни. Тем не менее в общем и целом Лифшиц оценивает сталинскую эпоху как «реакционную», при всем ее «прогрессивном содержании». Присовокупляя к данной оценке свое персональное «увы». Противоречиво, но факт. Главное — революция продолжается.

Остается решить философский вопрос о том, как быть в сложившейся ситуации честным мыслителям и художникам. Что делать, когда мало что можешь поделать? Лифшицу был по душе совет Томаса Манна: нужно привыкнуть к тому, что привыкнуть к этому нельзя. Трагическое осознание несовершенства жизни, неодолимой ограниченности своей эпохи, порождает особую философскую резиньяцию, буквально сочащуюся из сочинений Гете, Пушкина, Бальзака и всех тех, кого Лифшиц звал «великими консерваторами человечества». Не предаваясь утопическим грезам и не ища утешения в прошлом, эти люди стремились отыскать и сообщить нам «абсолютное», идеальное содержание жизни в чрезвычайно далеких от идеала условиях общественного бытия.

Такая, по выражению Белинского, «гуманная резиньяция» перед неотвратимым ходом вещей консервирует революционно-демократический «патос» на время «заморозков» истории. Удачно прокомментировал эту мысль Лифшица Дмитрий Гутов: «Бывают такие жизненные ситуации, когда самый последовательный, глубокий протест против существующего проявляется в обратных формах, приходит в образе смирения. В эти

²⁷ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 91.

эпохи неблагоприятных внешних условий революционное содержание может быть сохранено только в состоянии анабиоза»²⁸.

Советская эпоха, при всей ее декларативной революционности, делала гуманную резиньяцию единственно возможным способом сохранения свободной мысли, а то и физического самосохранения мыслителя. Неудивительно, что все рассуждения Лифшица о матери-революции полны всепрощающей резиньяции. Да и вообще, нормальный человек скорее умрет, чем бросит камень в собственную мать, какой бы уродливой и безнравственной она ни казалась на посторонний взгляд.

Резиньяция не приводит Лифшица к практическому отказу от революционных идеалов, как это произошло с Гегелем. Разделяя с последним «горькое сознание неизбежности недемократического пути реальной истории», Лифшиц, однако, не одобряет гегелевскую трактовку «трансцендентных исторических сил» и особенно — *философское термидорианство* зрелого Гегеля. Повторяя ход социальной революции своей эпохи, его система завершается «поворотом от революции к “похмелью”, примирением с прозой буржуазного общества. В этом смысле к умственному развитию Гегеля вполне применимо фигуральное выражение о “термидорианском повороте”»²⁹.

Тщетную попытку восстановить распавшуюся связь времен умозрительными, а не революционными средствами, примирить фактически неразрешенные противоположности в «идее» Лифшиц считает прямым следствием идеализма Гегеля и ограниченности его исторической перспективы. Отсюда — строгий вердикт: «Диалектика Гегеля оставалась консервативной, идеалистической, и он в еще большей степени, чем Кант, приходит к аскетическому взгляду, согласно которому назначение человека — терпеть. Поэтому и сама ирония Гегеля над поэтической мечтой “современных рыцарей” превращается в нечто реакционное и филистерское. Историзм Гегеля, его понимание неизбежности противоречий мирового процесса, покупается ценою превращения самой истории в некий безжалостный мировой дух, давящий народы и отдельные индивидуальности, подобно колеснице Джаггернаута»³⁰.

Обиду за рыцарей революции легко понять: Лифшиц сам был одним из их числа. Но удалось ли ему лучше, чем Гегелю, связать концы с концами? Я так не думаю. Его апология революции не опиралась на исследование материальных условий и способа производства жизни. Самое большее, что смог предложить Лифшиц для объяснения революционных событий, — апелляции к «обстоятельствам» да констатации «противоречивого хода истории».

²⁸ Готов Д. Марксистско-ленинская эстетика в посткоммунистическую эпоху. Михаил Лифшиц // Свободная Мысль. 2007. № 2. С. 133.

²⁹ Лифшиц М. А. Почему я не модернист? С. 369.

³⁰ Лифшиц М. А. Поэтическая справедливость. М.: Фабула, 1993. С. 255–256.

Свой взгляд на историю Лифшиц именовал «эстетической точкой зрения». При этом история представляется практическим осуществлением *идеального*, понятого как истина реального. Так, идеал «непосредственно-общественного порядка, исключающего борьбу эгоистических интересов», оказывается, зародился в голове Платона во времена, «когда для такого строя не было *никаких реальных условий*» (!), но сделался «исторической силой», пережившей века. То же самое говорится ниже и о мюнцеровой «идее полной социальной справедливости, далекой от практического осуществления в период детства буржуазного строя»³¹.

Подобные сюжеты не имеют ничего общего с материалистическим пониманием истории. Для Маркса история не есть осуществление наших идей на практике; наоборот, любые идеи суть лишь более или менее ясные выражения материальных производственных отношений. Идей, для которых нет «никаких реальных условий», не бывает на свете.

Конструируя свою теорию идеального, Лифшиц опять-таки апеллировал к Гегелю. Особое значение он придавал дистинкции *Ideelle* и *Ideale*. Лишь последнее *идеально* в настоящем смысле этого слова; *Ideelle* хорошо бы переводить как-то иначе — жаль, русский язык для этого не приспособлен, сетовал Лифшиц. Он почему-то был уверен, что немецкий философ видел *Ideale* везде и всюду. На этом уроке Гегеля Лифшиц, видимо, дремал. В «Науке логики» черным по белому сказано, что *Ideale* имеет значение «прекрасного и того, что к нему относится». Идеальному, в смысле Лифшица, в логике делать нечего: «здесь еще не место» для *Ideale*³². Логикам Гегель рекомендовал пользоваться термином *Ideelle*.

Категория *Ideale* передается в распоряжение *эстетики*. *Das Ideal* есть «идея прекрасного в искусстве»³³, то есть особая разновидность «идейного» — *Ideelle*: *идея* в чувственно созерцаемой форме. Никакой контрастности *Ideale* и *Ideelle* или превосходства первого над вторым тут нет и в помине. Как раз наоборот, категория *Ideelle* у Гегеля *логически чище и первичнее* одного из своих «модусов» — категории *Ideale*. Трудно поверить, что редактировавший гегелевскую «Эстетику» Лифшиц мог не знать эту прописную истину. Меж тем он не только умолчал о ней, но и записал Гегеля в свои предтечи...

* * *

До последних дней жизни Лифшиц сохранял твердую веру в социалистическую революцию и перспективу нового Ренессанса — «слияния артистически развитой культуры с глубоким, идущим снизу народным

³¹ См. Лифшиц М. А. Карл Маркс. Искусство и общественный идеал. М.: Художественная литература, 1979. С. 411, С. 426.

³² См. «Das Ideale hat eine weiter bestimmte Bedeutung (des Schönen und was dahin zieht) als das Ideelle; hierher gehört jene noch nicht; es wird deswegen der Ausdruck "ideell" gebraucht» (Hegel G. W. F. Wissenschaft der Logik I // *Idem*. Werke. Bd. 5. S. 165).

³³ Из заглавия части первой Лекций по эстетике: «Die Idee des Kunstschönen oder das Ideal».

движением». Интересно, что сказал бы философ, случись ему дожить до настоящего «термидора», возможность которого так решительно отвергалась им с «эстетической точки зрения». Впрочем, мать-революция впадала в кому еще в шестидесятых...

Философскую веру Лифшица не могло поколебать ничто. В темные времена советской истории он испытывал лишь «некоторое разочарование в собственных иллюзиях, что вполне закономерно. Это не было каким-то скептицизмом, напротив, это была именно утрата иллюзий, и она привела меня к *более глубокой вере*, более глубокому убеждению в том, что для достижения цели, которая была как бы центром всей моей духовной жизни, история, так сказать, заложила очень сложный и далекий вираж. И времени у нее в запасе много (курсив мой. — А. М.)»³⁴.

Блажен, кто верует...

³⁴ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 79.

Annotations

STATUS RERUM ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

Mikhail Delyagin

In a Context of Global Transformation.

The Russian-Chinese Cooperation in XXIth Century 5

Article analyzes the main aspects and prospects of global crisis and a role of the bilateral relations of Russia and China in its development and in the world after failure in a global depression. The principle of opposition of global business and the national states is proclaimed, idea of the Beijing consensus as instrument of protection of the people against global monopolies develops. The most perspective directions of cooperation of Russia and China are described. The assessment of the main opponents and hidden supporters of strategic partnership of our two countries is given.

Key words:

Russia, China, economic belt of a new Silk way, sea Silk way, Silk way, strategic cooperation, global depression, global crisis, Taiwan

Stephen F. Cohen

Ukrainian Crisis. A New Cold War? 17

A famous American historian prof. Stephen F. Cohen (University of New York) analyzes the most difficult problems of contemporary international politics; he means the Civil war in Ukraine, the new cold war between US and Russia and the appearance of the most dangerous crisis since the time of Cubanian (or missile) crisis of the beginning of 1960s. The author explains the causes of the Ukrainian crisis and argues the failure of US and the West's attempts to shift the blame on Russia and Putin's politics. Step by step he shows how Washington and Brussels used the propaganda myths and tried to mask their attempts to redirect Ukraine to the West and to integrate it into the NATO.

Key words:

conflict, Ukraine, disintegrated country, Ukraine-European Union Association Agreement, V. Yanukovych, maidan, revolt, East of Ukraine, new cold war, menace of war, USA, B. H. Obama II, A. Merkel, Russia, Putin's politics, peacekeeping

TERRA INCOGNITA НЕИЗВЕДАННАЯ ЗЕМЛЯ

Alexander Domrin

USA and the Constitutional Coup of 1993 in Russia 31

The famous Russian lawyer, ex-functioner of the Suprem Council of Russian Federation (1990–1993) explains the forms of US government participation in the constitutional (i.e. ANTI-constitutional) coup of Russian President Boris Yeltsin in the autumn of 1993. Using a great number of Russian and American sources, the author analyzes all the most important elements and mechanisms of the process.

Key words:

contemporary history of Russia, constitutional coup of 1993, President Yeltsin, Suprem Council of Russian Federation, "democratic reforms" in Russia, Russian-American relations, US Administration, B. Clinton, S. Tallbott, distraction of the USSR

Andrey Fursov, Kirill Fursov

Secret Services, Islamism and the bin Ladens Family 47

The article reviews two well-known books written by the American analyst, twice-Pulitzer-Prize-winning journalist Steve Coll devoted to the twenty-year history of Islamism and its close relations with the US, Pakistani and Saudi secret services. Special attention is paid to the eighty-year history of the bin Laden family.

Key words:

Islamism, terrorism, CIA, ISI, Taliban, Al-Qaida, bin Ladens

Elena Larina

Enemy in Front of the Gate... Who Is? 65

The article is the first part of an analytical cycle about prospects of the Russian-American relations in the context of global dynamics. The article is devoted to widely discussed and low-investigated issue of inter- and intra-elite interaction and an antagonism at the supranational, subregional and national levels.

Key words:

global dominative, subdominat, kvazidomanat, pattern, financier, manager, Netocracy, kognitariat, silovik, activist, the theory of categories and functors, dominant, domination, Dominat

THEATRUM MUNDI

МИРОВАЯ АРЕНА

Alexey Podberezkin

Near the Frontier. A Possible Scenario of International and Strategic Situation Development after 2021 79

The article is devoted to analyze the possible scenario of international and strategic situation development after 2021. The author thinks that in this period the conflict between Russia and Western civilization will become stronger. By this time Russian leaders must to implement a complex of measures; the main of these measures are proposed in the article.

Key words:

international situation, military and political situation, strategic situation, strategic prognosis, strategic planning, scenarios of international situation development, Russia, countries of Western civilization, conflict, compromise

Elena Ponomareva, Georgij Rudov

Confrontational Partnership 93

The gravest crisis which has been going on in Ukraine since late 2013 and which has led not only to the collapse of the economy and the state system of the country, but also to tens of thousands of victims among the civil population, was in a large measure provoked and even predetermined by the principles and mechanisms of the realization of the European programme "Eastern Partnership" (EaP). The long-term result of the catastrophe in Ukraine proved to be the unbalancing of the whole system of international relations. The article analyzes the main motivations, goals and tasks of the key players in the EaP programme. One of the main conclusions is an assessment of the EaP programme as initially confrontational towards Russia and forming antagonistic environment in Europe which in its turn paralyzes any initiative to create integrated space from Lisbon to Vladivostok.

Key words:

European Union, Eastern Partnership, Russia, Ukrainian crisis, world politics, world economy, post-Soviet space, Ukraine, Lithuania, European unity

MODUS VIVENDI

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Andrey Andreev, Vladimir Petukhov

Russia in the World. How the Attitude of Russians to the Paradigm "Europe – Asia" Changes 107

The authors concludes that now one can see the good attitude of the Russians firstly towards the states, that share with Russia its interpretation of the historical past and that are ready to be integrated together with Russia into various geopolitical and geo-economic projects. And during these processes one can see the gradual transformation of the system of the representations and meanings of the modern Russian identity matrix. However, this matrix cannot unequivocally be described as Eurasian. Rather, it is possible to talk about the formation in the Russian society of a new historical project of "alternative Europe".

Key words:

public opinion in Russia, Western civilization, Eastern civilization, Eurasian civilization, USA, Europe, Asia, identity, allies of Russia, opponents of Russia

Alexander Neklessa

Heart of Darkness 119

The author argues that the modern world system is in the situation of the profound crisis. The exterior manifestations of this crisis are the fall of importance of national state, from one side, and the growth of importance of the transborder dynamics. The symptom of profound social and mental changes are the attempts to deconstruct the modern civilization and the new type of terrorism, connected with the phenomenon of "dearth culture", based on the nihilistic consciousness, which has profound historical and gnoseological origins.

Key words:

future, crisis, transit, modernity, world structure, political organization, empire, national state, dearth culture

Dmitry Davydov, Leonid Fishman

The Future of Capitalism: From litRPG to Futurology 139

The article is devoted to the prospects of capitalism in times of technological displacement of labor. In the spotlight – a possible utilization of labor in virtual worlds and corresponding consequences associated with alienation from real-ity and technological rent-oriented behavior. The authors examine some possible scenarios of the future relying on futurological predictions of litrpg science-fiction writers and the forecasts of some foreign social theorists. One such scenario con-sists in the gradual withering away of capitalism and its fundamental principles – diligence and the "spirit" of entrepreneurship.

Key words:

litRPG, virtual reality, the spirit of capitalism, rent society, technological displacement of labor

PRO ET CONTRA
ЗА И ПРОТИВ
Vakhtang Surguladze
Phenomenon of “Byzantism” and Its Perception in Russia and in the West 151

Only distant, superficial acquaintance with Byzantine can create the dominant view of her as inanimate, frozen for centuries historical body. In conditions when Russia faces hostile ideological pressure of the West, Russian society need to strengthen its own unique values, defend its own ideals, should know, love and to be able to appreciate its historical and cultural heritage, part of which is impact perceived by Russia from Byzantine.

Key words:

Russia, Russian history, ideology, Russian identity, Byzantism, Byzantium, national myths, national conciseness

Vage Davtyan
Eurasian Economic Union: Problems of Energy Integration of Armenia 165

The key problems of integration of the Armenia's energy system in a single energy market within the framework of the Eurasian Economic Union are presented. Some normative bases for the formation of a common energy market are analyzed. The general characteristics of the Armenian energy system are given, the main problems hindering full integration, as well as the geopolitical aspects of this problem are shown. The role of the Russian capital in the functioning of a number of large power objects of the country are estimated. It is revealed that Armenia's signing the EAEU is a political project implemented primarily for military security purpose.

Key words:

Eurasian Economic Union, Republic of Armenia, energy, single market, integration, military security, political, cultural and civilizational aspects

QUO VADIS?
КАМО ГРЯДЕШИ? КУДА ИДЕШЬ?
Viktor Pernatsnky
The Phenomenon of Social Reality 173

The article is devoted to analyze the genesis and the characteristic features of social reality. The author (whose ideas are based on the principles of F. Engels' labor theory) explains the phenomenon like nature and genesis of the mankind, sociogenesis, politogenesis etc. He emphasizes the importance of the “second” (o social) birth of man, which is comparable with the importance of his “first” (o biological) birth.

Key words:

nature, man, society, social reality, sociogenesis, politogenesis, social difference, social inequality, homo sapiens

MARGINALIA
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ
Boris Romanov
Pulse of Time 205

The author of review dedicated to the monograph, written by sociologist Alexander Shipkov, emphasizes the organic connection between neoliberalism and fashism, which explains the fact of support of the contemporary Ukrainian neonazy regime by Western democracies. A. Shipkov researches the origins of fascism as a dictatorship, installed in the interest of main capitalist groups. He argues the difference between the right and the left types of traditionalism. The reviewer highly evaluates the content of the reviewed book.

Key words:

the rights, neoliberalism, nationalism, neonazism, traditionalism, fascism, dictatorship, totalitarianism, capitalism, communism

Andrey Maidansky
Conservative Revolution. Mikh. A. Lifshitz in Classes of Hegel 209

Researching Hegel's works, Soviet philosopher Mikhail Lifshitz was trying to understand logic of revolution and of the post-revolutionary development of culture. Following the ideas of Belinsky, M. Lifshitz interpreted the Hegel's term of Welt-geist (the World Spirit) into the “pathos”, which reflected the objective force of his-torical situation, of conditions. M. Lifshitz understood the Social Revolution as a conflict of two pathos. The first of them was the egalitarian, anarchic passion for de-struction, and the second one was the forth of culture self-preservation.

Key words:

Russian history, M. A. Lifshitz, Hegel, revolution, pathos, termidorianism, resignation (disambiguation), ideal, Soviet philosophy, Marxism

	<p>Абонемент на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <p style="text-align: center;">на 2015 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	X		X		X																								
	<p style="text-align: right;">Доставочная карточка</p> <p>на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td style="width: 15%;">Стои- мость</td> <td style="width: 15%;">подписки доставки</td> <td style="width: 20%;">__руб. __коп. __руб. __коп.</td> <td style="width: 50%;">Количество комплектов:</td> </tr> </table> <p style="text-align: center;">на 2015 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	Стои- мость	подписки доставки	__руб. __коп. __руб. __коп.	Количество комплектов:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X						
Стои- мость	подписки доставки	__руб. __коп. __руб. __коп.	Количество комплектов:																										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	X		X		X																								

	<p>Абонемент на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <p style="text-align: center;">на 2015 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	X		X		X																								
	<p style="text-align: right;">Доставочная карточка</p> <p>на журнал 79255 (индекс издания)</p> <p style="text-align: center;">Свободная Мысль (наименование издания)</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td style="width: 15%;">Стои- мость</td> <td style="width: 15%;">подписки доставки</td> <td style="width: 20%;">__руб. __коп. __руб. __коп.</td> <td style="width: 50%;">Количество комплектов:</td> </tr> </table> <p style="text-align: center;">на 2015 год по месяцам:</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td>X</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr> </table> <p>Куда _____ (почтовый индекс) (адрес)</p> <p>Кому _____ (фамилия, инициалы)</p>	Стои- мость	подписки доставки	__руб. __коп. __руб. __коп.	Количество комплектов:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		X		X		X						
Стои- мость	подписки доставки	__руб. __коп. __руб. __коп.	Количество комплектов:																										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
	X		X		X																								

ISSN 0869-4435

9 770869 443003

Подписной индекс 79255